

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сборник научных статей

[Начать просмотр](#)

Могилев
Могилевский институт МВД
2020

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
«Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»

Кафедра социально-гуманитарных дисциплин

**ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ:
МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Сборник научных статей

Научное электронное сетевое текстовое издание

Могилев
Могилевский институт МВД
2020

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
(on-line), 2020

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (CD),
2020

ISBN 978-985-7155-70-5 (on-line)
ISBN 978-985-7155-64-4 (CD)

[Перейти к сведениям об издании 1 2 3](#)

[Перейти к статьям](#)

**ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ:
МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Научное электронное сетевое текстовое издание

*Рекомендовано к изданию научно-методическим советом
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»*

Языковая компетентность: методические аспекты практико-ориентированного образования [Электронный ресурс] : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: С. В. Венидиктов (отв. ред.) [и др.]. — Могилев : Могилев. институт МВД, 2020. — Режим доступа: http://elib.institutemvd.by/handle/MVD_NAM/4856. — Загл. с экрана.

ISBN 978-985-7155-64-4.

В сборник вошли научные статьи, представленные на II Международную научно-методическую конференцию «Языковая компетентность: методические аспекты практико-ориентированного образования» (27–30 апреля 2020 г.), организованную кафедрой социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Тематика статей затрагивает ряд актуальных направлений исследований, среди которых теоретические проблемы языковой компетентности в процессе межкультурной коммуникации, текст как аспект языковой компетентности в профессиональной коммуникации, практические подходы к формированию языковой компетентности сотрудников органов внутренних дел, коммуникативная компетентность и корпоративная культура и др.

Сборник адресован ученым, преподавателям, аспирантам, докторантам, студентам, сотрудникам органов внутренних дел, а также всем, кто интересуется проблемами формирования языковой компетентности в образовательной среде.

В сборнике сохранена авторская редакция и подходы к решению заявленных проблем.

Ул. Крупской, 67, Могилев
тел. +375 222 72 41 58
e-mail: rio@institutemvd.by
<http://www.institutemvd.by>

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
(on-line), 2020

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (CD),
2020

[Перейти к сведениям об издании 2 3](#)

[Перейти к титульному экрану](#)

[Перейти к статьям](#)

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сборник научных статей

Научное электронное сетевое текстовое издание

Основу данного издания составляет электронное текстовое издание локального доступа:

Языковая компетентность: методические аспекты практико-ориентированного образования [Электронный ресурс] : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: С. В. Венидиктов (отв. ред.) [и др.]. — Могилев : Могилев. институт МВД, 2020. — 1 электрон. опт. диск (CD-R). — Загл. с экрана.

Редакционная коллегия:

С. В. Венидиктов (ответственный редактор), начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилевского института МВД, кандидат филологических наук, доцент;

Н. Н. Коротков, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилевского института МВД, кандидат филологических наук, доцент;

О. А. Лукина, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилевского института МВД, кандидат филологических наук, доцент;

И. Л. Лукашкова, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилевского института МВД, кандидат педагогических наук;

Е. Е. Иванов, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилевского института МВД;

Ю. М. Галковская, доцент кафедры иностранных языков Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, кандидат филологических наук, доцент;

Н. Н. Фиголь, доцент кафедры издательского дела и редактирования Издательско-полиграфического института Национального технического университета Украины «Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского», кандидат филологических наук, доцент

[Перейти к титульному экрану](#)

[Перейти к сведениям об издании 1 3](#)

[Перейти к статьям](#)

**ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ:
МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Сборник научных статей

Рецензенты:

кафедра иностранных языков
Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова;
доцент кафедры русского языка
факультета подготовки иностранных граждан
Витебского государственного медицинского университета
кандидат филологических наук, доцент *Т. Ю. Васильева*

Сведения о программном обеспечении:

Современные программы просмотра веб-страниц (браузеры) Opera, Mozilla Firefox, Google Chrome и другие. Такие браузеры не нуждаются в дополнительных настройках и осуществляют открытие pdf-файла при нажатии на соответствующую ссылку.

Редактор технический *Н. А. Наумович*
Корректор *Т. Ю. Лухтанова*

Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Ул. Крупской, 67, 212011, Могилев, тел. +375 222 72 41 58.
www.institutemvd.by

Дата подписания к использованию: 14.10.2020.
Объем 20 Мб. Заказ № 13.

[Перейти к титульному экрану](#)

[Перейти к сведениям об издании 1 2](#)

[Перейти к статьям](#)

[Перейти к титульному экрану](#)

УДК 378

A. Akenina

*Associate Professor of the Foreign languages department
of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Interior,
PhD in Pedagogy (Russia)*

**PARTICIPATION
OF THE POSTGRADUATE STUDENTS
IN THE WORK OF THE SCIENTIFIC FORUMS
AS ONE OF THE MOTIVATING FACTORS
OF SUCCESSFUL RESEARCH DOING**

The paper deals with postgraduate students' research activity, participation in scientific conferences, round tables and other types of scientific forums. It concerns emotional and intellectual involvement of both a teacher and a student in the process of exploring, analyzing, and verifying new knowledge. It may be stated that mastering foreign language knowledge is one of the most important tools for a post-graduate student as a beginning scientist and one of his research activity success guarantees and motivating factor of successful research fulfilment.

In modern conditions of rapid technological progress, the success of effectiveness of postgraduates' research cannot but depend on the possession of foreign language mastering. Language skills help to overcome language barriers, make it possible to regularly monitor the scientific literature, to carry out personal contacts, conversation and correspondence, listen to the lectures and reports, take part in scientific forums.

Methods and technologies of education focus on full emotional and intellectual involvement of both a teacher and a student in the process of exploring, analyzing, and verifying new knowledge. They determine each other's activity, clarifying and correcting forms of interaction as well as taking into consideration each other's states of being "here and now".

Knowledge of a foreign language is one of the most important tools for a post-graduate student as a beginning scientist and one of his research activity success guarantees. Assignment of grammar competence as one of the language competence components is aimed at proper communication. The process of mastering grammar structures supposes to have an active, unofficial and creative character.

The main theme of scientific research of the Russian universities today is also a problem of education and educated person. I think all of us are aware of the enormous role played by education, especially higher education, in changing the conditions of negative trends that exist in the world and in Russia in particular.

Young scientists discuss the current problems of high school, which seeks to find a new face in the information society. Globalization in the economy, complex political processes in the world, sociocultural transformations — such was the pre-human twenty-first century at its origins.

At the present time, educational institutions offer fantastic opportunities for young people to apply the newest technologies during their studies, so they can accumulate much knowledge and information in order to succeed in a career. Many people, however, are concerned that universities have given up on the meaning of life and that exploring the questions of life's purpose and meaning appear to be hostile to a research ideal. As a result, the young people don't have any expectations regarding their future life, and they don't see any meaning in what they are going to do in that future.

One of the most urgent problems the younger generation faces today is the lack of striving to ultimate concerns and meanings in life. This leads to inability for young people to self-determine their own lives and thus, they may be easily manipulated by external forces. Meaning centered education can go beyond the merely vocational and equip young people for a challenge larger than that of succeeding in a career. It motivates them to consciously construct their own life strategy, and thus to self-determine their future. Culturally appropriate meaning centered strategies can facilitate this motivation. One of the effective instruments to measure the level of consciousness young people reveal towards their own life orientations is MLO (meaningful life orientations) model.

The reorganization of education and science management opens up new ways and opportunities to increase the contribution of the young scientists to the development of knowledge-based society and economics. The fundamental goal of high school reform is to ensure that society is more effectively developed. In the course of the implementation of reforms based on consistent accounting and changed realities of the development of Russian society, it is necessary to revive the lost historical advantages of domestic education and science, to find adequate, responsible needs of the country's socio-economic development, solutions to the problems that have re-emerged.

It is already clear to everybody that the development of our country is impossible without significant progress in the education and science. The age of science, knowledge and high technology is unthinkable without the emergence of a new quality of higher education. It requires the joint efforts of all those involved in the educa-

tional sphere to overcome the still existing misunderstanding in society of the new situation, when the backlog in education means pushing our country to the margins of history.

Particular attention should be paid to the integration of higher education and science, to revitalize innovation, and to strengthen its impact on the development of the economy and the social sphere.

Such scientific forums, conferences, round tables contribute to achieving these goals, increasing the contribution of the high school, the entire education system to solving both social and general economic problems. I wish the conference participants a success.

The postgraduate students of our institute regularly take part in the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation «Practical English in Use». The scientific forums of the kind play quite an important role in formation interaction between different universities concerning training highly qualified specialists in different spheres of science.

It is a great opportunity for them to present results of their research to professors and colleagues from other educational institutions of our city, a great chance to meet and discuss burning issues of young scientists' projects, which some day may be awarded Noble prize.

At the conferences they speak about great importance of foreign languages studies for Masters of Science and postgraduates, for those who will create future science. Growing influence of science's achievements on humanity's life, active development of international cooperation and gradual transformation of the world to the common economic space nowadays, in the century of high technologies, knowledge of foreign language is becoming an increasingly necessary condition of effective personal self-realization and successful professional activity in the modern society.

In the period when science can blur the boundaries of the countries in solving global problems, ignorance of knowledge at least of one foreign language is unacceptable. When a scientist does not pay attention to studying a foreign language, he or she consciously limits the disclosure of their own scientific potential, face the impossibility of productive and deep research of foreign scientist's works and minimize the possibilities of cooperation with them.

Being a teacher of English of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs, I'd like to say that for our postgraduates knowledge of foreign language opens new ways of their own self-development. Foreign language competence allows officers get new information for the dissertation research using foreign scientific sources (scientific books, articles, papers, dissertations, universities' handbooks, laws, etc.) communicate with scientists from other countries and exchange scientific

experience with them, participate in international conferences, write papers in foreign language and publish them in foreign scientific journals, organize common decisions with foreign colleagues on the task of fighting against international crime.

Reflecting on positive influence of the foreign language studies for young scientists it should be stated that people, who learn foreign languages have less problems with memorizing some new information. Learning poems by heart and learning a foreign language are generally accepted as the best ways of memory development and training, which, in fact, can be combined. Usually the vocabulary of an average person ranges from 10,000 to 30,000 words (depending on age, profession, environment, social status, level of socialization and education and other factors). A person, who adds to the his / her own vocabulary new foreign words regularly, will improve cognitive processes to work more actively, and as a result the perception of new information will be more effective.

I often remind postgraduate students at our lessons that it is a common fact that our brain could not be overloaded by knowledge. Specialists in the field of neurolinguistics claim that the process of learning foreign languages affects the formation of new neural connections in our brain. People who grew up in a multilingual environment and have practice of cooperation with representatives of other countries have a much better memory and intellectual facilities than those who only have heard their native language since childhood. Moreover, they feel better in mind, they are distinguished by better reading, writing and speaking abilities and other similar skills, they are more open for cooperation with other people and engaging in a new kind of professional activity. Their brain is less sensitive to aging than those who do not learn languages and in fact, people who pay attention to the learning of foreign languages live more interesting, productive and successful life.

In the process of foreign languages mastering, students agree that people begin to love their native language more. It may seem paradoxical, but it is so. In addition, studying foreign language, we build parallels with our native language, compare, try to find common grounds and differences between them and as a result begin to study native language in a more productive way. In the process of searching associations with the native language, we begin to look for non-standard solutions to various problems.

It is a generally accepted fact that people, who are fond of learning foreign languages begin to understand culture and traditions of their native country better. Those, who are interested in learning and mastering foreign languages become more successful in achieving their own everyday goals, they are more creatively developed and can find more effective, untraditional means of solving scientific problems.

In conclusion, it should be said that development of science, its achievements and subsequent improvement of the quality of life of people all around the world is impossible if those who create modern science do not work on self-development and are sure that extra language education for them is not so useful and important. The diligent study and as a result profound knowledge of foreign languages can broaden young scientists' opportunities to bring quality of their international interaction to a new higher level and help to solve problems that are still unsolvable today and make new scientific discoveries, which can quite possibly drastically change our lives.

А. В. Акенина

Участие адъюнктов в работе научных форумов как мотивирующий фактор успешного выполнения научного исследования

Процесс изучения иностранного языка рассматривается обучаемыми как возможность проникновения в новый незнакомый мир; возможность перевоплощаться. Почти у всех есть желание владеть иностранным языком, уметь коммуницировать непосредственно. Это сложный процесс преодоления разнообразных трудностей, предполагающий накопление знаний. Отсрочивание достижения целей приводит к снижению мотивации, встречной активности, ослабеванию воли, направленной на овладение иностранным языком.

Участие адъюнктов Дальневосточного юридического института МВД России в научно-практических конференциях с докладами на английском языке с международным участием Professional English in Use и с публикациями в сборниках по итогам научных форумов можно расценивать как мотивацию, как важнейшую «пружину» процесса овладения иностранным языком, обеспечивающую его результативность. Доклады на английском языке, представленные адъюнктами, выполняются по темам научного исследования. Возможность вербализации на английском языке доклада по теме исследования позволяет осознать и отработать научную тему по-новому, сравнить свою презентацию темы с работами молодых ученых из других высших учебных заведений города. Ответить на вопросы участников форума на иностранном языке — это не только проблема понимания, но и возможность еще раз осмыслить тот материал, над которым идет работа.

Процесс подготовки доклада по научной теме на английском языке позволяет совершенствовать коммуникативную иноязычную компетенцию. Представление научной статьи по теме исследования в сборник по итогам конференции позволяет молодому ученому поработать с оригинальными актуальными источниками на иностранном языке.

Реализация своего исследования в докладе на иностранном языке в работе научного форума — это прекрасная возможность повысить свою культуру публичного выступления, самопрезентации, самореализации. Научные форумы подобного уровня не только способствуют единению и развитию научного сообщества молодых исследователей, но также мотивируют ученых к развитию научной мысли и апробации исследований на иностранном языке. Следует иметь в виду, что мотивация — сторона субъективного мира обучаемого, она определяется его собственными побуждениями и пристрастиями, осознаваемыми им потребностями.

Роль преподавателя сводится к опосредованному влиянию на мотивацию посредством создания предпосылок и формирования оснований, на базе которых у учащихся возникает личная заинтересованность в работе. Преподаватель должен также представлять весь арсенал мотивационных средств, все типы и подтипы мотивации и их резервы. Тогда можно будет точно соотнести содержание учебного процесса на всем его протяжении с соответствующими типами мотивации, т. е. создать стойкую сопутствующую мотивацию, гарантирующую прогресс в овладении иностранным языком.

УДК 372.881.1

В. Б. Балабанов

*преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД (Беларусь)*

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНОГО ИЗДАНИЯ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Процесс информатизации активно способствует совершенствованию подходов к созданию новых средств обучения различным дисциплинам (включая иностранные языки) на основе современных цифровых и сетевых технологий с активным применением мультимедийной информации и интерактивных заданий. Тщательная проработка структуры и информационного наполнения является одним из важнейших этапов в процессе создания качественного электронного средства обучения иностранным языкам.

Электронные образовательные ресурсы все активнее создаются и применяются в учреждениях высшего образования в качестве основного учебного издания по различным специализированным и общеобразовательным дисциплинам. Учитывая многогранность преимуществ электронного издания над традиционным печатным, активное замещение классических учебников электронными изданиями имеет логическое обоснование. Немаловажную роль в процессах информатизации системы высшего образования играют интенсивность популяризации разнообразных портативных технических средств и совершенствование технологий беспроводных сетей. Все это позволяет внедрять в учебный процесс электронные образовательные ресурсы без необходимости огромных капиталовложений в развитие материально-технической базы учреждений высшего образования, так как учащиеся могут иметь доступ к электронным учебным ресурсам с помощью собственных устройств как удаленно, так и во время аудиторных занятий.

В современном высшем образовании заметны тенденции к постепенному смещению акцентов от лекционно-семинарской формы занятий к практическим аудиторным и дистанционным формам обучения. В этих условиях изменяется роль преподавателя, который все реже выступает в качестве основного источника информации и все чаще становится консультантом, задающим вектор самостоятельной познавательной деятельности учащихся. Одним из ключевых звеньев процесса модернизации системы высшего образования является совершенствование учебной литературы, отвечающей современным требованиям по активизации самостоятельной работы учащихся. Для этой цели как нельзя луч-

ше подходят электронные учебные издания, объединяющие в себе свойственную печатным учебникам информационную насыщенность с интерактивностью и мультимедийностью.

Дисциплина «Иностранный язык» является одной из наиболее динамично развивающихся в интенсивно изменяющемся современном мире с его процессами глобализации и информатизации. В современной системе неязыкового высшего образования имеет место профессионально ориентированное обучение иностранным языкам, цель которого состоит в формировании и развитии соответствующих компетенций будущих узкопрофильных специалистов. Сама же дисциплина «Иностранный язык» также претерпевает эволюционные изменения, ее изучение трансформируется из цели в средство. То есть в системе неязыкового высшего образования иностранный язык изучается как дополнительное средство для достижения единой цели подготовки высококвалифицированных специалистов, стремящихся к дальнейшему саморазвитию в условиях непрерывно изменяющегося общества.

В процессе работы над профессионально ориентированным электронным учебным изданием по иностранному языку следует учитывать упомянутые выше тенденции с целью создания качественного и соответствующего современным требованиям образовательного продукта.

Качественное учебное издание по иностранному языку, несомненно, должно содержать исчерпывающий (и даже избыточный) материал, предусмотренный учебно-программной документацией по дисциплине. Перед началом работы над созданием электронного учебного издания по иностранному языку необходимо тщательно продумать его структуру и содержание. Важно помнить о том, что ориентированность на самостоятельную познавательную деятельность учащихся требует такой проработки структуры, которая обеспечит максимальную эффективность усвоения учебного материала и минимизирует время, необходимое на осмысление алгоритма работы интерфейса, последовательности выполнения заданий и ясности унифицированных формулировок всех типов заданий (дидактического дискурса). А вот подготовку пояснительной записки и составление подробной инструкции по использованию электронного учебного издания лучше запланировать на финальный этап работы над его созданием.

Структура электронного учебного издания по иностранному языку может быть построена по разным принципам, но основополагающим фактором представляется четкость тематической последовательности, которая должна базироваться на требованиях учебно-программной документации. Оптимальной можно считать такую структуру электронного учебного издания, которая макси-

мально следует логике распределения тем и учебных часов в учебной программе.

Четкое структурное деление электронного учебного издания на модули, темы, уроки, аспекты, задания и т. п. позволяет пользователю максимально быстро ориентироваться в учебном материале и, следовательно, способствует повышению эффективности его усвоения.

Изучение иностранного языка подразумевает овладение его фонетическим, лексическим и грамматическим аспектами, а также социокультурными нормами бытового и делового общения, правилами речевого этикета, позволяющими эффективно использовать иностранный язык как средство общения в современном поликультурном мире. Нельзя оставить без внимания историю и культуру страны изучаемого языка, умение ориентироваться в которых значительно расширяет кругозор. В связи с этим структура электронного учебного издания по иностранному языку должна включать все перечисленные выше аспекты. Последовательность их размещения в рамках структурных элементов электронного издания может прорабатываться индивидуально в зависимости от особенностей методики обучения и специфики профессиональной ориентированности учащихся. Однако основные структурные блоки должны содержать как теоретический (правила и исключения, информационные тексты, таблицы, видеообъяснения и т. п.), так и практический языковой материал (упражнения, интерактивные задания, тесты, тематические видеофрагменты и т. п.).

В электронных учебных изданиях по иностранному языку для неязыковых специальностей объяснение правил (текстовое либо мультимедийное) предпочтительно осуществлять на основе родного языка с проведением возможных теоретических и практических межъязыковых параллелей. Это будет эффективно отражаться на усвоении иноязычного материала с опорой на уже известные примеры из родного языка. Закрепление материала можно организовать как с помощью традиционных упражнений, так и на основе интерактивных заданий с автоматической проверкой результата.

Подбор текстов рекомендуется осуществлять из аутентичных источников, иностранных периодических или специализированных изданий. Тексты должны содержать актуальную информацию. На основе текстов составляются пред- и послетекстовые задания, лексические упражнения и задания на развитие устной и письменной речи. В число заданий по тексту также можно включить интерактивные элементы с возможностью автоматической проверки результата выполнения.

Каждый тематический блок профессионально ориентированного обучения иностранному языку должен включать словарь-минимум лексических еди-

ниц, словосочетаний и даже целых фраз для расширения лексического запаса учащихся в сфере их будущей профессиональной деятельности. Запоминание лексики на основе ситуативного моделирования, диалогической инсценировки, монологического высказывания и практики устного / письменного перевода представляется наиболее эффективным. Следует четко обозначить минимальные границы изучения профессионально ориентированной лексики в рамках усвоения каждой лексической темы для более адекватного самоконтроля учащихся и выработки оптимальных критериев оценивания.

Современное электронное учебное издание невозможно представить без заданий на совершенствование навыков восприятия иноязычной речи на слух (аудирования). К счастью, сегодня в открытом сетевом доступе существует колоссальное количество всевозможных аутентичных видеоматериалов, на основе которых можно составить задания (в том числе и интерактивные) для формирования и развития у учащихся навыков понимания иноязычной речи в максимально приближенных к реальной жизни ситуациях благодаря наличию естественных фоновых шумов, а также неадаптированному темпу речи.

Наверное, наиболее сложным элементом электронного учебного издания по иностранным языкам для неязыковых специальностей является фонетическая часть, т. е. практическая отработка правильности произношения. Разумеется, включение заданий фонетического блока в электронное учебное издание не представляет особых технических трудностей, чего не скажешь о технологиях контроля за качеством формирования навыков произношения у учащихся. И хотя современные компьютерные программы уже позволяют преобразовывать речь в текст или даже вести с компьютерным искусственным интеллектом несложные беседы, проверить качество произношения звуков и интонирования фраз вряд ли представляется возможным в условиях самоподготовки учащихся (без участия преподавателя). В подобном случае можно включить в электронное учебное издание возможность дистанционной коммуникации с преподавателем в режиме реального времени либо посредством отправки учащимися записей голосовых или видеосообщений преподавателю.

В целом создание электронного учебного издания по иностранному языку является очень трудоемким процессом, требующим от автора знаний тонкостей методики электронного (в т. ч. дистанционного) обучения иностранным языкам, а также отчетливого представления об алгоритме построения и использования электронных обучающих ресурсов. Как правило, такой объем работы вряд ли оказывается под силу одному человеку, так как в таком случае он не только должен быть специалистом в иностранных языках, но и иметь достаточно уверенные знания в области компьютерных технологий и программирова-

ния. В этой связи следует подчеркнуть, что только комплексный подход к реализации всех указанных выше принципов и подходов позволит создать полноценное и полнообъемное электронное учебное издание, которое будет выгодно отличаться от традиционного учебного пособия исчерпывающим количеством структурированной дидактической информации, построенной на фундаментальной основе современных электронных образовательных технологий, с возможностью организации как аудиторных практических занятий, так и самостоятельной работы учащихся, с обеспечением полноценного доступа к технологиям дистанционного обучения.

V. B. Balabanov

Features of the structure and content of the electronic textbooks in teaching foreign languages

The process of informatization actively contributes to the improvement of approaches to the creation of new teaching tools for various disciplines (including foreign languages) on the basis of modern digital and network technologies with the active use of multimedia information and interactive tasks. Thorough elaboration of the structure and information content is one of the most important stages in the process of creating a high-quality e-learning tool for foreign languages.

УДК 811.111'276:34:378.147

Ю. А. Балло

*старший преподаватель кафедры мировых языков
Витебского государственного университета
имени П. М. Машерова (Беларусь)*

Н. М. Шкатуло

*преподаватель кафедры мировых языков
Витебского государственного университета
имени П. М. Машерова (Беларусь)*

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В данной статье подчеркивается важность иноязычной языковой подготовки будущих специалистов, знания функциональных стилей и учета их особенностей при переводе. Также описываются основные способы перевода английских терминов на русский язык. Приводятся основные требования для осуществления качественного перевода юридических терминов.

С учетом современных условий развития государства, экономики Республики Беларусь, расширения производства и выхода на мировые рынки, процессов глобализации и интернационализации целью реформ системы высшего образования нашей страны становится повышение качества профессиональной подготовки студентов. Для осуществления своей профессиональной деятельности выпускники юридических специальностей должны не только иметь достаточный уровень знаний и умений в своей сфере, но и владеть государственными языками, одним или несколькими иностранными.

Участие студентов в программах академической мобильности способствует стимулированию интереса к изучению иностранных языков и повышению уровня языковой подготовки будущих специалистов. В процессе обучения должны быть сформированы необходимые компетенции, чтобы иностранный язык стал средством не только межличностного, но и профессионального общения. Не следует забывать и о студенческой научно-исследовательской деятельности, студентов нужно научить искать валидные иноязычные источники, составлять аннотации, писать статьи на иностранном языке (преимущественно на английском), выступать с докладом на конференциях.

В данной статье мы рассмотрим особенности юридического дискурса, языка права. Чтобы работать с иностранной юридической литературой, документами, необходимы знания о функциональных стилях речи и языковых средствах, так как именно в рамках стиля выделяются жанры и типы текстов.

Согласно классификации В. Л. Наера, в сфере профессионально-деловой коммуникации выделяются научный, технический и официально-документальный стили. Последний, в свою очередь, делится на подстили: административно-канцелярский, юридический (законодательный), дипломатический [1, с. 7].

Главные функции официально-документального стиля — денотативная и волеизъявительная, так как данный стиль касается сферы деловых отношений и регулирования отношений между государствами, организациями, юридическими и частными лицами. Любой текст данного стиля является документом, имеющим юридическую силу. Поэтому к характерным чертам документов можно отнести: точность, детальность, стереотипность, стандартизованность, объективность, логичность.

Таким образом, перевод документов должен осуществляться с учетом строгих норм, но при наличии соответствующих документов-образцов на языке перевода это не является сложной задачей. Все документы имеют клишированную форму и оформляются строго установленным образом. Если отсутствует аналог, то используются средства канцелярского письменного языка: клише, сложный синтаксис, номинативность, формы настоящего времени, однозначные эквиваленты и трансформации. В процессе обучения студенты должны освоить основы письменной деловой коммуникации, ознакомиться с видами деловых писем и профессиональной документации.

Важно обратить внимание на терминологию, которая может вызвать определенные проблемы при работе с переводом, поскольку наряду с развитием языка возникают новые термины и понятия, а в силу своих характеристик юридический дискурс тесно связан с политикой, религией, экономикой и обусловлен культурой и историей страны. Чтобы избежать ошибок перевода, студенты должны обладать фоновыми знаниями, экстралингвистической информацией. Задача педагогов — мотивировать студентов и создавать такие условия, чтобы студенты стремились к самообразованию. Кроме того, надо быть осведомленным и иметь полное представление о различиях правовых систем, прав и положений в разных странах.

Под юридическим термином мы понимаем слово или словосочетание, употребляющееся в законодательстве; обозначение государственно-правовых понятий. В специализированной литературе студенты могут встретить следующие виды терминов:

– общеупотребительные (общезначимые) — понятны всем: *witness* — «свидетель», *refugee* — «беженец», *plaintiff* — «истец», *employer* — «наниматель»;

– специальные юридические — понятны специалистам: *letter of credit* — «аккредитив», *statement of action* — «исковое заявление», *limitation of action* — «исковая давность», *compulsory portion* — «обязательная доля»;

– специальные технические — заимствованы из области специальных знаний и используются в юридической литературе (медицина, экономика, строительство и т. д.): *defective product* — «некачественная продукция», *safety regulation* — «правила техники безопасности», *malpractice* — «врачебная ошибка».

С точки зрения своей структуры термин может: 1) состоять из одного слова; 2) быть словосочетанием из одного ключевого слова и одного или нескольких дополнений, определяющих или изменяющих значение термина. Эти термины широко распространены и могут вызвать трудности при переводе. Такие комбинации могут состоять из двух или более элементов.

– Словосочетание, состоящее из двух слов.

Первый элемент может быть переведен на русский язык различными способами:

1) прилагательным (*bank fraud* — «банковское мошенничество», *confidence game* — «мошенническая игра», *land law* — «земельное право»);

2) существительным в родительном падеже (*witness intimidation* — «запугивание свидетеля», *expert findings* — «заключение экспертизы», *jury award* — «решение присяжных», *fact finding* — «установление факта»);

3) существительным с предлогом (*inheritance duty* — «налог на наследство», *business fraud* — «мошенничество в бизнесе»);

4) составом (*attorney accountant* — «поверенный-бухгалтер», *Lord Chancellor* — «Лорд-канцлер»);

5) при участии конструкции (*trade fixture* — «недвижимость, присоединенная нанимателем к нанятой недвижимости для целей бизнеса», *suppletory oath* — «присяга, подтверждающая дополнительные показания»);

6) другими описательными средствами (*life gage* — «залог, при котором доходы от пользования имуществом засчитываются в уплату суммы долга», *indeterminate obligation* — «обязательство, предметом которого является вещь, определяемая родовыми признаками»).

– Словосочетание, состоящее из нескольких компонентов.

Для перевода таких комбинаций необходимо придерживаться следующей последовательности действий:

1) переводить зависимое существительное (последнее слово в словесной группе);

2) проанализировать смысловые отношения между членами словосочетания и разделить их на смысловые группы (их следует анализировать слева направо);

3) переводить словосочетание, начинающееся с зависимого слова, а затем переводить все смысловые группы справа налево. Например, *civil practice lawyer*. Переводим последнее слово *lawyer* — «адвокат». Остается словосочетание *civil practice* — «гражданский процесс, гражданские дела». Перевод: адвокат по гражданским делам. Разберем еще один пример: *pure expert opinion evidence*. Последнее слово — «доказательства, показания»; *expert opinion* — «экспертное мнение». Перевод: показания в форме чисто экспертного мнения.

Атрибутивные сочетания могут начинаться с прилагательного или причастия. В этом случае необходимо определить, какое слово оно изменяет. Например, *non-unanimous jury system* — «не требующая единого мнения присяжных система правосудия».

Терминологические системы многих областей знаний содержат так называемые одноименные единицы. Это термины, в состав которых входят собственные имена выдающихся ученых, деятелей, изобретателей, географические названия и т. д. Если в словосочетании есть имя собственное, оно переводится прилагательным, причастием, существительным в родительном падеже или существительным с предлогом. Например: *Gretna-Green marriage* — «брак, заключенный в Гретна Грин» (брак, заключенный по шотландскому закону, требующему только согласия вступающих в брак); *Berne convention* — «Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений».

Термины являются относительно контекстно свободными языковыми единицами, хотя контекст часто помогает определить конкретное поле, к которому относится термин. Многие терминологические эквиваленты в русском языке образованы от английских терминов путем транскрипции: *parliament* — «парламент», *impeachment* — «импичмент». Эти единицы не представляют сложности при переводе, так как имеют свои постоянные эквиваленты в соответствующих терминологических системах.

В некоторых случаях существуют параллельные формы на русском языке: одна сформирована транскрипцией (заимствованным словом), а другая — словом родного языка, например: *legality* — «легальность» и «законность», *solicitor* — «солиситор» и «адвокат», «юрист», *bailiff* — «бейлиф» и «судебный пристав». При переводе необходимо учитывать возможные различия между этими двумя формами и то, как они используются на целевом языке.

Особого внимания при переводе заслуживают термины, которые обозначают реалии других стран и не обладают соответствующим термином-эквивалентом.

Перевод таких реалий может осуществляться через:

а) описание английского термина: *primaries* — «предварительные выборы, определяющие кандидатов в президенты в США»; *Miranda rule* — «право человека не давать показания в отсутствие адвоката»; *limited divorce* — «раздельное проживание супругов»;

б) дословный перевод: *income statement* — «отчет о доходах»; *police discreteness* — «полномочия полиции»; *group action* — «коллективный иск»;

в) частичную или полную транслитерацию: *Interpol* — «Интерпол»; *delict* — «деликт» (гражданское правонарушение); *Bill of rights* — «Билль о правах»; *ombudsman* — «омбудсмен» (уполномоченный по правам человека);

г) транслитерацию и дословный перевод: *Lynch law* — «Закон (суд) Линча» (самосуд; бессудная казнь, убийство толпой подозреваемого в преступлении или нарушении обычаев);

д) транскрипцию: *felony* — «фелония» (тяжкое преступление); *misdemeanor* — «мисдиминор» (правонарушение), *juvenile* — «ювенальный» (несовершеннолетний);

е) транскрипцию и перевод: *constructive eviction* — «конструктивная эвикция» (принцип, согласно которому действия арендодателя, препятствующие нормальному использованию арендованного имущества, рассматриваются как действия, направленные на выселение арендатора).

Следует отметить, что основная ошибка при переводе таких терминов заключается в том, что студенты иногда пытаются найти буквальный эквивалент английского термина в своем языке. Это не совсем правильный подход, так как важно передать специфику зарубежных реалий. Кроме того, эти термины могут выражать понятия, характерные только для зарубежной реальности, и, следовательно, они могут не соответствовать реалиям, принятым в специальных текстах родного языка. Студенты также могут совершить ошибку в результате неправильного отнесения термина к одной из упомянутых выше групп и выбора неадекватного способа перевода. Еще одна ошибка заключается в дословном переводе, когда английский термин или его компоненты аналогичны русскому термину, но обладают иным значением. При переводе необходимо учитывать значение термина в конкретной ситуации и конкретном контексте. Также необходимо учитывать возможные изменения значения термина, если он используется во множественном числе.

Таким образом, поскольку право является областью, тесно связанной с социальной, политической сферами страны, ее культурой и историей, юридические переводы могут стать сложной задачей. Для эффективного и точного перевода правовой информации язык юридического перевода должен быть точным, при этом необходимо соблюдать различные правовые стандарты. Правильное понимание и перевод терминов зависят не только от хорошего знания языка, но и от знания иностранных и русских реалий.

1. Наер В. Л. К описанию функционально-стилевой системы современного английского языка. Вопросы интеграции и дифференциации // Лингвостилистические особенности научного текста : сб. науч. тр. М., 1981. С. 3–13. [Вернуться к статье](#)

Yu. A. Ballo, N. M. Shkatulo

Features of language training for students of legal specialties

This article emphasizes the importance of foreign language training of future specialists, knowledge of functional styles and taking into account their features in translation. It also describes the main methods of translating English terms into Russian. The basic requirements for high-quality translation of legal terms are given.

УКД 378.4:871.3І:811.111-26

Т. Ю. Васильева

*доцент кафедры русского языка
факультета подготовки иностранных граждан
Витебского государственного медицинского университета,
кандидат филологических наук, доцент (Беларусь)*

Э. Л. Мандрик

*преподаватель кафедры русского языка
факультета подготовки иностранных граждан
Витебского государственного медицинского университета (Беларусь)*

ДИДАКТИЧЕСКИЙ СИНКВЕЙН В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ

Составление синквейнов на занятиях по русскому языку как иностранному позволяет разнообразить учебный процесс, активизировать творческие и аналитические способности студентов, способствует формированию языковой компетентности иностранных учащихся. Однако в процессе написания синквейнов зачастую студенты сталкиваются с определенными трудностями, работа над предупреждением и устранением которых позволяет повысить уровень сформированности языковых умений и навыков учащихся, расширить их словарный запас.

В последние годы составление синквейнов активно используется в методике преподавания русского языка как иностранного, что позволяет разнообразить учебный процесс, активизировать творческие и аналитические способности студентов, способствует формированию языковой компетентности иностранных учащихся. Однако в процессе составления синквейнов зачастую студенты сталкиваются с определенными трудностями, описание которых является целью нашей работы.

Дидактический синквейн — вариант классического синквейна (пятистрочной стихотворной формы, возникшей в США в начале XX века под влиянием японской поэзии [1]), текст которого строится на основе морфолого-синтаксической и смысловой заданности строк.

Первая строка дидактического синквейна — это тема стихотворения. Она представлена всего одним словом — именем существительным. Во второй строке заключены два имени прилагательных, описывающих свойства и признаки субъекта, названного в первой строке. Третья строка содержит три глагола, характеризующие действия или состояние субъекта. Четвертая строка — это личное отношение автора к теме синквейна, выраженное предложением, со-

ставленным самостоятельно, или афоризмом, цитатой, крылатым выражением и др. В пятой строке вновь содержится имя существительное, выражающее суть темы, своего рода резюме.

В качестве примера приведем синквейн, написанный студентом по тексту «"Русский" доктор Агадзи Кофи» (текст рассказывает о враче из Ганы, который получил медицинское образование в Москве, в Российском университете дружбы народов, поэтому на родине его называют «русский» доктор):

Агадзи Кофи.

Добрый, талантливый.

Спасает жизни, помогает людям, предписывает лечение.

Виктор Агадзи Кофи работает в Министерстве здравоохранения Ганы.

«Русский» доктор.

Дидактический синквейн допускает незначительные нарушения правил его написания. Так, возможно использование причастий и деепричастий наряду с прилагательными и глаголами, написание словосочетания в первой или последней строках.

На занятиях по русскому языку как иностранному дидактический синквейн целесообразно использовать для контроля понимания художественных текстов, поскольку для его составления студентам необходимо определить главную идею текста и кратко ее сформулировать. В отличие от устного и письменного пересказов прочитанного текста синквейн требует меньших временных затрат, хотя и имеет более жесткие рамки по форме изложения, и его написание активизирует не только интеллектуальные, но и творческие, и аналитические способности учащихся.

На этапе подготовки к составлению синквейна необходимо объяснить основные правила написания пятистишия и для наглядности привести несколько примеров. И только после этого преподаватель объявляет тему стихотворения.

Синквейн можно использовать при изучении любой темы программы. Он позволяет заинтересовать учащихся, помогает им лучше понять и осмыслить изучаемый лексический и грамматический материал, активизировать его в речи. Так, в конце изучения темы «Моя учеба» мы предложили студентам написать пятистишие на тему «Экзамен».

Экзамен.

Трудный, важный.

Думаю, вспоминаю, читаю.

Я сдал трудный экзамен с первого раза.

Праздник.

Написание синквейна может быть сопряжено с определенными затруднениями, связанными с необходимостью достаточно глубокого осмысления темы,

ограниченностью словарного запаса, недостаточным уровнем сформированности языковых умений и навыков.

Анализ синквейнов, написанных студентами на занятиях по русскому языку, позволил выявить наиболее частые нарушения смыслового и грамматического характера, которые допускают учащиеся. Так, вторую строку синквейна должны занимать прилагательные, согласованные в роде и числе с существительным первой строки, называющим тему стихотворения. Студенты же зачастую используют прилагательные независимо от рода, числа и падежа существительного первой строки, что влечет за собой некоторое непонимание и нарушает гармонию стихотворения.

Примером такого нарушения может служить пятистишие, написанное студентом по тексту «Настоящий врач» (текст рассказывает о жизни и работе молодого врача в условиях Крайнего Севера):

Хирургия.

Интереснейших, замечательный.

Думает, лечит, помогает.

Настоящий врач должен постараться спасти жизнь пациента.

Помощь.

Для предупреждения подобных нарушений на подготовительном этапе работы следует обратить внимание студентов на необходимость согласования прилагательных второй строки с существительным первой строки, в некоторых случаях (например, на начальном этапе) бывает необходимо проговорить формы прилагательных мужского, среднего и женского рода, чтобы помочь студентам активизировать данные грамматические навыки в речи.

В третьей же строке синквейна, содержащей характеристику действия или состояния субъекта, зачастую студенты используют глаголы в разных видо-временных формах (например, «защитить, помогать, сочувствует»), что обусловливается сложностями усвоения иностранными учащимися грамматической категории вида глагола, а также непродуктивных моделей спряжения и глаголов индивидуального спряжения.

Для предупреждения подобных ошибок необходимо проводить предварительную грамматическую работу с тематическими глаголами (если задается конкретная тема синквейна) или с глаголами текста (в случаях, когда стихотворение пишется по содержанию художественного текста). Подготовительная работа может включать в зависимости от этапа обучения и уровня языковой подготовки студентов активизацию знаний о семантике видовых значений, способах образования видовых пар глаголов, а также умений и навыков употребления глаголов несовершенного и совершенного видов в речевой деятельности; повторение непродуктивных и индивидуальных моделей спряжения.

Довольно часто наблюдается использование в одной строке разных частей речи, несмотря на то, что правилами написания синквейна строго определяется частеречная принадлежность слов каждой строки. Так, в синквейне, написанном по тексту «Настоящий врач», в третьей строке наряду с глаголами студент использует прилагательное:

Врач.

Настоящий, хороший.

Спасает, лечит, бескорыстный.

Врач всегда должен думать о пациенте в первую очередь.

Больница.

Для устранения подобных нарушений на подготовительном этапе следует напомнить студентам, на какие вопросы отвечают слова той или иной части речи, предложить студентам привести примеры существительных, прилагательных, глаголов.

Кроме нарушений грамматического характера, в составленных студентами стихотворениях наблюдаются и смысловые нарушения, например, когда содержание синквейна не соответствует содержанию прочитанного текста, что может обуславливаться как недостаточным пониманием самого задания (написать синквейн по содержанию рассказа), так и прочитанного текста. Так, после прочтения текста «Добрые люди», в котором рассказывается о бескорыстном поступке совершенно незнакомых автору людей, приславших ему взамен дорогой потерянной книги новую, некоторые учащиеся выбрали в качестве темы стихотворения существительное «книга»; после прочтения текста «Настоящий врач» студент написал стихотворение не по теме текста, а о себе:

Врач.

Хороший, молодой.

Проверять, предписывать, работать.

Я хочу стать хорошим врачом.

Больница.

В написанных учащимися синквейнах встречаются и формальные нарушения, связанные с неверным количеством слов в каждой строке. На наш взгляд, это может быть связано с избыточными эмоциями, вызванными прочтением текста (в случаях, когда слов в строке больше, чем требуется) либо с недостаточным лексическим запасом и неумением достаточно полно выразить свою мысль (в тех случаях, когда слов в строке меньше требуемого количества).

В качестве примера чрезмерного использования прилагательных во второй строке можно привести стихотворение, написанное по тексту «Добрые люди»:

О людях.

Полезные, заботливые, хорошие.

Любят, помогают, заботятся.

Если будешь хорошим с людьми, Бог пошлет тебе хороших людей в жизни.

Мир.

В синквейне, написанном на тему «Моя учеба», студент использует только два глагола вместо необходимых трех:

Студент.

Иностранный, хороший.

Учиться, учить.

Студент учится в Московском медицинском университете.

Бессонница.

Таким образом, написание синквейна является свободным творчеством, в процессе которого студенты должны выделить в прочитанном тексте или изучаемой теме основную мысль и кратко ее сформулировать, основываясь на основных принципах написания стихотворения. Несмотря на наличие указанных трудностей, создание синквейна позволяет разнообразить учебный процесс, чтение и последующее обсуждение на занятиях получившихся пятистиший способствуют активной речевой деятельности и эмоциональной разгрузке студентов. Работа над предупреждением и устранением типичных ошибок, допускаемых студентами при написании синквейнов, позволяет повысить уровень сформированности языковых умений и навыков учащихся, расширить их словарный запас.

1. Синквейн [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 11.04.2019). [Вернуться к статье](#)

T. Y. Vasilieva, E. L. Mandrik

Didactic synquaine in the process of teaching Russian as foreign language: the main difficulties

Making synquines in classes of Russian as foreign language allows to diversify the educational process, enhance the creative and analytical abilities of students, helps to build the linguistic competence of foreign students. It is advisable to use didactic synquaine to control the understanding of literary texts, since for its compilation students need to determine the main idea of the text and formulate it briefly.

In the process of writing synquines students often encounter certain troubles, the work on the prevention and elimination of which helps to increase the level of language skills of students and expand their vocabulary.

УДК 316.7:373.01

Л. В. Васильченко

*заведующий кафедрой дидактики и методик обучения
естественно-математических дисциплин*

*КУ «Запорожский областной институт последипломного
педагогического образования» ЗОС,*

кандидат педагогических наук, доцент (Украина)

СТРУКТУРА КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

В статье проводится анализ существующих подходов к описанию коммуникативной компетенции и делается вывод о том, что она представляет собой систему внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективного коммуникативного действия в определенных ситуациях межличностного взаимодействия, обеспечивает деловое общение внутри организации, а также ее связь с внешней средой.

Одной из закономерностей обновления общества и продуктивного функционирования рыночной экономики, как свидетельствует мировой опыт, является организация образования на научной основе и повышение приоритета профессиональной подготовки в системе общечеловеческих ценностей. Но целый ряд противоречий свидетельствует о том, что подготовка преподавателей к профессиональной деятельности еще не достигла желаемого уровня, а именно: между готовностью руководителей реагировать на изменения в системе образования и необходимостью быстрого обновления школы, между необходимостью решать нестандартные задачи и стремлением работать, ориентируясь на руководство вышестоящих органов.

Большое внимание, которое уделяется во всем мире системе последипломного профессионального образования, свидетельствует о том, что использование личностно ориентированных технологий обучения в повышении квалификации педагогов поможет им преодолеть значительную часть проблем в собственной профессиональной деятельности, спроектировать индивидуальную программу самообразования, реализовать целенаправленный поиск профессионально значимой информации в межкурсовый период [1; 2].

Общие компетентности педагогов основываются на интеллектуальных, коммуникативных, эмоциональных и волевых качествах личности и состоят из таких компетенций, как организационная; проектная; социально-психологическая, или межличностная, компетенция; информационно-аналитическая и коммуникативная.

Под компетентностью в данном случае мы понимаем то, чем человек уже обладает, а под компетенцией — то, чем он должен овладеть.

При этом результатом профессиональной подготовки специалиста являются не только профессиональные (специальные) компетенции, необходимые для реализации конкретной специализации в профессиональной деятельности, но и общие (универсальные) компетенции, которые одинаковы для всех специалистов одной профессиональной сферы деятельности [3; 4; 5].

Общие компетенции по каждому виду профессиональной деятельности проектируются путем конкретизации или более мелкого дробления этого вида деятельности, то есть дифференцируют (раскладывают) вид профессиональной деятельности на более простые составляющие [2; 6; 7].

В основе общих компетентностей педагога лежат интеллектуальные, коммуникативные, эмоциональные и волевые качества личности, которые содержат следующие компетенции: организационно-управленческую, проектную, социально-психологическую, или межличностную, информационно-аналитическую, коммуникативную.

В данной статье мы рассмотрим более детально коммуникативную компетентность педагога, которую развиваем в системе последиplomного педагогического образования в рамках курсовой подготовки.

Анализ научных источников позволяет сделать вывод о том, что выделяют следующие составляющие этой компетенции:

Лингвистическая — предполагает не только владение родным и иностранным языками, но и наличие умений и навыков употребления тех или иных слов, грамматических конструкций в конкретных условиях и ситуациях общения.

Коммуникативно-диагностическая — это диагностика социально-психологической ситуации в условиях предстоящей коммуникативной деятельности, диагностика возможных социально-психологических противоречий, с которыми, возможно, придется столкнуться личности в процессе общения.

Коммуникативно-программирующая — это подготовка программы общения, разработка текстов для общения, выбор стиля, позиции и дистанции общения.

Коммуникативно-организационная — это организация внимания партнеров по общению, стимулирования их коммуникативной активности.

Коммуникативно-исполнительская — это диагноз коммуникативной ситуации, в которой происходит общение личности, прогноз развития этой ситуации, выполненный в наперед продуманной индивидуальной программе общения.

Коммуникативно-прикладная — это умения самостоятельно найти коммуникативную структуру, адекватную и соответствующую теме общения; умения реализовать коммуникативный замысел непосредственно в общении, то есть продемонстрировать коммуникативно-исполнительскую технику общения, а также навыки эмоционально-психологического саморегулирования в управлении своей психофизиологической органикой, в результате чего личность педагога достигает коммуникативно-исполнительской деятельности, адекватной эмоционально-психологическому состоянию.

Изучив и проанализировав существующие подходы к описанию коммуникативной компетенции, мы сделали вывод о том, что она представляет собой систему внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективного коммуникативного действия в определенных ситуациях межличностного взаимодействия, обеспечивает деловое общение внутри организации, а также ее связь с внешней средой, и выделили такие значимые компоненты, как когнитивный, деятельностный и ценностный.

Когнитивный компонент включает знания:

характеристик основных каналов коммуникации;

правил согласования знаков, которые позволяют создавать тексты для общения;

основ наук о родном и иностранном языках;

комплексов лингвистических понятий;

норм произношения, слов и правил употребления иностранных слов, их грамматических форм и конструкций;

основных элементов культуры социума или любых ее частей, в рамках которых происходит взаимодействие, в том числе норм, ценностей, верований, стереотипов, предрассудков.

Деятельностный компонент включает умения:

диагностировать социально-психологические ситуации в условиях будущей коммуникативной деятельности;

выявлять возможные социально-психологические противоречия, с которыми предстоит столкнуться в общении;

давать социально-психологический прогноз коммуникативной ситуации, в которой придется общаться;

определять характер и прагматические параметры коммуникативной ситуации для выбора релевантных ей коммуникативных средств;

формулировать и отстаивать свои цели;

найти адекватную теме общения коммуникативную структуру, соответствующую цели общения, войти в контакт;

передать коммуникативное содержание в соответствии с социальным контекстом;

стимулировать партнера к коммуникативной активности до прояснения его позиции;

варьировать коммуникативными средствами в зависимости от динамики коммуникативной ситуации;

задавать вопросы;

использовать разные способы выражения одной и той же мысли (владеть синонимией) адекватно реальной языковой обстановке (коммуникативной ситуации).

Владеть:

навыками подготовки программы общения;

способностью к обработке массивов информации разного объема;

навыками выбора стиля, позиции и дистанции общения;

средствами организации внимания партнеров по общению;

способностью совершать социально-психологическое управление процессами саморегуляции;

навыками идентификации и преодоления коммуникативных шумов и барьеров коммуникации;

способностью к эмпатии;

опытом в своевременном разрешении коммуникативных конфликтных ситуаций;

способностью диагностировать, анализировать и прогнозировать развитие коммуникативной ситуации, которая происходит во время общения родителей, учеников, педагогов;

кодowymi системами вербальной и невербальной коммуникации;

коммуникативной интроспекцией и рефлексией;

навыками своевременного разрешения коммуникативных конфликтных ситуаций.

Ценностный компонент, с нашей точки зрения, состоит из:

понимания культур и обычаев других стран и народов;

принятия отличий и мультикультурности (способность работать в другой культурной среде; межкультурная коммуникация);

социальной коммуникативности (социальное взаимодействие, социальная интерактивность, социальное одобрение, коммуникативная компетентность);

ценностного отношения к педагогической профессии;

толерантности, гуманистических и демократических ценностных ориентаций;

уважения и осознания значимости других людей.

Таким образом, в этой статье мы провели теоретический анализ содержания понятия «коммуникативная компетентность», из которого можно сделать вывод, что она представляет собой систему внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективного коммуникативного действия в определенных ситуациях межличностного взаимодействия.

1. Гришина И. В., Подзюбанов Ю. В. Развитие профессиональной компетентности руководителей школ в процессе повышения квалификации в межкурсовой период : учеб.-метод. пособие. СПб. : СПбГУПМ, 2003. 180 с. [Вернуться к статье](#)

2. Хасан Б. И. Границы компетенций: педагогическое вменение и возрастные притязания // Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление. Красноярск, 2003. 192 с. [Вернуться к статье](#)

3. Бойко І. І. Професійна компетентність керівника закладу освіти як складова його професійної культури. К., 2008. 148 с. URL: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/peddysk/2009_5/bojko.pdf (дата обращения: 11.04.2020). [Вернуться к статье](#)

4. Гришина І. В., Васильченко Л. В., Волярська О. С. Формування управлінської компетентності керівників закладів освіти : навч.-метод. посіб. Запоріжжя : Акцент Інвест-трейд, 2014. 236 с. [Вернуться к статье](#)

5. Васильченко Л. Управлінська культура та компетентність керівника школи. Х. : Вид. група «Основа», 2007. 182 с. [Вернуться к статье](#)

6. Васильченко Л., Гришина І. Професійна компетентність керівника школи. Х. : Вид. група «Основа», 2006. 208 с. [Вернуться к статье](#)

7. Вершловский С. Г. Учитель учителей // Управление — деятельность профессиональная : сб. ст. / под ред. В. Ю. Кричевского. СПб. : СПбГУПМ, 2001. С. 56–69. [Вернуться к статье](#)

L. V. Vasilchenko

Structure of communicative competence

This work presents a theoretical analysis of different points of view on the content of the concept of communicative competence. It allows to make a conclusion that it is a system of internal resources required to build an effective action in a certain circle of situations of inter-connectedness.

УДК 159.9

Н. Ф. Ващук

старший научный сотрудник отдела совершенствования формы одежды научно-исследовательской лаборатории специального транспорта и форменной одежды Государственного научно-исследовательского института МВД Украины, кандидат юридических наук

**КОММУНИКАТИВНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ
СОТРУДНИКОВ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
УНИФОРМЫ КАК ИНСТРУМЕНТА
УЛУЧШЕНИЯ ИМИДЖА**

В данной статье освещены проблемы одной из приоритетных составляющих профессиональной деятельности представителей органов внутренних дел, а именно коммуникативной толерантности. С учетом представительских функций и публичного характера в подобных ситуациях профессиональные действия сотрудников указывают на уровень их подготовки во время выполнения заданий. Изучена важность толерантного поведения сотрудника, а также влияние соответствующего внешнего вида, рассмотрено использование униформы как инструмента улучшения имиджа на примере преемственности украинских национальных традиций в униформе высшего состава полиции.

Служебная деятельность сотрудников органов внутренних дел немаловажна без коммуникативных связей, которые важны при функционировании современного Министерства внутренних дел, состоящего из Национальной полиции Украины, Национальной гвардии Украины, Государственной службы Украины по чрезвычайным ситуациям, Сервисных центров МВД, пунктов предоставления административных услуг по всей стране. На сегодня созданы патрульная полиция, подразделения специального назначения КОВД (Корпус оперативно-внезапного действия), дорожная полиция и киберполиция. Запущена реформа Государственной миграционной службы и Государственной пограничной службы Украины [1]. Акцентируем внимание на том, что поле общения колоссально, выполняет роль регулятора взаимоотношений между сотрудниками и гражданами. На важность этого процесса постоянно обращается внимание в нормативных документах, и на данный момент своевременно поднимаются вопросы гендерного равенства.

Поскольку повседневная деятельность сотрудников органов внутренних дел осуществляется на виду у населения и их авторитет во многом зависит от поведения внутри системы, а также вне ее (например, при общении с гражда-

нами), очень важно, чтобы каждый сотрудник был толерантен, вежлив и тактичен при обращении с гражданами Украины и зарубежья, чутко относился к их просьбам и заявлениям, справедливо оценивал их поведение. Сотрудник органов внутренних дел обязан следить за своим внешним видом. Напомним, что коммуникативная функция вещей особенно хорошо выражена в специальной, форменной одежде, а также в специфических аксессуарах, обозначающих принадлежность данной личности к данной общности и ее статус в ней (например, в униформе знаки различия, такие как шевроны, знаки, погоны и фурнитура (кокарда, пуговицы, и т. д.)).

Одной из приоритетных составляющих профессиональной деятельности представителя органов внутренних дел является коммуникативный компонент, связанный с постоянным взаимодействием с населением. Данное взаимодействие имеет публичный характер и в связи с этим нередко может сопровождаться конфликтами и манипуляциями при общении. В подобных речевых ситуациях действия сотрудников указывают на их несостоятельность и профессиональную уязвимость во время выполнения заданий. На наш взгляд, социальный интеллект в профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел в контексте его коммуникативной компетентности выступает своеобразным психологическим ресурсом профессионального развития и саморазвития, профессиональная деятельность сотрудника должна регламентироваться не только нормативными документами, но и нравственно-этическими нормами, а это, в свою очередь, требует особенного профессионально ориентированного социального интеллекта у будущего сотрудника органов внутренних дел (полицейского, пограничника и т. д.).

В контексте коммуникативной толерантности сотрудника органично выступает неординарным психологическим ресурсом, визуальным помощником именно униформа. Она выполняет представительскую, информативную функции. Как правило, униформа указывает на социально значимые профессии в обществе.

Современный вид униформы сотрудника МВД Украины представляет собой комплекс швейных, обувных, кожгалантерейных, трикотажных и других предметов униформы, непосредственно связанных между собой назначением, сезонностью, категорией, рангами и разделенных комплектарно по половозрастному и типоразмероростовочному признакам.

Об актуальности данной темы свидетельствует значительное количество научной литературы в области психологии профессионального общения, что указывает на то, что данный вопрос не теряет своей остроты и приобретает новые оттенки посредством исследования аспектов формирования коммуника-

тивной компетентности личности современного сотрудника органов внутренних дел как в период его профессиональной подготовки, так и в период последующей профессиональной деятельности.

В научных публикациях Е. В. Руденского, Ю. М. Жукова, Н. И. Геза, Л. А. Петровской, П. В. Растянниковой и других ученых освещены пути повышения уровня коммуникативной компетенции, толерантности.

Для формирования компетентных кадров необходимо наличие отлаженной системы обучения и профессиональной подготовки, обеспечения работников, что, в свою очередь, требует внедрения интерактивных методов и эффективных средств овладения новыми знаниями, умениями и навыками. Известно, что профессиональное общение сотрудников требует от них значительных знаний, навыков и умений. В ходе выполнения ими профессиональных задач достаточно часто возникают трудности в процессах взаимодействия с населением, которые сказываются на качестве выполняемой ими работы, поэтому вполне уместно обращать внимание на особенности их социального интеллекта. Социальный интеллект является чрезвычайно важной практической чертой, которая сможет обеспечить способность к социальному прогнозированию и повысить уровень профессиональной коммуникации сотрудников органов внутренних дел.

Основываясь на научных подходах отечественных и зарубежных ученых, Е. А. Погонина, Е. В. Коваленко, А. А. Белимова считают, что социальный интеллект является интеллектуальной интегральной способностью личности, которая определяет успешность общения и адаптации в обществе, позволяет предсказать поведение людей в различных жизненных ситуациях, помогает определять намерения, эмоциональные состояния человека и его чувства по невербальным и вербальным признакам [2, с. 88].

Сотруднику просто необходимо иметь представление об особенностях социального интеллекта детей разного возраста, инвалидов как наиболее уязвимых перед совершением против них преступлений. Профессионалу, который работает в большом городе, где учатся десятки тысяч иностранцев, важно также отражение ситуации взаимодействия представителей других культур [3, с. 190].

Отдельно вопросами формирования культуры профессионально-правового общения в процессе профессиональной подготовки полицейских занимались И. Ламаш, С. Полтораки, А. Семенюк, В. Паращук, А. Шумский и другие.

В данном контексте следует отметить точку зрения С. В. Харченко, согласно которой в процессе профессиональной подготовки будущего полицейского одной из наиболее важных составляющих социального интеллекта явля-

ется совершенствование процесса социального прогнозирования, а именно, формулировка планов действий в ситуации профессиональной коммуникации, рефлексии собственного развития и оценки неиспользованных альтернативных возможностей и т. п. Социальный интеллект объединяет и регулирует познавательные процессы, связанные с отражением социальных объектов (человека как партнера по общению, группы людей и т. д.), обеспечивает понимание языка, поступков и действий людей, а также невербальных реакций окружающих (миимики, поз, жестов), предвидение последствий поведения, является когнитивной составляющей коммуникативных способностей личности. Способности социального интеллекта, как и другие специальные способности, требуют специально организованного развития [4, с. 161–162].

Согласно Э. Торндайку, социальный интеллект представляет собой способность понимать людей и взаимодействовать с ними. Определенное развитие социального интеллекта обеспечивает успешное взаимодействие между полицейскими и гражданами через умение правильно строить процесс коммуникации во время выполнения служебных задач, что, в свою очередь, оказывается возможным при наличии высокого уровня развития коммуникативной толерантности. Период первичной профессиональной подготовки должен стать ключевым звеном в развитии коммуникативной толерантности будущего полицейского. Способность личности понимать социальные, культурные, духовные, политические различия людей, с которыми придется сталкиваться по работе, обеспечивает возможности находить мирное решение конфликтов, выстраивая успешные межличностные коммуникации [5].

Коммуникативная толерантность является одной из профессионально важных компетенций работника органов внутренних дел. Она предполагает не только наличие психологических знаний о специфике взаимодействия с личностью, например, учитывая ее тип темперамента или особенности характера, но и сформированность определенных специальных навыков установления, поддержания контактов и построения служебного взаимодействия, отношений и т. п. То есть в деятельности, например, полицейского в системе «человек — человек» необходимым внутренним регулятором общения и поведения выступает коммуникативная толерантность, важность которой большинство исследователей видят в умении психологически грамотно и корректно выстраивать отношения с людьми, оставаясь при этом в рамках своей профессиональной роли, здесь свой психологический аспект вносит наличие на представителе органов внутренних дел униформы.

Униформа для полиции Украины в последнее время постоянно является предметом обсуждений как среди работников самого ведомства, так и среди широкой общественности с привлечением средств массовой информации.

Если говорить о создании униформы, то следует отметить, что с реформированием милиции в полицию объективно встал вопрос разработки нового обмундирования для полиции Украины. Отметим, что это был сложный процесс, требующий изучения и детального анализа исходных требований, среди которых главным является соответствие функциональному назначению, а также учет психологических, эргономических и эстетических качественных составляющих униформы.

Можно выделить следующие позитивные моменты:

1. *Формирование имиджа.* Общий для всех стиль одежды сотрудников сразу показывает, что организация работает как единое целое, это вызывает уважение. Форменный стиль воспринимается многими как показатель того, что в организации работают профессионалы.

2. *Укрепление корпоративного духа.* Строгая униформа дисциплинирует и настраивает на работу, способствует формированию общности, команды, сплочению коллектива, регламентированный дресс-код оказывает положительное влияние на работу.

3. *Повышение узнаваемости.* Униформа положительно влияет на узнаваемый образ компании, это еще одна возможность заявить о себе как о серьезной организации.

4. *Ускорение адаптации персонала.* Корпоративный дресс-код делает рабочую среду более безопасной, новый сотрудник чувствует себя приобщенным к коллективу, испытывает меньше стресса.

5. *Возможность отделить работу и личную жизнь.* Надевая строгий костюм, сотрудник погружается в рабочие задачи, становится более сосредоточенным. Снимая униформу по окончании рабочего дня, он как бы дает себе сигнал, что наступило свободное время и можно расслабиться. Это помогает соблюсти баланс между работой и личной жизнью.

6. *Не нужно выбирать, что надеть.* В организациях с введенной униформой или установленным дресс-кодом сотруднику проще понять, какая одежда будет уместной. Как правило, для неаттестованных всегда актуальна классика — строгий костюм, рубашка, качественная обувь, а спортивная, яркая или очень открытая одежда в офисе неуместна.

С целью комплексного решения задачи в 2015 году отделом разработки и совершенствования формы одежды научно-исследовательской лаборатории специального транспорта и форменной одежды ГНИИ МВД Украины были

разработаны первые образцы формы для полиции темно-синего цвета, вошедшие в постановление Кабинета Министров Украины от 30 сентября 2015 года № 823, однако унификация обусловила упрощение элементов униформы, например, снятие с брюк лампас, в том числе и для высшего состава полиции, что отразилось на идентификации. В 2016 году началось создание униформы для высшего состава полиции с новым звучанием. В свете национального вектора внутренней и внешней политики Украины и популяризации изучения отечественной истории, традиций украинского народа одним из ключевых критериев при проектировании мундиров явилась необходимость максимально использовать национальные мотивы.

Обеспечение полиции современными видами форменной одежды позволили бы совместить эстетическое оформление с возможностью эффективно решать задачи деятельности руководящего состава. Это парадный мундир и для особо торжественных мероприятий, который несет повышенные представительские свойства, также разработаны комплекты для повседневной носки и специальные.

В разработках униформы именно высшего состава полиции подчеркнута превалирует национальная осовремененная эстетика как в ассортименте обмундирования, так и в способах декорирования форменного костюма (вышивка, оформление кантами, мех).

Идентификация работника звена высшего состава полиции как представителя государственного органа исполнительной власти в сознании окружающих происходит по совокупности характерных признаков путем зрительного восприятия. Основным таким признаком является форма, главной функцией которой является знаковая функция, в этом и заключается специфика ведомственной одежды — определение принадлежности к определенной организации, министерству, ведомству, рангу и т. п.

Внешними средствами идентификации высшего состава полиции являются:

- цветовая гамма (повседневная одежда темно-синего цвета, серый, серебристый, черный мех, кожгалантерейные изделия);
- нарукавный знак, художественное изображение которого включает в себя стилизованный символ полиции и признаки национальной символики;
- кокарда на форменных головных уборах;
- погоны с вышивкой.

В результате изготовленные образцы униформы для высшего состава полиции качественно отличаются от предыдущих, поддерживают украинские традиции и в то же время имеют сходство с современными моделями формы поли-

цейских ведущих европейских государств, формируя позитивный представительский имидж.

Таким образом, развитие коммуникативной толерантности является сложным процессом, обусловленным множеством субъективных факторов, влияющих на подготовку кадров в учреждениях образования системы МВД, а в дальнейшем на всю профессиональную жизнь.

По нашему мнению, развитие толерантной компетентности сотрудника правоохранительных органов представляет собой процесс и результат освоения знаний и технологий профессионального взаимодействия, умений создания партнерских взаимоотношений с населением, осознанного принятия ценностей демократического общества.

Кроме этого, необходимо учитывать, что коммуникативная толерантность сотрудников органов внутренних дел весьма своеобразна. Она имеет ряд психологических особенностей, которые, с одной стороны, делают ее весьма специфичной, с другой — могут ее осложнять.

Следует отметить, что деятельность органов внутренних дел в современных условиях характеризуется постоянным ростом числа молодых сотрудников, которым трудно справляться с возложенными на них обязанностями и которые зачастую оставляют службу в органах внутренних дел, а также довольно часто увеличивается срок адаптации выпускников к условиям службы, поскольку изучаемые в вузе образцы специальной техники и нормативно-правовые акты МВД зачастую не соответствуют тем, с которыми приходится работать, постоянно повышаются требования к правовым знаниям и коммуникативным умениям сотрудников в связи со становлением правового общества и увеличением количества обращений гражданского населения по правовым вопросам в органы внутренних дел. Униформа в данном случае способствует адаптации, также повышает идентификацию сотрудника, узнаваемость организации и способствует укреплению корпоративного духа, а также используется как эффективный инструмент улучшения имиджа. В целом сотрудники лояльно настроены по отношению к строгой униформе, они считают, что это помогает быть более дисциплинированными.

1. Деятельность. Реформа [Электронный ресурс] / Официальный сайт Министерства внутренних дел Украины. URL : https://mvs.gov.ua/ua/reform_2020 (дата обращения: 20.03.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Погонина Е. А., Коваленко Е. В., Белимова А. А. К понятию социального интеллекта сотрудника полиции МВД России. Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 2. С. 86–89. [Вернуться к статье](#)

3. Харченко С. В. Врахування чинника соціального інтелекту в діловому спілкуванні працівників поліції // Психологічні та педагогічні проблеми професійної

освіти та патріотичного виховання персоналу системи МВС України : тези доп. Всеук. наук.-практ. конф. Харків, 30 березня 2018 р. / МВС України, Харків. нац. ун-т внутр. справ. Харків, 2018. С. 189–192. [Вернуться к статье](#)

4. Харченко С. В. Методы развития социального интеллекта курсантов — будущих офицеров полиции // Міжнародний науковий журнал «Верховенства права». 2017. № 5. С. 161–166. [Вернуться к статье](#)

5. Thorndike E. L. Intelligence and its use // Harper's Magazine. 1920. № 140. P. 227–235. [Вернуться к статье](#)

N. F. Vashchuk

Employees communicative tolerance of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine in the context of using uniforms as a tool to improve the image

This article highlights the problems of one of the priority components of the professional activity of the internal affairs bodies representatives, namely, communicative tolerance. Possessing representative functions, having a public quality in such situations, the professional actions of employees indicate their preparation level during tasks performance. The importance of the employee's tolerant behavior and the influence of the corresponding appearance, the use of the uniform as a tool to improve the image on the example of Ukrainian national traditions continuity in the police uniform are studied.

УДК 37.01

С. В. Венидиктов

начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД,
кандидат филологических наук, доцент (Беларусь)

КЛИКБЕЙТ-ЗАГОЛОВКИ «НЕГАТИВНЫХ» НОВОСТЕЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИКИ (по материалам портала TUT.BY)

Статья посвящена анализу технологии кликбейт-заголовков как инструмента формирования искаженной информационной картины действительности. На основе изучения «кричащих» заголовков новостей, посвященных деятельности правоохранительных структур, в интернет-пространстве Республики Беларусь выявлены признаки и принципы искажения информации. Предложены общие критерии определения дезинформации и «фейковых» новостей, которым сопутствуют кликбейт-заголовки.

Кликбейт-заголовки (англ. clickbait от click — «щелчок» + bait — «приманка») представляют собой заголовочные комплексы новостной информации, в которые преднамеренно внесены искажения, провокационно расставлены акценты, использована чрезмерная эмоциональность для привлечения внимания аудитории (например, «Ты не поверишь: лекарство от СПИДа растет в обычном огороде!», «Ванга предсказала коронавирус», «COVID-19 — биологическое оружие», «Глобальный либеральный мир рушится», «Шенгенская зона умирает» и т. п.). Являясь хорошо знакомым инструментом традиционных СМИ для повышения интереса к новости, заголовок приобрел особое значение в связи с расширением возможностей интернет-коммуникации: «80–90 % публикаций прочитываются благодаря ярким, точным и выразительным заголовкам. Особенно велика роль заголовка в интернет-изданиях, где заголовочный анонс принципиально влияет на пользовательский выбор и служит отправной навигационной точкой для дальнейшего чтения» [1, с. 153].

Общей целью использования кликбейт-технологий («кричащих» заголовков) является расширение аудитории средств массовой коммуникации, увеличение шансов информации быть воспринятой посредством манипуляции вниманием реципиентов. Изначально созданный для достижения преимущественно рекламных целей, сейчас кликбейт используется не только как инструмент дезинформирования, но и как средство для распространения в Интернете вредоносного программного обеспечения либо совершения мошеннических операций: «В результате переноса этого типа заголовка на другие виды медийных

текстов <...> расширяются возможности онлайн-изданий, обладающих для этой задачи нужными техническими средствами, обеспечивающими достижение далеко идущих целей: промывания мозгов, зомбирования людей и создания феномена заражения толпы, включая явление массового психоза» [2, с. 57]. Исследователи отмечают, что кликбейт можно распознать при наличии даже минимального уровня информационной компетентности по следующим признакам: а) интригующий характер; б) использование местоимений второго лица (ты, вы), создающих иллюзию диалога с читателем; в) использование знаков модальности (восклицательные и вопросительные знаки, многоточия); г) гиперболизация и избыточные эпитеты; д) ссылки на шокирующие фотографии и анонсы; е) обещание простого получения выгоды, прибыли, легкого заработка через доступ к эксклюзивной информации, скрытой от обычного человека [3].

Использование привлекающих внимание языковых конструкций является важным элементом коммуникационной стратегии интернет-ресурсов, занимающихся созданием информационного контента. Заголовок в этом случае играет роль «приманки», увеличивающей количество просмотров новости, — не менее важной в структуре сообщения, чем собственно текст и визуальные материалы (фотографии и видео). Причем «кликбейтность» заголовка может быть неочевидной, скрытой за формально нейтральными речевыми оборотами, но проявляющейся в тематике новости, расстановке акцентов. Очевидно подобная тенденция проявляется при создании заголовков для новостей правоохранительной тематики, подразумевающих значительную степень конфликтности материала, вызывающих противоречивую эмоциональную реакцию аудитории, вскрывающих существующие социальные противоречия.

Для исследования особенностей подачи информации правоохранительной тематики в интернет-пространстве Республики Беларусь нами был изучен контент наиболее востребованного пользователями ресурса — портала TUT.BY. При этом проанализировано 600 заголовочных комплексов, содержащих ключевые слова «милиция», «милиционер», «ОМОН», «ГАИ», «гаишник», «сотрудник милиции». В данном массиве нас интересовали в первую очередь заголовки, относящиеся к негативной информации, явно или имплицитно демонстрирующей отрицательные стороны деятельности правоохранительной системы. Доля таких заголовков составила 9,7 % (58 единиц) от общего количества. Наша гипотеза заключалась в том, что «кликбейтность», привлекательность заголовкам «негативных» новостей правоохранительной тематики придает не только их форма, а уже сама связь с деятельностью органов внутренних дел, привносящая в информационное сообщение элемент конфликтности.

Анализ обращения авторов новостных сообщений в заголовках к указанным выше ключевым словам позволяет установить релевантность последних: а) «милиционер» — 38 % (22 заголовка); б) «ОМОН» — 19 % (11 заголовков); в) «гаишник» — 17,2 % (10 заголовков); г) «сотрудник милиции» — 13,8 % (8 заголовков); д) «ГАИ» — 8,5 % (4 заголовка); е) «милиция» — 3,5 % (2 заголовка).

Среди приемов речевой провокации, повышающих «кликбейтность» информации в рассмотренных заголовках, выделяются следующие:

1. Ирония и сарказм в отношении сотрудников органов внутренних дел: «Под Минском милиция “с веточками в волосах” разогнала вечеринку Legalize Belarus» (01.10.2018); «Такса — 100 рублей. Милиционеры в Гродно ловили проституток с помощью “контрольной закупки”» (11.12.2019); «Флешмоб с девушками и цветами пресек ОМОН» (01.08.2015); «“Так растерялись, что, убегая, теряли пистолеты”. Как 22 года назад полешуки в деревне разгромили ОМОН» (21.11.2019); «Сотрудник ОМОНа — англоязычному собеседнику: Куда тебе надо? Ты из какой страны? Гражданство?» (31.05.2013); «Щучинский “автопилот”. Как один гаишник и одна лошадь спящего мужика домой везли» (05.04.2018) и др.

2. Использование цитат, вне контекста искажающих смысл основного сообщения: «“Никого внутрь не пускают”. В Гродно ОМОН сорвал встречу с российским философом Петром Рябовым» (09.10.2017); «“Не та цыганка”. Как из-за карманной кражи милиционеры и следователь получили большие сроки в колонии» (26.11.2019); «“Я не бил человека, только замахнулся”. Милиционер получил срок за превышение служебных полномочий» (30.01.2017); «“Извинений принести не можем”. Милиционеры выступили по делу минчанина, к которому домой ворвался ОМОН» (10.09.2019); «“Условия на службе заставили”. Инспектора ГАИ Минска осудили за злоупотребления, бездействие и взятки» (08.02.2019); «“Лучше б ты ширялся и убивал”. Гей утверждает, что из-за насилия со стороны оперативников пытался покончить с собой» (17.05.2019) и под.

3. Ссылка на непроверенную информацию, предположения, которые вследствие особенностей интернет-коммуникации и общего уровня медийной грамотности воспринимаются аудиторией некритично (как достоверная информация): «Брестские гаишники задержали ганцевичского милиционера — возможно, тот был за рулем под наркотиками» (24.05.2019) (здесь и далее подчеркнуто нами. — С. В.); «“Было 3 свидания, теперь я в больнице с переломом”. Приезжий утверждает, что его дома избил милиционер» (01.12.2017); «Гродненцу ампутировали часть ноги. Сестра говорит, что его избил ОМОН» (24.08.2019); «Арямнов: “У меня почти 11 уголовных дел. Много гаишников,

которые выпивают сами за рулем» (18.10.2019); «В Могилеве трое изнасиловали девушку. Местные СМИ сообщают, что они были сотрудниками милиции» (07.04.2016); «“Это не должно быть нормой”. Семья утверждает, что милиционер при задержании избил подростка» (04.09.2019) и под.

4. Гиперболизация действий (либо последствий действий) сотрудников органов внутренних дел: «В Барановичах пьяная девушка ногами избивала милиционера» (18.04.2019); «Пьяные подруги отказались платить за поездку, поколотили таксиста и милиционеров. Их наказали» (23.07.2019); «В столице ОМОН сорвал концерт Minsk Edge Day: десятки участников задержали на несколько часов» (14.10.2017); «Видеофакт. В Гомеле ГАИ жестко задерживала пенсионера, он сопротивлялся и кричал. Что произошло?» (20.06.2019); «В Витебске гаишники задерживали пешехода-нарушителя: соцсети возмутились, УВД ответило» (18.02.2019) и под.

5. Описание парадоксальных ситуаций, искажающих представление о сущности деятельности правоохранительных структур: «В Новополоцке мужчина порезал жену и собирался убить себя. Но тут милиционер предложил... закурить» (17.01.2018); «“Лучший эротический массаж в Беларуси делает ОМОН”. Цитаты и шутки Михаила Задорнова» (10.11.2017); «Узбекские гаишники “страшили” взятку с министра МВД» (22.04.2011) и под.

6. Расстановка акцентов, уводящая внимание аудитории от основного события: «Могилевские милиционеры объяснили, почему оставили в банке вооруженного грабителя с заложниками» (24.11.2017); «Стрельба в новогоднюю ночь: минчанина из реанимации перевезли в СИЗО, милиционер — в отпуске» (25.01.2017); «“Как во время войны”: у многодетной семьи отнимать свиней будут с ОМОНОм» (09.07.2013), «“Оля всегда боялась машин”. В Слуцке простились с погибшей под колесами авто пьяного гаишника» (28.11.2016) и под.

7. Неоправданное обобщение: «Пять скандальных случаев с участием нетрезвых сотрудников милиции за рулем» (28.11.2016); «Бездействие и взятка в 100 рублей. Еще одному гаишнику из Минска дали большой срок» (30.05.2019) и под.

В отношении подобных заголовков российский исследователь В. И. Фролова отмечает: «...дискурс-анализ композиционных структур заголовочных комплексов в СМИ убеждает в целенаправленном характере манипулирования сознанием и поведением читательской аудитории. Это предопределяет выбор аргументационных стратегий / тактик, которые позволяют достичь адресанту <...> коммуникативного успеха» [1, с. 152].

По смысловому наполнению и степени объективности представленной в заголовках информации считаем уместной следующую классификацию:

1. Заголовки-факты: «Минских милиционеров осудили за коррупцию, в обвинении — велосипед и около 755 рублей» (20.03.2020); «Экс-милиционер в Пружанах получил 7 лет колонии за пьяное ДТП с погибшим. Моральный ущерб заплатит УВД» (11.02.2020); «Участковый милиционер в Мстиславском районе избил двоих местных. Его уволили и возбудили дело» (21.02.2019); «В Могилевском районе гаишник перед Новым годом насмерть сбил пенсионера и скрылся. Тело нашли только утром» (03.01.2019) и под.

2. Заголовки-предположения: «Брестские гаишники задержали ганцевичского милиционера — возможно, тот был за рулем под наркотиками» (24.05.2019); «Гродненцу ампутировали часть ноги. Сестра говорит, что его избил ОМОН» (24.08.2019); «Минского гаишника за наезд на пешехода могут лишить водительских прав» (31.03.2009) и под.

3. Заголовки-мнения: «Житель Полоцка попал в опорку за замечание милиционеру, припарковавшемуся на месте для инвалидов» (24.11.2016); «Суд рассматривает жалобу минчанина на отказ возбуждать дело на задержавших его по ошибке милиционеров» (22.07.2019) и под.

4. Заголовки-аннотации: «Бухгалтер, пойманная пьяной на работе, попыталась дать взятку милиционеру. Но тот не взял» (15.01.2018); «В Витебске гаишники задерживали бабушку: она кричала и падала, соцсети возмутились. Комментарий ГАИ» (08.01.2019) и под.

Относительно восприятия заголовков, включающих в себя элементы мнений и предположений авторов, допустим несколько дискуссионное замечание, касающееся общего уровня информационной компетентности аудитории интернет-СМИ: подобные заголовки, созданные с использованием кликбейт-технологий, частью реципиентов воспринимаются в качестве проверенных фактов. На наш взгляд, здесь сказывается также невысокий в белорусском обществе индекс социального доверия: склонность значительной доли граждан изначально негативно оценивать действия сотрудников правоохранительных органов и представителей официальных структур в целом [4]. Важно отметить и то, что «кричащие» заголовки могут служить инструментом создания т. н. фейковых новостей. По определению А. П. Суходолова и А. М. Бычковой, фейковая новость — это «сообщение, стилистически созданное как настоящая новость, но ложное полностью или частично» [5, с. 156].

Таким образом, фейком принято считать информацию, которая преднамеренно распространяется в медиа с целью дезинформирования общественности, формирования ложного представления о реальной картине мира и ложных стереотипов, провоцирования неадекватных форм социальной активности путем манипулирования общественным мнением (формирования «нужного» мне-

ния). К числу наиболее общих критериев определения дезинформации («дезинформация — это не отсутствие информации как таковой, а ее особый вид, который создает у аудитории неверную картину действительности» [6, с. 51]) в новостных сообщениях могут быть отнесены:

1. Отсутствие ссылок на первоисточник информации, использование анонимных, неформальных источников (например, «На условиях анонимности сотрудники РОВД сообщили нам, что...»; «Сотрудник МВД до того, как был задержан, успел передать нам информацию... Имя сотрудника мы не имеем права разглашать, так как это несет угрозу его жизни» и т. п.). Зачастую в отношении подобной информации понятие авторства как такового не применимо. В этой связи аудитории рекомендуется внимательно подходить к выбору источников получения новостей: редакционная политика крупных национальных вещателей обязывает тщательно проверять любые новости до выхода в эфир или размещения на интернет-сайте (что, однако, не является гарантией подлинности информации).

2. Акцент на том, что важная информация скрывается от аудитории официальной властью либо иными заинтересованными субъектами, действия которых направлены против интересов общества (например, «Рассматриваемый в парламенте законопроект, по словам экспертов, направлен на усиление позиций силовых структур и ущемление прав представителей организаций гражданского общества»; «Власть бездействует, а проблема принимает угрожающие масштабы»).

3. Наличие аудиовизуальной информации, которая в изоляции от контекста и комментариев не связана с обсуждаемой проблемой и может допускать противоречивые трактовки в зависимости от целей манипулятора (например, кадры задержания сотрудниками ОВД пенсионера либо действий ОМОНа по пресечению массовых беспорядков наводят на мысль о чрезмерной жестокости представителей силовых структур).

4. Апелляция к эмоциям аудитории без указания конкретных данных, количественных и / или качественных характеристик явления (например, «Это угроза, которой не избежать никому»; «Многие гаишники садятся пьяными за руль»; «На зарплаты силовикам уходят деньги из бюджета, которые могли пойти на выплату пенсий» и т. п.).

Таким образом, особенностями кликбейт-заголовков новостей правоохранительной тематики являются: ориентация на повышенную конфликтность события, использование иронии, сарказма, гиперболизации, предположений, мнений, цитат, оторванных от контекста, неоправданных обобщений, смещение акцентов в подаче информации. Имплицитный характер используемых в интер-

нет-источниках текстообразующих категорий делает неизбежным вопрос наличия у аудитории компетенций для самостоятельного декодирования манипулятивных стратегий, понимания механизмов формирования нужного коммуникатору общественного мнения. Проблема развития подобных компетенций, равно как и вопрос нарушения этических принципов работы с массовой информацией в сетевых источниках, заслуживает проведения отдельных исследований.

1. Фролова В. И. Провокативные стратегии в заголовочном комплексе медиатекста: этический аспект // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2018. № 1. Т. 1. С. 152–162. [Вернуться к статье](#)

2. Чанышева З. З. Информационные технологии смысловых искажений в кликбейт-заголовках // Вестн. Перм. нац. исслед. политех. ун-та. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 4. С. 54–62. [Вернуться к статье](#)

3. The Art of Clickbait [Electronic resource] // SOMIIBO : Social Media Automation and growth service. URL: <https://somiibo.com/blog/the-art-of-clickbait/> (date of access: 20.04.2020). [Вернуться к статье](#)

4. Вендиктов, С. В. Индекс социального доверия и коррупционные риски // Карупцыйныя рызыкі кадравага патэнцыяла Беларусі : зб. навук. артыкулаў / уклад. Ю. М. Бубнаў, І. А. Пушкін; рэдкал.: Ю. М. Бубнаў (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : МДУХ, 2019. С. 43–44. [Вернуться к статье](#)

5. Суходолов А. П., Бычкова А. М. «Фейковые новости» как феномен современного медиaprостранства: понятие, виды, назначение, меры противодействия // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 2. С. 143–169. [Вернуться к статье](#)

6. Богдан Е. Н., Распопова С. С. Фейковые новости: природа происхождения // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. Филологические науки. Вып. 109. 2017. № 11 (407). С. 48–53. [Вернуться к статье](#)

S. V. Venidiktov

Clickbait headers of «negative» law enforcement news (by TUT.BY portal materials)

The article is devoted to the analysis of clickbait heading technology as a tool for forming a distorted information picture of reality. Based on the study of “flashy” news headlines on the activities of law enforcement agencies, signs and principles of information distortion were revealed in the Internet space of the Republic of Belarus. The general criteria for determining misinformation and «fake» news, which are accompanied by clickbait headlines, are proposed.

УДК 376

С. В. Венідзіктаў

*начальнік кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін
Магілёўскага інстытута МУС,
кандыдат філалагічных навук, дацэнт (Беларусь)*

РУСКАЯ ЖЭСТАВАЯ МОВА І ДАКТЫЛЬНАЯ ГАВОРКА Ё СІСТЭМЕ СПЕЦЫЯЛЬнай ЛІНГВІСТЫЧнай КАМПЕТЭНТНАСЦІ СУПРАЦОЎНІКАЎ ОРГАНАЎ УНУТРАНых СПРАЎ

У артыкуле разгледжана праблема валодання мовай жэстаў і дактыльнай гаворкай — кампанентаў агульнай камунікатыўнай кампетэнтнасці супрацоўніка дзяржаўных органаў. Прааналізаваны вопыт выкладання дысцыпліны «Асновы мовы жэстаў» у Магілёўскім інстытуце МУС: змест курса, фарміруемыя кампетэнцыі, аб'ектыўныя складанасці засваення матэрыялу. Разгледжаны службовыя сітуацыі, у якіх супрацоўніку органаў унутраных спраў (ОУС) патрабуецца спецыяльная лінгвістычная кампетэнтнасць. Асэнсаваны вопыт навучання жэставай мове супрацоўнікаў органаў унутраных спраў Расійскай Федэрацыі і прапанаваны перспектыўныя напрамкі пашырэння практыкі вывучэння жэставай мовы супрацоўнікамі праваахоўных структур Рэспублікі Беларусь.

Агульным паняццем «жэставая мова», як правіла, пазначаецца знакавая сістэма, якая ўключае ё сябе жэсты рукамі, міміку, паставу корпуса цэла і службыць для камунікацыі людзей з парушэннямі слыху альбо для замены галасавых зносін у неспрыяльных для традыцыйнай маўленчай камунікацыі ўмовах. У адрозненне ад жэставай мовы, дзе жэсты ўяўляюць сабой цэлыя словы, дактыльная гаворка («пальцавы» алфавіт) перадае інфармацыю з дапамогай пальцавых аналагаў літар, набліжаючыся гэтым да традыцыйнай пісьмовай мовы, якая выкарыстоўвае паслядоўнасць абмежаванай колькасці знакаў [1]. На сёння ё свеце зафіксавана больш за 120 нацыянальных моў жэстаў [2, с. 35].

У розных дзяржавах жэставая мова валодае розным статусам. Напрыклад, у Ісландыі і Новай Зеландыі — гэта статус дзяржаўнай мовы, у Партугаліі — афіцыйнай, у Польшчы — непрызнанай. У Расійскай Федэрацыі руская жэставая мова з 2013 г. фактычна набліжаецца па статусе да афіцыйнай дзяржаўнай мовы. Згодна з Законам Рэспублікі Беларусь «Аб сацыяльнай абароне інвалідаў у Рэспубліцы Беларусь» (1991), жэставая мова прызнаецца дзяржавай у якасці сродку міжасобасных зносін [3]. У Беларусі агульная колькасць глухіх грамадзян і асоб з парушэннямі слыху складае каля 10 тыс.

(каля 0,1 % ад насельніцтва краіны). Пры гэтым у 2018 г. у выніку прафілактычных аглядаў дзяцей ва ўзросце 0–17 гадоў выяўлена каля 5,5 тыс. выпадкаў парушэння вастрыні слыху, што склала 0,3 % ад агульнай колькасці агледжаных [4]. У такой сітуацыі валоданне жэставай мовай становіцца кампанентам агульнай камунікатыўнай кампетэнтнасці супрацоўнікаў дзяржаўных органаў, якія забяспечваюць рэалізацыю канстытуцыйных правоў грамадзян, накіраванай на пашырэнне прынцыпаў інклюзіўнага і раўнапраўнага грамадства. Артыкулам 12 «Дзяржаўная падтрымка жэставай мовы» Закона «Аб сацыяльнай абароне...» [3] прадугледжваецца ўключэнне вывучэння жэставай мовы ў навучальныя планы ўстаноў адукацыі, якія забяспечваюць павышэнне кваліфікацыі і перападрыхтоўку спецыялістаў органаў па працы, занятасці і сацыяльнай абароне, па надзвычайных сітуацыях, праваахоўных органаў, іншых дзяржаўных арганізацый [3].

У сістэме адукацыі Рэспублікі Беларусь у першую чаргу гаворку трэба весці пра засваенне навучэнцамі рускай жэставай мовы — нацыянальнай жэставай сістэмы, актуальнай для жыхароў Расіі, Украіны, Беларусі, Казахстана, а таксама дактыльнай азбукі — дапаможнай сістэмы рускай жэставай мовы, у якой знакі вонкава падобныя на адпаведныя літары алфавіту [5]. Рэалізацыя дадзенага накірунку прафесійнай адукацыі ў цяперашні час ускладняецца недахопам кваліфікаваных кадраў прафесарска-выкладчыцкага складу, невыпрацаванасцю адзіных метадалагічных падыходаў да навучання жэставай мове ва ўмовах практыка-арыентаванай адукацыі, адсутнасцю сістэмы ўзаемадзеяння паміж установамі адукацыі і грамадскімі арганізацыямі, якія аб'ядноўваюць людзей з парушэннямі слыху.

Ва ўстановах вышэйшай адукацыі сістэмы Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь вывучэнне жэставай мовы ўключана ў навучальныя планы спецыяльнасцей вышэйшай адукацыі, а таксама ў праграмы павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў. Так, у Магілёўскім інстытуце МУС рэалізуецца праграма павышэння кваліфікацыі «Асновы мовы жэстаў» для спецыялістаў у сферы аховы грамадскага парадку і забеспячэння бяспекі [6]. Асноўная мэта навучання выражаецца ў дасягненні слухачамі дастатковага ўзроўню камунікатыўнай кампетэнтнасці ў зносінах з глухімі, фарміраванні агульнага ўяўлення пра заканамернасці функцыянавання мовы жэстаў і прадугледжвае рэалізацыю наступных задач: а) развіццё псіхалагічнай гатоўнасці да зносін з глухімі; б) азнаямленне з лінгвістычнымі асаблівасцямі, структурай жэставай мовы, спецыфікай яе функцыянавання ў камунікатыўнай дзейнасці глухіх; в) вывучэнне дактыльнага алфавіта, лексікі і граматыкі рускай жэставай мовы; г) складанне кароткага слоўніка жэстаў у адпаведнасці з

звяртаюць увагу ў сваіх працах і расійскія аўтары: а) засваенне неадназначных жэстаў; б) трактоўка жэстаў з непразрыстай матывацыяй паходжання; в) наяўнасць з'яў аманіміі і антаніміі ў жэставай мове; г) неафіцыйны статус рускай жэставай мовы; в) наяўнасць працэсаў канверсіі і запазычвання [7, с. 223–224].

Пералік службовых сітуацый, у якіх супрацоўніку ОУС патрабуецца спецыяльная лінгвістычная кампетэнтнасць, не абмежаваны рэдкімі зносінамі з асобамі, што маюць парушэнні слыху. Напрыклад, жэставая мова можа быць дарэчнай у сітуацыях прафесійных зносін, калі неабходна захаванне патрабаванняў сакрэтнасці альбо калі праз экстрэмальнасць умоў недапушчальныя гукавыя зносіны (аналагічна важнасці захавання цішыні на паляванні). Да гэтай жа катэгорыі могуць быць аднесены найбольш тыповыя сітуацыі, якія прадугледжваюць пераважна жэставыя зносіны альбо поўны пераход на жэставую мову: а) зносіны ва ўмовах моцнага шуму (напрыклад, стрэлы, крыкі падчас масавых беспарадкаў і да т. п.); б) наяўнасць значнай адлегласці ці гукавой перашкоды паміж камунікатыўнымі партнёрамі (актуальна, напрыклад, пры перадачы інфармацыі кіроўцу аўтамабіля, што знаходзіцца ў руху, альбо пасажыру цягніка і да т. п.); в) недастатковае валоданне альбо поўнае няведанне гукавой мовы суразмоўцы (у такім выпадку значэнне мае інтуітыўная прырода жэстаў, універсальны, наднацыянальны характар іх сэнсавага ядра). Водгукі супрацоўнікаў ОУС, якія праходзілі павышэнне кваліфікацыі па праграме «Асновы жэставай мовы» ў Магілёўскім інстытуце МУС, сведчаць аб тым, што падобныя сітуацыі нярэдка сустракаюцца ў прафесійнай дзейнасці праваахоўных органаў.

У вывучэнні мовы жэстаў супрацоўнікамі ОУС Рэспублікі Беларусь можа быць карысны вопыт навучання супрацоўнікаў праваахоўных органаў замежных краін. Напрыклад, у Расійскай Федэрацыі, дзе па розных ацэнках пражывае ад 7 да 13 млн чалавек з парушэннямі слыху і больш за 2 млн грамадзян з'яўляюцца носбітамі рускай жэставай мовы, у Федэральны закон ад 30 лістапада 2011 г. № 342-ФЗ «Аб службе ў органах унутраных спраў Расійскай Федэрацыі» ўнесены дапаўненні, якія абавязваюць асобныя катэгорыі супрацоўнікаў ОУС валодаць навыкамі рускай жэставай мовы [8]. Федэральнай праграмай «Даступнае асяроддзе» прадугледжана навучанне асновам рускай жэставай мовы спецыялістаў, якія аказваюць дзяржаўныя паслугі насельніцтву [7, с. 222]. Дзейнічае таксама загад Міністэрства ўнутраных спраў і Міністэрства адукацыі і навукі ад 15 чэрвеня 2015 г. № 681/587 «Аб аб'ёме валодання навыкамі рускай жэставай мовы супрацоўнікамі органаў унутраных спраў Расійскай Федэрацыі, якія замяшчаюць асобныя пасады ў органах

унутраных спраў Расійскай Федэрацыі». На дадзеныя дакументы абапіраюцца праграмы прафесійнага навучання навыкам рускай жэставай мовы (павышэння кваліфікацыі), адрасаваныя супрацоўнікам падраздзяленняў дзяжурных частак, участковым упаўнаважаным паліцыі, патрульна-паставой службе, дзяржаўнай інспекцыі бяспекі дарожнага руху, пазаведамаснай аховы, крымінальнага вышуку [9]. Засваенне праграмы прафесійнага навучання (павышэння кваліфікацыі) завяршаецца кваліфікацыйным іспытам. Аналіз дзейнасці супрацоўнікаў ОУС Расіі сведчыць, што «...часцей за ўсё з катэгорыяй грамадзян “глухія” сутыкаліся супрацоўнікі патрульна-паставой службы і супрацоўнікі паліцыі па забеспячэнні правапарадку на аб’ектах транспарту і ахове грамадскага парадку. Радзей з дадзенай катэгорыяй грамадзян даводзілася кантактаваць супрацоўнікам дарожна-патрульнай службы і супрацоўнікам дзяжурных частак» (пераклад наш. — С. В.) [10, с. 76].

З улікам практычных патрэб і вопыту іншых краін перспектыўным нам уяўляецца пашырэнне практыкі навучання супрацоўнікаў ОУС жэставай мове і дактыльнай гаворцы за кошт курсантаў, якія атрымліваюць адукацыю ў дзённай форме, а таксама вывучэнне дысцыпліны «Асновы жэставай мовы» з выкарыстаннем прынцыпу міжпрадметных сувязей з дысцыплінамі «Рыторыка», «Прафесійная этыка», «Псіхалогія і педагогіка» (інтэграваны модуль «Філасофія»), «Псіхалогія дэвіянтных паводзін» і інш. Авалоданне практычнай часткай вучэбнай дысцыпліны ў такім выпадку запатрабуе ўдасканалення яе метадычнага забеспячэння, узаемадзеяння з рэгіянальнымі грамадскімі арганізацыямі, якія аб’ядноўваюць людзей з парушэннямі слыху (носьбітамі рускай жэставай мовы), а таксама аказання практычнай дапамогі адзелама унутраных спраў у арганізацыі сурдакамунікацыі з грамадзянамі. Такім чынам, базавае валоданне нацыянальнай жэставай мовай і веданне дактыльнай гаворкі ў сукупнасці з агульным разуменнем заканамернасцей невербальнай камунікацыі вызначае змест спецыяльнай лінгвістычнай кампетэнтнасці супрацоўнікаў органаў унутраных спраў.

1. Грыгор’ева Т. А., Русакович И. К., Шугай Т. А. Жестовый язык. Минск : Народная асвета, 2007. 95 с. [Вернуться к статье](#)

2. Никитина Е. О. Значение жестового языка в деятельности сотрудников полиции // Наука и школа. 2016. № 3. С. 34–37. [Вернуться к статье](#)

3. О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 11 нояб. 1991 г., № 1224-ХІІ : в ред. от 17.07.2009 г. № 48-3 // АПС «Бизнес-Инфо». Беларусь / ООО «Профессиональные правовые системы». Минск, 2020. [Вернуться к статье](#)

4. Республика Беларусь. Статистический ежегодник 2019. Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. 472 с. [Вернуться к статье](#)
5. Зайцева Г. Л. Жест и слово. Научные и методические статьи. М. : ВТИ, 2006. 631 с. [Вернуться к статье](#)
6. Основы жестового языка : учебная программа повышения квалификации; рег. № УПр–487ПК от 13.08.2019 / разработчик С. В. Венидиктов. Могилев: Могилев. институт МВД, 2019. 15 с. [Вернуться к статье](#)
7. Свиначев, С. В. Проблемы преподавания русского жестового языка в системе вузов МВД России по программам профессионального обучения // Вопросы педагогики. 2020. № 1–2. С. 222–226. [Вернуться к статье](#)
8. О службе в органах внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. Закон, 30 нояб. 2011 г., № 342-ФЗ : с изм. и доп. от 16.12.2019 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://77.мвд.рф/Dejatelnost/Sluzhba/Zakonodatelnaja_baza/Federalnij_zakon_ot_30_noja_brja_2011_g (дата обращения: 24.03.2020). [Вернуться к статье](#)
9. Программа профессионального обучения (повышения квалификации) «Обучение навыкам русского жестового языка сотрудников подразделений дежурных частей, участковых уполномоченных полиции, патрульно-постовой службы, по обеспечению безопасности дорожного движения, вневедомственной охраны, уголовного розыска» / сост. А. А. Таганова. Краснодар : КрУ МВД России, 2016. 27 с. [Вернуться к статье](#)
10. Гусев Ю. М. О роли русского жестового языка в служебной деятельности сотрудников полиции // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 3. С. 73–76. [Вернуться к статье](#)

S. V. Venidiktov

Russian sign language and finger speech in the system of special linguistic competence of the internal affairs bodies employees

The article discusses the problem of sign language and finger speech, a component of the general communicative competence of an employee of state bodies. The experience of teaching the discipline “Fundamentals of Sign Language” at the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs is analyzed: course content, competencies, objective difficulties in mastering the material. The official situations in which the employee of the internal affairs bodies require special linguistic competence are considered. The experience of teaching sign language to employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation is understood, and promising directions for expanding the practice of teaching sign language to law enforcement officers of the Republic of Belarus are proposed.

УДК 378

С. М. Володько

*доцент кафедры делового английского языка
Белорусского государственного экономического университета*

Т. Ю. Бергель

*преподаватель кафедры делового английского языка
Белорусского государственного экономического университета,
кандидат педагогических наук, доцент*

ОБ ИНТЕГРАЦИИ КУЛЬТУРЫ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В статье рассматривается проблема взаимосвязи языка и культуры, волнующая научное сообщество со времен Вильгельма фон Гумбольдта и не утратившая своей актуальности сегодня, когда задачей высшей школы является подготовка не просто высококвалифицированного профессионала, а человека культуры, языковой личности, владеющей нормами и правилами функционирования языка, культурой речи, вербальными, паралингвистическими и экстралингвистическими средствами общения.

Основной задачей обучения языку в высшей школе, как известно, является формирование языковой личности.

Получая совокупность знаний о языке в области грамматики, лексикологии, страноведения и т. д., студент овладевает языком на уровне компетенций, представляющих собой перечень вопросов, в которых он обладает определенным объемом знаний. Далее эти знания необходимо научиться использовать в деятельности для реализации языковых функций (номинативной, эмоциональной, коммуникативной и т. д.). Речь идет о формировании языковой компетентности, понимаемой как владение соответствующей компетенцией, включающей личностное отношение к ней и предмету деятельности самого индивида [1, с. 18].

Мы разделяем точку зрения В. М. Шавель, считающей правильным говорить не о коммуникативной компетентности, а о языковой компетентности, рассматриваемой ею в качестве важной составляющей в системе языковой компетентности, включающей, наряду с коммуникативной, и другие виды компетенций: номинативную, эмоциональную, эстетическую [2, с. 309].

Совершенно очевидно, что языковая компетентность является основной составляющей профессионального портрета востребованного молодого специалиста. Между тем современная образовательная система высшей школы не может сегодня в полной мере гордиться высоким уровнем профессиональной ино-

язычной подготовки выпускников. Владение языком специальности, терминологией, лингвокультурологическими знаниями о стране изучаемого языка и самом языке не обозначено, к сожалению, в качестве основного требования к уровню языковой компетентности выпускника вуза.

Между тем современному обществу нужен не просто профессионал, а человек культуры, интегрирующий культуру знаний, чувств, общения и творческого действия [3, с. 19].

Развитие этих качеств личности тесно связано с формированием языковой компетентности личности, предполагающей не только знание норм и правил функционирования языка, но и владение искусством речи в единстве всех средств общения — вербальных, паралингвистических, экстралингвистических.

Уровень языковой компетентности отражается в трех аспектах процесса общения — коммуникативном, перцептивном и интерактивном. Каждый из них предполагает наличие языковой компетентности в следующих областях:

1) профессиональная культура речи (умение вести профессиональный диалог, строить монологическое высказывание в профессиональной сфере);

2) коммуникативная культура (культуры речи, мышления);

3) коммуникативное поведение (владение паралингвистическими средствами общения и экстралингвистическими факторами [4, с. 20].

Как известно, целью межъязыковой коммуникации является стремление исходного участника процесса довести информацию до получателя. На этом пути возможно возникновение неких препятствий, осложняющих процесс передачи информации. Как правило, эти препятствия, часто именуемые коммуникативными барьерами, связаны с различиями языковых систем и проблемами межкультурного взаимодействия. Так, например, социокультурные барьеры выражаются в принадлежности коммуникантов к разным культурам, неоднозначно воспринимающим реалии материального и духовного мира. Как справедливо подчеркивает А. Вежбицкая, наибольшим барьером в межкультурной коммуникации являются проблемы лингвистической семантики. Они выражаются в том, что между жизнью общества, частью которого являются коммуниканты, и лексикой языка, на котором они говорят, существует глубокая связь. И культурное своеобразие, стереотипы мышления, традиции не могут не наполнять используемый народом словарь различным смысловым содержанием, что и создает коммуникативные барьеры. Между тем существует значительный пласт пересечений в лексике разных языков, что способствует успеху коммуникации [5, с. 136], в связи с чем не стоит полагать, что принадлежность коммуникантов к разным культурам полностью лишает их возможности взаимодействовать.

В данном контексте формирование социокультурной компетенции как знания культурных особенностей страны — носителя языка, как интеграции личности в мировую и национальную культуры занимает ведущее место в лингвистическом образовании наряду с формированием грамматической компетенции, дискурсивной и социолингвистической.

Интеграция культуры в лингвистическое образование отвечает современной концепции развития высшего образования, активно культивирующей идею гуманизации, заключающуюся в «очеловечивании всех знаний, формируемых у специалиста, важности и необходимости их не только для производства, но и для развития, самореализации каждого индивида в рамках социума» [6, с. 232].

Мысль о связи языка и культуры впервые высказал В. фон Гумбольдт [7, с. 273], справедливо считающий, что язык является связующим звеном между человеком и его миром. Основные положения теории В. фон Гумбольдта можно представить в следующем виде:

- в языке воплощается и материальная, и духовная культура индивида;
- всякая культура национальна в том плане, что языку присуща специфическая для каждого народа «внутренняя форма»;
- «внутренняя форма» языка есть выражение духа народа, его культуры.

Сегодня проблема взаимосвязи языка и культуры не утратила своей актуальности. Будучи чрезвычайно многогранной, она привлекает интерес многих исследователей (Ю. Д. Апресян, М. Я. Блох, Г. А. Брутян, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова, А. А. Потеня и др.) к различным ее сторонам, что, безусловно, важно для всестороннего изучения проблемы и использования полученных результатов в совершенствовании лингвистического образования.

На наш взгляд, очень интересна такая сторона проблемы, как исследование языка в его связи с индивидуумом, его самосознанием, его мировоззрением, его картиной мира. В данном контексте заслуживает внимания точка зрения В. И. Постоваловой [8, с. 51] о том, что язык участвует в двух процессах, связанных с картиной мира, а именно: с одной стороны, в недрах языка формируется языковая картина мира, самый глубинный слой картины мира индивида, с другой стороны, сам язык эксплицирует другие картины мира индивида, которые через посредство специальной лексики входят в язык, благодаря чему в нем появляются черты этого индивида и его культуры, которые при помощи языка из индивидуального опыта превращаются в коллективный опыт.

О. А. Жилыева отмечает: «Картина мира <...> означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина» [3]. Картина мира представляет

объекты и свойства окружающего мира в том виде, в котором они осмысливаются субъектом, т. е. отображается отношение субъекта к этим объектам.

Языковая картина мира, первое упоминание о которой относится к XVIII веку, представляет собой, по мнению Е. С. Кубряковой, часть концептуального мира человека, которая имеет привязку к языку и преломление через языковые формы, запечатленные в лексике, грамматике, фонетике и т. д. [9, с. 178]. Языковая картина мира представляет собой выражение познавательной деятельности различных групп людей средствами языка.

Как же взаимодействуют язык и культура? Ответом может служить известное высказывание Э. Сепира: «Язык является символическим руководством к пониманию культуры» [10, с. 161]. Язык обслуживает культуру, отражает культурно-национальную ментальность народов.

Гениальна мысль В. фон Гумбольдта о том, что национальный характер культуры находит отражение в языке посредством особого видения мира, что национально-культурное «присвоение» мира происходит под воздействием родного языка, потому что только в единицах своего языка мы можем подумать и сказать что-то о мире. В итоге формируется определенное языковое пространство, в котором живет индивид, в котором он обязан определенным образом вести себя. Это пространство и называется языковой культурой.

Языковая культура формирует отношение индивида к миру, где язык является частью культуры, наследуемой человеком от предков, основным инструментом, с помощью которого он усваивает культуру, важнейшей категорией из всех других категорий культурного ряда (литература, наука, религия и т. п.).

Мы разделяем точку зрения С. Г. Тер-Минасовой о том, что «культурная картина мира — это отражение реальной картины через призму понятий, сформированных с помощью органов чувств индивида и прошедших через его сознание как коллективное, так и индивидуальное» [11, с. 121].

Культурная картина мира у каждого народа своя. При упоминании какой-то нации в нашем сознании немедленно возникают ассоциации, связанные с ее культурной картиной мира. Например, когда речь заходит о Великобритании, мы думаем о королевской семье, замках с привидениями, туманной дождливой погоде, «5 o'clock tea», Шерлоке Холмсе [11, с. 203].

Образ Беларуси, скорее всего, ассоциируется с синеокими озерами, красивыми девушками, драниками и «бульбой». Культурная и языковая культуры постоянно взаимодействуют, дополняя друг друга и восходя к реальной картине мира, окружающего индивида.

В заключение приведем утверждение классика теории межкультурной коммуникации Э. Холла о том, что культура сама по себе является коммуника-

цией, а коммуникация — культурой [12, с. 78], что в очередной раз подчеркивает, что язык не существует вне культуры, вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих образ жизни носителей этого языка. Поэтому, чтобы активно пользоваться языком как средством общения, недостаточно знать значение слов и правила грамматики. Нужно знать, как данное значение слова / понятие «живет» в реальном мире изучаемого языка. Именно поэтому в изучении языка так велика роль таких аспектов, как лингвострановедение и социолингвистика, которые вовлекают в учебный процесс элементы социокультурной картины мира изучаемого языка, находящей отражение и выражение в языковой картине мира.

1. Печенева Т. А. Коммуникативность как мотивационный компонент процесса обучения русскому языку в школе. Адукацыя і выхаванне, 2002. № 1. С. 17–20.

[Вернуться к статье](#)

2. Шавель В. М. Актуальные вопросы научно-методической и учебно-воспитательной работы: традиции и модернизация современного высшего образования : материалы респ. науч.-метод. конф., Гомель, 10–11 марта, 2016 г. Гомель : ГГУ, 2016. Ч. 3. С. 307–310. [Вернуться к статье](#)

3. Жилиева О. А. Языковая культура как фактор успешности профессиональной деятельности. Известия РГПУ им. А. Н. Герцена, 2009. № 4. С. 17–24. [Вернуться к статье](#)

4. Мичурова А. А. Языковая личность и проблемы коммуникативной компетентности : материалы 3-й Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 2018 г. СПб. : Свое издание. С. 20–22. [Вернуться к статье](#)

5. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянской культуры, 2001. 288 с. [Вернуться к статье](#)

6. Неудачина Л. В. Культура и языковая картина мира. Чебоксары : Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс». 2018. С. 231–234. [Вернуться к статье](#)

7. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. : Радуга, 1984. 450 с. [Вернуться к статье](#)

8. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М. : Наука, 1988. С. 8–69. [Вернуться к статье](#)

9. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М. : Наука, 1988. С. 141–189. [Вернуться к статье](#)

10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс, 1993. 650 с. [Вернуться к статье](#)

11. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникации. М. : Слово, 2000. 261 с. [Вернуться к статье](#)

12. Hall E. The Silent Language. New York : Doubleday, 1959. 224 p. [Вернуться к статье](#)

S. M. Volodko, T. Y. Bergel

The integration of culture into the linguistic education

The article focuses on the problem of a language-culture interrelation. Being the one that has been of interest for its science community for centuries, it remains urgent today when high school is facing numerous challenges of the era of globalization. Training a highly-qualified professional turns out to be not the only priority for higher educational establishments. Training a man of culture, a linguistic identity who is aware not only of the norms and rules of how a language functions in a multilingual community, but also of a verbal, non-verbal and extralinguistic means of communication is a must which is to be solved by high school if it wishes its graduates to be competitive at the world market.

УДК 378. 016

А. Н. Воробьева

*старший преподаватель кафедры немецкого языка
факультета социокультурных коммуникаций
Белорусского государственного университета*

А. В. Коклевский

*доцент кафедры педагогики и проблем развития образования
Белорусского государственного университета,
кандидат педагогических наук, доцент*

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье обоснована роль технологии проектного обучения в формировании иноязычной коммуникативной компетенции студентов. Выявлены и раскрыты сущность, типовые характеристики и основные позитивные стороны проектной технологии в учебном процессе университета. Определены требования, предъявляемые к выполняемому студентами междисциплинарному учебно-исследовательскому проекту. На примере преподавания немецкого языка в Белорусском государственном университете представлены основные положения реализации технологии проектного обучения.

Одной из основных характеристик человеческого развития в постиндустриальном обществе является интеграция многочисленных сфер деятельности, в том числе и в сфере образования. Глобализация образования рассматривается как один из наиболее удачных способов воспитания граждан мира, способных творчески решать существующие личностные и профессиональные проблемы. В связи с этим перед научно-педагогическим сообществом стоят принципиально новые задачи, направленные на формирование и развитие у студентов системного мышления, творческой активности и самостоятельности. Важнейшей характеристикой нового гражданина мира является владение компетенциями коммуникативности, креативности, умениями критически мыслить и работать в команде.

Условия развития мирового сообщества диктуют новые требования к уровню профессиональной подготовки специалистов. Для обеспечения реализации этих требований в настоящее время в педагогической науке и практике широко применяется компетентностный подход к образованию (В. И. Байденко, А. А. Вербицкий, О. Л. Жук, Э. Ф. Зеер, И. А. Зимняя и др.). В логике данного подхода результатами образования обучающихся выступают компетенции —

обобщенные знания, умения, навыки, опыт деятельности и личностные качества. Компетенции обеспечивают эффективное решение не только типовых личностных и профессиональных задач, но и задач высокой степени сложности и неопределенности. Одной из ключевых компетенций выпускника современного университета является иноязычная коммуникативная компетенция. Опираясь на результаты исследования Е. В. Красильниковой, в настоящей статье под термином «иноязычная коммуникативная компетенция» будем понимать способность будущего специалиста действовать в режиме вторичной языковой личности в разнообразных социально детерминированных ситуациях, готовность к осуществлению межкультурного взаимодействия [1, с. 184]. Формирование у студентов такого сложного новообразования требует от педагогов поиска, научного обоснования и апробации в процессе обучения инновационных технологий, ориентированных на саморазвитие обучающихся. Полагаем, что одной из таких технологий, применяемых в процессе преподавания в университете иностранного языка, является проектное обучение. Рассмотрим его сущность и особенности более подробно.

В современной педагогической науке все большую актуальность приобретают вопросы обучения при помощи метода проектов в условиях цифровой трансформации общества. Особую значимость приобретают проблемы формирования в образовательном процессе у обучающихся умений самостоятельного поиска, селекции и применения информации. Применение такого обучения на практике всегда вызывает интерес у студентов, расширяет их кругозор, способствует развитию иноязычной коммуникативной компетенции, формированию студенческого сплоченного коллектива и является стимулом для дальнейшего развития творческих способностей обучающихся, обеспечивает обобщение изученного материала и самостоятельную познавательную деятельность, создает ситуации успеха, тем самым поднимая самооценку, совершенствует навыки подготовленной и спонтанной речи в различных ситуациях, усиливает мотивацию к изучению иностранных языков, формирует такие качества личности, как настойчивость, целеустремленность, тактичность и ответственность. Проектное обучение предусматривает не только интеграцию междисциплинарных и применение актуализированных знаний, но и приобретение знаний-трансформаций (В. П. Беспалько) в результате самостоятельной работы обучающихся.

Один из основоположников проектного обучения В. Килпатрик так характеризовал метод проектов: «Это метод планирования целесообразной (целеустремленной) деятельности в связи с разрешением какого-нибудь учебно-школьного задания в реальной жизненной обстановке» [2, с. 28]. В качестве его непревзойденного преимущества он называл тот факт, что в процессе выполне-

ния проекта учащийся длительно, а не мимолетно соприкасается с фактами «лицом к лицу».

В современной педагогической литературе различают следующие типы проектов: монопроекты и междисциплинарные; внутренние и международные; исследовательские, творческие, игровые, ознакомительные и прикладные; групповые (парные) и личностные (индивидуальные); краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные [3].

В классификации по результату, получаемому на выходе, выделяют такие проекты, как: научно-исследовательский проект с результатом в форме знания; опытный проект с результатом в виде опытных образцов или объектов; технологический проект и технологию как его результат; инфраструктурный проект и инфраструктуру или схему отрасли в виде результата; предпринимательский проект и его результат в форме компании, бизнеса или рынка; инновационный проект с инновацией в виде результата [4, с. 32].

В основу проектного обучения положена идея, составляющая суть понятия «проект», его прагматическая направленность на результат, который получается при решении той или иной практически или теоретически значимой проблемы. Этот результат можно увидеть, осмыслить, применить в реальной практической деятельности. Чтобы добиться такого результата, необходимо научить обучаемых самостоятельно мыслить, находить и решать проблемы, привлекая для этой цели знания из разных областей, способность прогнозировать результаты и возможные последствия разных вариантов решения, умения устанавливать причинно-следственные связи [3].

К позитивным сторонам такого обучения можно отнести следующее:

1) создание комфортной среды обучения за счет того, что каждый студент может проявить себя в отдельных составляющих проекта (руководстве, оформлении, поиске и обработке информации и т. п.);

2) повышение информационной культуры — развитие навыков поиска, сбора, обработки и представления информации (в т. ч. и на иностранном языке);

3) интеграцию и взаимозависимость всех четырех речевых умений, необходимых при усвоении иностранного языка: письма, говорения, слушания и чтения;

4) реализацию принципа междисциплинарности через включение в проект как профессионального специализированного контента, так и содержания иноязычного образования;

5) относительную автономность и самостоятельность обучения;

б) совместная деятельность студентов направлена на создание общего учебно-исследовательского образовательного продукта;

7) задания, выполняемые в проекте, максимально приближены к реальной жизни, поэтому языковой материал является востребованным;

8) групповая работа над проектом способствует гармоничному развитию межличностных отношений в ней;

9) тему, содержание и способы выполнения проекта преподаватель может выбирать совместно со студентами, что способствует их включению в конструирование содержания образования и мотивирует к продуктивной учебно-исследовательской деятельности;

10) возможность обучающихся вариативно проявить свои творческие способности, отход от рутины.

Такой процесс обучения поощряет самостоятельное решение проблем, и цель такого обучения заключается в самостоятельном содержании данной темы, а не в поиске правильных ответов на вопросы, заданные преподавателем. Роль педагога состоит в том, чтобы направить обучающихся в нужном направлении, обозначить проблему и обеспечить речевыми клише для устного и письменного общения друг с другом на иностранном языке. В проектной деятельности на занятиях студенты сотрудничают и общаются друг с другом в неформальной атмосфере в течение определенного периода времени. Это способствует более продуктивному решению проблем. После выполнения проекта его участники представляют свою работу на оценку независимой аудитории на иностранном языке, что позволяет им продемонстрировать знания, умения и личностные качества, составляющие структуру иноязычной коммуникативной компетенции. Итоговым результатом проекта может быть мультимедийная презентация, ментальная карта, сценарий деловой игры и его апробация на занятии, письменный отчет, web-страница или какой-то другой созданный участниками проекта предмет (модель, макет и т. д.), который обучающиеся представляют на иностранном языке.

Невысокая мотивация обучающихся к изучению немецкого языка — одна из главных причин плохого усвоения учебного материала. Как показали промежуточные результаты нашего исследования, именно проектная технология позволяет повысить интерес и мотивацию студентов к учебной дисциплине. Выбор партнеров по проектной команде и возможность сотрудничать с равными себе также увеличивают их мотивацию. Например, когда студенты экономического факультета сильно заинтересованы в таком проекте, как разработка собственной бизнес-идеи на рынке труда для изучения собственных шансов для будущего трудоустройства, они более мотивированы принимать участие в ра-

боте в учебной аудитории и вне ее. Таким образом, математические, прогностические и аналитические понятия изучаются в более комфортной обстановке.

В ходе проводимого исследования нами определены следующие требования, предъявляемые к выполняемому студентами междисциплинарному учебно-исследовательскому проекту:

1. Проект возникает на основе наличия междисциплинарной проблемы, он обязательно должен быть востребованным.

2. Необходима строгая реализация полного жизненного цикла проекта — от замысла до утилизации для инновационного проекта или от гипотезы до употребления полученного задания для исследовательского проекта.

3. Оригинальность полученного результата в ходе проектной деятельности и творческий поиск решения проблемы.

4. Соответствие требованиям профессионального сообщества как на этапе реализации проекта, так и на этапе оценки полученного результата.

5. Самостоятельность командной работы на основе принципа самоуправления, учет ограниченности временных, финансовых и других ресурсов, продуманность в выборе организационных решений, распределении ролей.

6. Верификация в ходе выполнения проекта в учебном процессе университета образовательного результата не только педагогом, но и самими участниками проекта на основе само- и взаимооценивания.

Далее рассмотрим результаты нашего педагогического опыта по реализации учебно-исследовательских проектов, реализуемых в процессе преподавания немецкого языка в Белорусском государственном университете. В настоящее время в логике реализации модели университета 3.0 («предпринимательского» университета) акцент предлагается делать на инновационных проектах, обязательными составляющими которых являются исследование и предпринимательство.

Обучение при помощи метода проектов имеет междисциплинарный характер и требует, чтобы студенты использовали информацию из нескольких предметных областей (экономика, экология, математика, иностранный язык и др.) для решения обозначенных проблем. Почти в каждом проекте обучающиеся выполняют междисциплинарные / межотраслевые задания. Например, при составлении проекта о возможном переселении человечества на Луну студентам потребуются знания из различных научных отраслей. Конечный результат представляется в виде ментальной карты (графа, кластера) или презентации на иностранном языке. Такой способ обучения предполагает важность каждого из членов группы, все участники которой работают для достижения единой цели.

Для осуществления таких проектов по иностранному языку студенты самостоятельно объединяются в группы, выбирают в них руководителей и распределяют другие роли (креативщик, оформитель и т. п.). Каждый из студентов выполняет свою часть задания по проекту, все задания связаны единым направлением исследования. Далее студенты работают над созданием и защитой полученных результатов проекта. Кроме того, на завершающем этапе работы обучающиеся выступают экспертами соответствующих проектов своих коллег, они проводят проверку и оценивание результатов работы других проектных групп.

При выполнении проектов преподаватель оказывает студентам только консалтинговые услуги. Все полученные результаты обучающиеся высылают для предварительного контроля на учебный портал формы Google classroom. Эти результаты учитываются при определении общей комплексной оценки за выполнение проекта, включая его реализацию, экспертизу и защиту.

Также проектное обучение стимулирует студентов к профессиональной научной деятельности. Например, заданием может быть составление своего проекта по сохранению окружающей среды или создание рекламного буклета об университете для абитуриентов.

В завершение отметим, что технология проектного обучения, во-первых, прошла апробацию в образовательных системах разных стран, выдержала испытание временем и зарекомендовала себя как эффективная технология обучения, способствующая повышению практической направленности образования и развитию различных компетенций (в т. ч. и иноязычной коммуникативной компетенции), необходимых для подготовки высококвалифицированных специалистов, соответствующих информационному обществу. Во-вторых, групповая форма работы, творческая самостоятельная деятельность, нацеленная на формирование прогностических и рефлексивных умений, учет рисков при реализации проектов, перманентное квазипрофессиональное общение участников проекта способствуют формированию иноязычной коммуникативности студентов в системе социального взаимодействия. Такое обучение формирует чувство ответственности, развивает у участников командный дух, стимулирует развитие таких социальных навыков, как коммуникабельность и умение сотрудничать. В-третьих, выполнение разнообразных проектов на иностранном языке способствует формированию иноязычной коммуникативной компетенции, развитию познавательных, творческих навыков, умению самостоятельно искать информацию, развитию критического мышления. Умение самостоятельно выстраивать свои знания помогает лучше ориентироваться и общаться в информационном пространстве, способствует формированию мировоззрения студентов и целостной научной картины мира.

1. Красильникова Е. В. Иноязычная коммуникативная компетенция в исследованиях отечественных и зарубежных ученых // Ярослав. пед. вестн. 2009. № 1. С. 179–184. [Вернуться к статье](#)
2. Килпатрик В. Х. Метод проектов. Применение целевой установки в педагогическом процессе. М. : Брокгауз-Ефрон, 1925. 43 с. [Вернуться к статье](#)
3. Пеньковских Е. А. Метод проектов в отечественной и зарубежной педагогической теории и практике: на основе сравнительного анализа : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2007. 20 с. [Вернуться к статье](#)
4. Евстратова Л. А., Исаева Н. В., Лешукова О. В. Проектное обучение. Практика внедрения в университетах. М., 2018. 152 с. [Вернуться к статье](#)

N. Vorobyova, V. Koklevsky

Formation of foreign language communicative competence of students based on the project education technology

The article substantiates the role of project teaching technology in the formation of students' foreign language communicative competence. The essence, typical characteristics and main positive aspects of design technology in the educational process of the university are revealed and disclosed. The requirements for an interdisciplinary educational research project carried out by students are determined. On the example of teaching the German language at the Belarusian State University, the main provisions of the implementation of project-based learning technology are presented.

УДК 316.62

В. Д. Выборный

*профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД,
кандидат исторических наук, доцент (Беларусь)*

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье на основе данных социологических опросов исследуется динамика развития этнической толерантности жителей Могилевской области. Проводится анализ восприятия жителями области представителей различных этнических групп, а также причин их неприятия респондентами. Анализируются оценочные суждения респондентов по поводу вступления в брак с представителями другой национальности и относительно поселения их на постоянное место жительства в Республике Беларусь.

На территории Могилевской области сегодня проживают представители многих национальностей и этнических групп. В последние годы прослеживается тенденция увеличения числа представителей других стран, прибывающих в нашу область. Это существенно образом оказывает влияние на межнациональную и культурную жизнь области. Поэтому в свете демографических проблем, с которыми столкнулась наша республика, актуальным является вопрос о характере межэтнического взаимодействия и динамике развития этнической толерантности населения области. Целью исследования является анализ динамики развития этнической толерантности жителей, который будет проведен путем изучения результатов социологических исследований, проведенных в последние годы в полиэтнической Могилевской области.

В период с 2001 по 2012 год исследованием этнонациональной ситуации и толерантности жителей региона занималась Могилевская городская ассоциация «Гуманитарная инициатива» (МГАГИ), а также Могилевский институт региональных социально-политических исследований (МИРСПИ). В качестве объекта их анализа выступало население Могилевской области, дифференцированное по различным социально-демографическим и социально-профессиональным характеристикам. Результаты этих исследований свидетельствуют о том, что большинством населения области национализм и межэтническая вражда рассматриваются как отклонения от обычных норм поведения. Так, по данным МГАГИ, в 2001 году 71,2 % жителей области придерживались этой точки зрения [1, с. 12]. В то же время следует отметить, что в этот период в об-

ласти прослеживались не только негативные социальные установки по отношению к другим этническим группам, но и определенные экстремистские взгляды в национально-культурных вопросах. 10,2 % опрошенных моголевских респондентов выступали с лозунгами: «Беларусь только для белорусов», «Славянские земли — только для славян». 32,3 % высказывались против того, чтобы все жители, независимо от этнической принадлежности, имели равные гражданские права. С их точки зрения, «правильнее, чтобы каждый человек жил у себя на родине, и чем меньше приезжих других национальностей, тем спокойнее» [1, с. 12; 2, с. 85].

В последние годы вопросы развития этнической толерантности жителей области активно изучали ученые отдела социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство «Моголевские ведомости». Далее будут использоваться данные опроса, проведенного этим отделом в 2018 году. В опросе приняли участие 442 респондента в возрасте от 18 до 50 лет и старше. Цель исследования — выявить уровень этнической толерантности у представителей основных социально-демографических групп населения Моголевской области.

В чем же особенности современной этнической толерантности жителей Моголевской области? Насколько они терпимы к представителям другой национальной принадлежности? Терпимость жителей к представителям другой религиозной или национальной принадлежности можно проиллюстрировать на основании ответов респондентов на вопрос «При выборе Вами друзей имеет ли значение их религиозная / национальная принадлежность?».

Согласно полученным данным, при выборе друзей или знакомых для общения более половины опрошенных респондентов проявили религиозную и национальную толерантность (66,9 % / 65,0 %). Они ответили, что для них другая национальность и иная религия не станет помехой ни в общении, ни в работе, ни в учебе. С их точки зрения, каждый человек должен уважать традиции любого народа и все люди, независимо от национальности и места жительства, должны обладать равными правами. Одновременно каждый четвертый респондент ответил, что все же религия и национальность для них имеют некоторое значение (23,0 % / 24,3 %). В то же время немногие указали на то, что религиозная и национальная принадлежность имеют существенное значение (5,7 % / 7,3 %). Это свидетельствует о том, что у этих людей сложились довольно устойчивые этнические предубеждения. Затруднились с ответом 3,3 % опрошенных респондентов [3, с. 41–42].

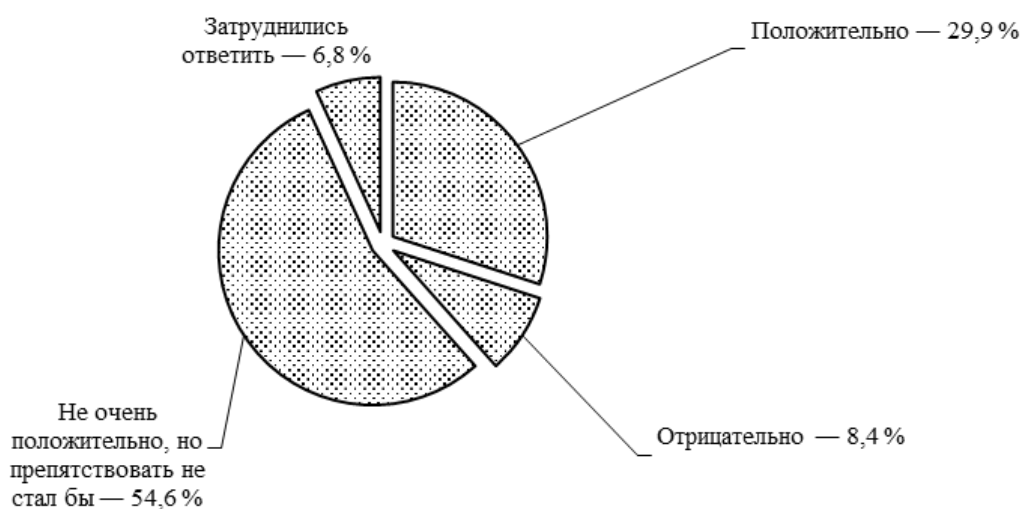
Характерно, что в прошлые годы этническая толерантность жителей области проявлялась несколько иначе. По результатам исследования, проведенно-

го автором в 2001 году, 10,5 % опрошенных респондентов области отметили, что этническая принадлежность человека влияет на отношение к нему [1, с. 12]. Это значительно ниже в процентном отношении, чем в 2018 году. Конечно, все это свидетельствует о большой настороженности населения Беларуси к представителям других этнических групп.

Следует отметить, что современная могилевская молодежь интернационально ориентирована в своем поведении и в межличностных отношениях с другими национальностями, нежели представители среднего и старшего поколений. Это можно проследить на основании ответов жителей области. Так, если для 71,7 % респондентов в возрасте до 31 года никакого значения не имеет национальность и для 76,3 % религия человека, то среди респондентов среднего и старшего возрастов эти показатели незначительно, но уменьшились (от 32 до 49 лет — 62,5 % и 64,4 %, от 50 лет и старше — 65,2 % и 65,6 % соответственно) [3, с. 42].

Социальный институт соседства и семья как сферы межличностного общения предполагают более тесный контакт с представителями другой этнической группы. Следовательно, при выборе тех, с кем действительно должно происходить общение в рамках данных социальных групп, требуется более тщательный анализ.

Интересно мнение жителей Могилевской области о том, будут ли они довольны выбором своих детей, вступивших в брак с представителями другой национальности. Далее в диаграмме представлены ответы жителей области на вопрос анкеты: «Если бы Ваша дочь или сын захотели вступить в брак с представителями другой национальности, как бы Вы лично к этому отнеслись?» (рисунок).

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если бы Ваша дочь или сын захотели вступить в брак с представителем другой национальности, как бы Вы лично к этому отнеслись?», в %

Как следует из представленных данных, более половины опрошенных (54,6 %) хотя и не совсем были бы довольны выбором своих детей, однако не препятствовали бы вступлению в брак с представителем другой национальности своей дочери или своему сыну. Количество тех, кто отрицательно воспринял бы такую семейную новость, составило 8,4 %. В то же время каждый пятый одобрил бы такую перспективу (29,9 %). 6,8 % респондентов не смогли однозначно ответить на поставленный вопрос [3, с. 42–43].

Насколько отличаются мнения представителей разных возрастных групп населения по поводу вступления в брак с представителями другой этнической группы? В целом молодежь смотрит на перспективу межнациональных браков более оптимистично, чем представители старших возрастных групп. Это и понятно: именно возраст до 30 лет является наиболее активным периодом для создания семьи. Наиболее благосклонно к таким союзам относятся жители области в возрасте до 31 года (36,4 %). Менее всего оптимизма в этой ситуации проявляют лица в возрасте от 32 до 49 лет (27,1%) [3, с. 43].

Национальные отношения всегда находятся в центре внимания любого государства, так как представляют собой взаимодействие различных культур и традиций, что зачастую приводит к серьезным политическим и экономическим последствиям. В последние годы в связи со значительно возросшей миграционной активностью обострилась этническая проблема во всем мире. Это является основой возникновения длительных межнациональных конфликтов, которые отличаются особой сложностью и жестокостью протекания. Одной из причин их возникновения является неадекватное восприятие жителями стран представителей других этнических групп.

Как же воспринимают жители области представителей других этнических групп? Каково отношение к ним?

В ходе исследования было изучено отношение жителей области к представителям других национальностей и культур. Данные представлены в таблице.

Отношение к...	Положительное	Безразличное	Отрицательное	Затруднились ответить
белорусам	92,0	2,9	0,4	4,7
русским	87,9	4,6	0,5	7,1
украинцам	77,7	10,8	1,5	10,0
литовцам	69,1	16,1	1,8	13,1
полякам	69,1	16,0	1,5	13,5
евреям	65,1	17,8	2,9	14,2
армянам	60,6	20,9	3,5	15,0
цыганам	43,6	20,1	17,8	18,5
азербайджанцам	55,2	22,7	5,4	16,7
немцам	60,0	21,3	3,2	15,5

Окончание таблицы

Отношение к...	Положительное	Безразличное	Отрицательное	Затруднились ответить
туркам	54,0	23,9	5,0	17,1
чеченцам	49,5	21,7	10,6	18,2
китайцам	55,2	22,1	5,6	17,1
американцам	55,2	22,0	5,0	17,8
индусам	52,6	25,7	3,3	18,4
африканцам	50,9	25,4	5,0	18,7
арабам	48,5	23,4	8,3	19,8

Если учесть, что в выборке представлено более девяноста процентов представителей белорусской национальности, то не вызывает удивления, что более всего положительных оценок со стороны респондентов отдано именно этой этнической группе. Есть национальности, к которым жители области относятся более благосклонно. Прослеживается картина положительного восприятия соседних государств. Большинство опрошенных респондентов симпатизируют русским и украинцам, т. е. братским славянским народам. Такое отношение и к нашим ближайшим соседям — литовцам (69,1 %), и полякам (69,1 %). Что же касается представителей других этнических групп, представленных в приведенной выше таблице, то практически каждый второй респондент выражает доброжелательность к большей части представителей этнических групп. В то же время многие выражают безразличное либо негативное отношение к представителям определенных этнических групп.

Сегодня наименьшие симпатии у жителей Могилевской области вызывают представители цыганской (43,6 %), арабской (48,5 %) и чеченской (49,5 %) диаспор. Почти у 20 % опрошенных респондентов этот вопрос вызвал значительное затруднение с ответом [3, с. 44]. Таким образом, можно судить о продолжающейся настороженности значительной массы населения Беларуси к представителям определенных национальностей и культур.

Характерно, что при прошлом опросе (в августе 2001 года), где автором изучался вопрос отношения жителей Беларуси к беженцам, ситуация была несколько иной. Почти 30 % респондентов указали на нежелательность нахождения на территории Беларуси представителей только некоторых диаспор. Предубеждения жителей области были направлены главным образом на представителей народов Кавказа, Средней Азии и Африки [2, с. 86].

В чем же причины такого отношения? Возможно, это обусловлено тем, что населению никогда не приходилось контактировать с представителями той или иной национальности, а также следствием исторически сложившихся сте-

реотипов, последних политических событий, длительных межнациональных конфликтов и характера поведения представителей этих наций на территории Беларуси.

Как известно, одной из серьезных проблем, которая стоит сегодня перед Республикой Беларусь, является депопуляция населения. В таких условиях государство предпринимает ряд мер по увеличению рождаемости и снижению уровня естественной смертности населения. Однако, как показывает время, предпринимаемые государством в этом направлении шаги пока не дали ощутимых результатов. Об этом свидетельствуют результаты переписи населения в Республике Беларусь. Мировая практика выработала некоторые меры в решении данной проблемы. Это создание условий для приезда в страну мигрантов из числа представителей других национальностей, а также ранее выехавших за рубеж на постоянное место жительства бывших соотечественников. Однако приток вынужденных мигрантов может оказать далеко не лучшее воздействие на наше государство. Доказательством этого может служить миграционный кризис, который сегодня охватил многие европейские страны.

Как же такие меры воспринимают жители области при решении некоторых демографических проблем страны? Респондентам в ходе опроса был задан вопрос «Как Вы относитесь к поселению на постоянное место жительства в Республике Беларусь представителей других национальностей?».

Результаты ответов свидетельствуют о том, что значительная часть жителей области (21,0 %) положительно относятся к подобному решению данного вопроса. Однако они выдвигают условие, в соответствии с которым в Республику Беларусь должны приезжать только представители славянских братских народов, чья культура и традиционный образ жизни имеют схожие черты и близки нам. Остальные респонденты однозначно указали на нежелательность нахождения некоторых наций на территории страны. Эти взгляды представлены разными категориями населения по возрасту и образованию [3, с. 45].

Каковы же причины неприятия респондентами области представителей некоторых этнических групп на своей территории? Более 27 % респондентов в опросе 2001 года указали на то, что они создают напряженную обстановку, совершают преступления (35,2 %), стремятся обмануть нас (20,8 %) и даже поработить нас (11,9 %). Все респонденты независимо от возраста отметили, что они пытаются вести себя как хозяева (23,8 %) и свысока смотрят на нашу культуру (12,6 %). Раздражает население и внешний вид представителей некоторых этнических групп (10,2 %) [2, с. 86]. Такая негативная тенденция восприятия представителей других национальностей усилилась в последние годы. Так, по данным опроса в 2018 году, практически каждый второй участник опроса

(44,3 %) вообще против приезда любых представителей других национальных и этнических групп, претендующих на постоянное место жительства в республике. И только 29,8 % опрошенных граждан проявили чувство толерантности и не высказались против приезда в страну эмигрантов различных национальностей и религиозных вероисповеданий [3, с. 46]. Все эти данные последнего опроса свидетельствуют о том, что настороженность значительной массы населения Беларуси к представителям других национальностей и культур значительна возросла.

Таким образом, результаты исследований, проведенных автором и отделом социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство «Могилевские ведомости», свидетельствуют о том, что основная масса респондентов области в целом проявляет этническую толерантность к другим нациям. В то же время значительный процент жителей выступает против приезда любых представителей других национальных и этнических групп, претендующих на постоянное место жительства в республике. Прослеживается тенденция явного неприятия населением представителей определенных национальных и этнических групп и ограничения их прав на территории Беларуси. На жителей Могилевской области оказывают влияние исторически сложившиеся стереотипы по отношению к отдельным нациям. Очевидно влияние и негативного поведения этих представителей на характер их восприятия населением. В этнической толерантности к другим нациям представители среднего и старшего поколения жителей области более консервативны, нежели молодые люди.

1. Выборный В. Тутэйшыя? Советские? Европейцы? // «Беларусь». Иллюстрированный ежемесячник. 2001. 3 (826). С. 12–15. [Вернуться к статье](#)

2. Выборный В. Отношение к беженцам в Беларуси (Результаты социологического исследования) // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2001. 4. С. 84–87. [Вернуться к статье](#)

3. Религиозные воззрения как фактор духовности жителей Могилевской области: социологический анализ : отчет о НИР / Отдел социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство «Могилевские ведомости» ; рук. Н. В. Новикова. Могилев, 2018. 50 с. [Вернуться к статье](#)

V. D. Vyborny

Dynamics of the development of ethnic tolerance of the residents of the Mogilev region

What are the reasons for the rejection by the respondents of the region of representatives of certain ethnic groups on their territory? The majority of the respondents show ethnic tolerance towards other nations. Many residents of the region protest the

arrival of any representatives of other national and ethnic groups for permanent residence in the republic. There is a tendency for the population to explicitly reject representatives of certain national and ethnic groups and to restrict their rights in Belarus. There is a tendency for the population to explicitly reject representatives of certain national and ethnic groups and to restrict their rights in Belarus. The residents of the Mogilev region are influenced by historical stereotypes towards individual nations. The influence of negative behavior of these representatives on the perception of them by the population is also evident.

УДК 811.111-26

Ю. М. Галковская

*доцент кафедры № 63 (иностранных языков)
Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского
государственного университета аэрокосмического приборостроения,
кандидат филологических наук, доцент (Россия)*

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Статья носит реферативный характер и охватывает только один из практических аспектов формирования переводческой компетенции.

В статье представлены особенности перевода конструкций, отражающих временные отрезки и так называемый тайминг (timing) — систему распределения времени, его регулирования и отсчета, с учетом специфики мировидения, миро- (и время-) восприятия в русскоговорящей и англоговорящей культурах.

Знание таких особенностей позволяет переводчикам принимать адекватное (оптимальное) переводческое решение, повышает качество перевода и нивелирует риски диалога культур.

Современный рынок переводческих услуг претерпевает значительные изменения в условиях высокой конкуренции со стороны автоматизированных переводческих систем. Переводческие сервисы, предлагающие неограниченный доступ и безвозмездное пользование, функционируют благодаря программному обеспечению на основе самообучающегося алгоритма. Такой алгоритм дает возможность системе непрерывно самосовершенствоваться, что становится ее преимуществом в использовании и предпочтении пользователем. Чтобы быть конкурентоспособным и привлекательным для потенциального работодателя, современному переводчику-выпускнику необходимо быть лучше автоматизированных систем перевода.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по лингвистическому направлению подготовки 45.03.02 (уровень бакалавриат) определяет задачу образовательного процесса как подготовку квалифицированных и конкурентоспособных специалистов в области лингвистики, обладающих твердыми знаниями общетеоретического и прикладного характера, способных понимать сущность и социальную значимость своей профессии в рамках социально-экономических, национально-культурных и политических реалий. Учитывая лингвистические возможности современных автоматизированных систем (выстраивание правильных синтаксических и лексико-

грамматических конструкций, богатый синонимический ряд; контроль за длиной предложения, его смысловой нагруженностью и информативной перегруженностью), соревноваться с искусственным интеллектом представляется сложной задачей.

Конкурентным преимуществом переводчика по-прежнему остается его умение использовать фоновые, профессиональные знания, национально-культурные и социокультурные сведения и опыт при принятии переводческого решения, претендующего на место адекватного и правильного. Это подтверждается общекультурными компетенциями, которые должны быть сформированы у выпускников согласно образовательному стандарту: выпускник программы должен обладать *«способностью руководствоваться принципами культурного релятивизма и этическими нормами, предполагающими отказ от этноцентризма и уважение своеобразия иноязычной культуры и ценностных ориентаций иноязычного социума»* (ОК–2) [1]. Кроме того, качество перевода и иноязычной коммуникации значительно улучшает *«владение необходимыми интеракционными и контекстными знаниями, позволяющими <выпускнику> преодолевать влияние стереотипов и адаптироваться к изменяющимся условиям при контакте с представителями различных культур (ПК-16)»*, а также *«способность моделировать возможные ситуации общения между представителями различных культур и социумов (ПК-17)»* [1].

Таким образом, одним из основных направлений практической подготовки будущих специалистов выступает обучение осуществлению эффективной межкультурной и межъязыковой коммуникации.

Цель данной статьи — установить особенности национально-культурной составляющей в процессе формирования профессиональной компетенции будущих переводчиков (на примере языковых картин мира, основанных на монохронной и полихронной концепциях времени).

В основе национально-культурных различий, которые могут привести к неадекватному переводческому решению, лежит несовпадение монохронной и полихронной концепций времени. Данные концепции были рассмотрены американским антропологом и культурологом Э. Т. Холлом — младшим и применены не только ко времени, а к культуре в целом [2].

Согласно культурным различиям в понимании и определении времени, жители стран, живущие по монохронной концепции времени (Канада, США, Объединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и другие страны Западной Европы), проводят четкую и однозначную корреляцию между организацией деятельности / событием (понятие *an event*) и временем. Согласно данной концепции, временные отрезки воспринимаются буквально, однозначно

и последовательно. Такой подход получил название *fixed concept of time* — «концепция точного времени» (монохронного). С другой стороны, жители центральной и восточной частей евразийского материка воспринимают время неточно и неоднозначно, придерживаясь *fluid concept of time* — концепции «растяжимое время» (полихронное время).

Для жителей стран с так называемым фиксированным временем временные отрезки выражают точное время: *a minute — 60 seconds, an hour — 60 minutes, etc.* (e. g. *I will contact you in a minute* — «Я свяжусь с Вами через минуту (не более пары минут)»). Сравните: рус. «Подождите, я буду *сию минуту*». Такой промежуток, как отмечает исследователь Л. Виссон, может «растянуться на десять-пятнадцать минут, а то и больше» [3, с. 124].

Таким образом, восприятие времени отражается в языке по-разному и приводит к ряду различий. Поскольку русская культура полихронна, а культура большинства англоговорящих стран (в первую очередь, США и стран Западной Европы) монохронна, такие различия становятся причиной переводческих несоответствий временных указателей и конструкций, обозначающих разные отрезки времени, в частности:

– русское слово «**сейчас**» может быть использовано при указании на действие, которое совершится в ближайшем будущем, «вот-вот», «через несколько секунд, минут»: *Просим Вас быть терпеливыми: он сейчас подойдет* (неадекватное переводческое решение — «... *he will arrive now, at the moment*»);

– отсутствие (или редкое использование) в русских синтаксических конструкциях сложного предложения «**в течение**»: *Он проработал в этой компании 15 лет. — He has been working for this company for 15 years. Они всего несколько месяцев изучают французский язык. — They have been studying French for a couple of months;*

– отсутствие в английском языке предлогов «**в**», «**на**» для обозначения временного отрезка перед именами прилагательными и местоимениями *прошлый, следующий, этот, тот* (*last year, next month, this week, that season, etc.*; сравните: *в прошлом году, в следующем месяце, на этой неделе, в ту пору*): *Мы отдыхали в Париже в прошлом году, а в следующем — собираемся на Мальту. — We spent our holiday in Paris last year. We are going to visit Malta next year;*

– семантическое несоответствие временного диапазона в конструкциях с предлогом «**к**» (**by**): *Он придет к 5 часам вечера* (в русском языке выражение «к 5 часам» обозначает «около 5», примерно 4:45 или же 5:05, 5:10). — *We will arrive at around 5 p. m.* (такие предложения следует передавать с помощью английского предлога **at**, а не **by**); отметим, что для носителей языка выражения

с английским предлогом **by** регламентируют временной отрезок с конечной границей в указанное время, иными словами, английское **by 5 p. m.** — букв. «к 5 (вечера)» охватывает более широкий временной диапазон с конечной точкой — 5 p. m. (8 a. m., 10 a. m., 1 p. m., 2 p. m., etc. — соответствуют выражению **by 5 p. m.**);

– смешение временных рамок для определения понятий «утро», «день», «вечер», «ночь».

Заметим, что в современных словарях русского языка данные временные отрезки не имеют строгих рамок, в то время как в англоязычных (аутентичных) верифицированных лексикографических источниках такие временные рамки присутствуют:

- morning** —
- 1) the early part of the day, from when the sun rises until 12 o'clock in the middle of the day;
 - 2) the part of the day from 12 o'clock at night until 12 o'clock in the middle of the day [4];

evening — the period of time at the end of the day, usually about 6 p. m. to bedtime [5]: *They arranged an evening meeting with their Finnish partners.* — *Они назначили встречу со своими финскими партнерами на вечер* (нередко в таких случаях требуется уточнение, поскольку в зимнее время в РФ рано темнеет и многие ассоциируют вечер с наступлением темноты — примерно в 16:00 (иностранец с наименьшей вероятностью расценит 4 p. m. как an evening meeting)).

Различия в понимании слова «**момент**» (a moment):

- a moment** —
- 1) a particular point of time;
 - 2) a very short period of time;
- момент** —
- 1) миг, мгновение, короткое время, в которое происходит что-то (*упустить момент, сделать в тот момент*);
 - 2) обстоятельство, отдельная сторона какого-то явления (положительные моменты в работе) [6].

В русском языке лексическая единица «момент» не охватывает парадигмы значений английского слова *moment*, в число которых входит, например, «несколько минут». В английском языке слово *a moment* имеет указанное лексическое значение: *Could I have a moment with you to talk?* — Могу ли я поговорить с тобой несколько минут?

Следует отметить, что в английском языке *a moment* имеет также значение «подходящего / удобного времени» — *the right moment, convenient*: *Sorry, it's not the right moment to call him. He is having a business meeting.* — Извините, но сейчас **не самое лучшее время** для звонка. У него совещание.

Таким образом, в переводческой деятельности особую роль играет знание национально-культурных особенностей, повлиявших на языковые картины мира носителей и неносителей. Поиск адекватного переводческого решения — важная задача, которую решает переводчик. Знание экстралингвистического характера, в частности поли- и монохронных концепций времени, и формирование профессиональной переводческой компетенции с учетом таких знаний позволяют будущим специалистам быть более востребованными на современном рынке труда и конкурентоспособными по сравнению с автоматизированными системами перевода.

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по лингвистическому направлению подготовки 45.03.02 (уровень бакалавриат : приказ Минобрнауки России от 07.08.2014 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Hall E. T., Hall M. R. Understanding cultural differences : Germans, French, and Americans. Boston, MA : Intercultural Press, 1990. 196 p. [Вернуться к статье](#)

3. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур ; пер. с англ., изд. 3-е, стереотип. М. : Р. Валент, 2005. 192 с. [Вернуться к статье](#)

4. LDOCE [Electronic resource]. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/morning> (date of access : 20.02.2020). [Вернуться к статье](#)

5. OED [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_168621/ (date of access : 20.02.2020). [Вернуться к статье](#)

6. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/109534> (дата обращения: 11.03.2020). [Вернуться к статье](#)

Yu. M. Galkovskaya

National-cultural component of professional competence for interpreter's training

In a brief way, the article covers one of the practical aspects of professional competence training. The translation peculiarities of timing constructions have been studied based on the world and time perception both in Russian- and English-speaking countries.

Knowledge of such peculiarities leads to adequate translation performed by an interpreter and enhances the quality of translation thus eliminating risks in cultural dialogues.

УДК 378.016:811.161.1

С. Ф. Доминикова

доцент кафедры иностранных языков
Могилевского государственного
университета имени А. А. Кулешова,
кандидат филологических наук, доцент (Беларусь)

**ФОРМИРОВАНИЕ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ
В ОБУЧЕНИИ РКИ (на материале
культурно маркированной фразеологии)**

В данной статье в рамках лингвокультурологического подхода проведен анализ особенностей отражения языковой (религиозной) картины мира в русском фразеологическом материале. Фразеологизмы и паремии с компонентами «Бог» и «Дьявол» интерпретируются «от фактов языка к фактам культуры». Совокупность представлений о культурно маркированных устойчивых единицах рассматривается как обязательный элемент в обучении РКИ и фактор формирования социокультурной компетенции, то есть способности осуществлять выбор языкового средства (слова, устойчивого сочетания, поговорки) на основе знания социокультурных контекстов.

Стратегическая цель обучения русскому языку в методике русского языка как иностранного (далее — РКИ) — формирование умений и навыков межкультурной коммуникации. Однако формирование умений межкультурной коммуникации невозможно без экспликации культурного компонента, содержащегося в языковом материале. Формирование социокультурной компетенции, то есть способности обучаемых осуществлять выбор языковых средств (слов, устойчивых сочетаний, прецедентных текстов) на основе знания социокультурного контекста носителей языка, приобретает особую актуальность в условиях отсутствия языковой среды.

Совокупность знаний о социокультурном контексте изучаемых языковых единиц следует рассматривать не только как основу для аккумуляции сведений о национально-культурных особенностях речевого общения носителей языка, но и как условие для обеспечения эффективной коммуникации обучаемых, совершенствования репродуктивных (чтение и аудирование) и продуктивных (письмо, говорение) навыков и умений.

Социокультурный компонент языкового материала неоднороден, поскольку включает такие явления, как:

1) русский речевой этикет как совокупность правил речевого поведения в среде носителей языка (способы социокультурного поведения и формулы речевого этикета); речевой этикет с точки зрения теории речевых актов (Н. И. Формановская [1]);

2) национально-культурная семантика русского слова (безэквивалентная и «фоновая» лексика);

3) национально-культурная семантика прецедентных текстов (Ю. Н. Караулов [2]);

4) текст как объект лингвокультурологии с учетом разных подходов (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров [3]); (В. В. Воробьев [4]) и культурологии.

Лингвометодическое содержание работы по формированию социокультурной компетентности обучаемых заключается как в целенаправленном отборе необходимых языковых единиц, так и в последовательной интерпретации их плана содержания, выявлении связей с языковой картиной мира носителей языка, его материальной или духовной культурой, менталитетом, сложившимися традициями.

В статье рассмотрим некоторые аспекты формирования социокультурных компетенций на основе интерпретации семантических и формально-грамматических особенностей русских фразеологизмов и пословиц с компонентами «Бог» и «Дьявол». Данная тема приобретает особую актуальность, поскольку сегодня представители иных мировых религий и конфессий, отличных от христианства, граждане Китая, Индии, Ирана, Ливана, Иордании и др. активно изучают русский язык как иностранный. Представители иных лингвокультур, приобщаясь к русскому языку и культуре, неизбежно как в письменных текстах, так и в устной речи встречаются с большим количеством контекстов, в которых реализуются религиозные концепты православного мироздания — концепты-мифологемы, отображающие реалии «духовного космоса» православия: «Грех», «Святость», «Смирение», «Царство Небесное», «Страсти и добродетели» и др. — и концепты «Бог», «Дьявол» и др., выражающие представления православного вероучения о Боге, мире и человеке.

В связи с этим актуально обратиться к отдельным аспектам отражения религиозного сознания в русской языковой картине мира. Религиозная картина мира является неотъемлемым компонентом русской языковой картины мира. Тысячелетняя христианская традиция вероисповедания на Руси, культ книжной культуры, широкое бытование разноплановых конфессиональных жанров (Библия, молитвы, Жития святых др.) обусловили то, что содержание религиозного мировоззрения прочно закрепилось в национальном языке и отразилось в его лексике и фразеологии. Языковые единицы библейского происхождения:

слова — *грех, аспид; святилище; фразеологизмы* — *геенна огненная, святая святых; бесплодная смоковница; бояться как чёрт ладана; паремии* — *Седина в бороду (в голову), (а) бес (черт) в ребро; Чем черт не шутит, (пока Бог спит); От черта крестом, от свиньи пестом, а от лихого человека ничем* репрезентируют когнитивные стереотипы, свойственные мировоззрению нации. По мнению Ю. С. Степанова, описание концептов как «духовных ценностей имеет твердое основание. А именно буквальный смысл обычая, представления, верования, термина, слова» [5, с. 55].

На протяжении множества столетий Библия являлась источником пополнения лексического и фразеологического фонда многих языков. Исследователи отмечают, что количественный состав библейских слов и выражений русского языка с учетом их кодификации в специальных словарях и справочниках значительно превосходит состав аналогичных корпусов некоторых европейских и славянских языков [6]. Так, библеизмы составляют не менее 20 % фонда крылатых слов русского языка [7].

Одним из важных этапов в раскрытии национально-культурной семантики материала является представление специфичной лексики, используемой для обозначения ключевых понятий христианства. В религиозных представлениях «Бог» рассматривается как «высшее сверхъестественное существо, верховный предмет религиозного культа» [8, с. 63]. Безусловно, что в активный словарь учащихся должны быть включены не только слова-доминанты, но и синонимы, используемые для обозначения концептуальных сущностей. Студенту-иностранцу важно понимать, насколько слова-концепты могут быть разнообразно представлены на лексическом уровне и насколько протяженными могут быть для них синонимические ряды, например: «**Бог**» — *Господь, Отец, Царь Небесный, Творец, Создатель, Вседержитель, Всевышний, Всемогущий, Создатель Вселенной, Вышний, Спас, Небожитель, Верховное существо; «Дьявол»* — *черт, сатана, бес, Антихрист, Воланд, Люцифер, Мефистофель, Падший ангел, Вельзевул, злой дух, нечистая (темная, черная) сила.*

Во множестве русских фразеологизмов и паремий вербализуются такие константы религиозной картины мира, как : «Бог» (Господь) — это справедливое и доброе начало, несущее свет и святость, безгрешную жизнь, например: *Бог миловал (помиловал); Бог дал (подал); Один Бог святой знает* и др.; «Дьявол» (*черт, сатана, бес*) — злое, темное начало, ведущее все человечество и любого человека к греху, бедам, преступлениям и др., например: *бес попутал, тянуться как черт за душой, продать душу дьяволу, черти носят (кого-либо)* и др.

Обучая русскому языку как иностранному, преподавателю следует ознакомить учащихся с ключевыми смыслами, возникающими при употреблении слов *Бог (Господь)* и *дьявол (черт, сатана, бес)*, как и с типичными функциями и речевыми ситуациями, в которых данные смыслы реализуются. Обратим внимание на смыслы, которые могут быть представлены в контекстах, используемых для обучения иностранцев.

Так, «Бог» предстает как:

– субъект действия, например: *Бог любит всех (сырых, убогих); Бог живет (где-либо), Бог видит (несправедливость)* и др., *Бог послал; Бог сирот любит, да доли не дает; Любящих и Бог любит; Кто кого обидит, того Бог ненавидит; Бог любит веру (правду), а деньги счет; Бог любит смирение;*

– созидатель, творец, например: *Бог уродит, так и счастьем наделит; Из ничего один только Бог свет создал; Бог дал два уха, а один язык; Дал бог руки, а веревки сам вей;*

– источник мудрости и справедливости, например: *Бог вымочит, Бог и высушит; За прощенную вину и Бог не мучит; На зло молящего, Бог не слушает;*

– «высший судия», который способен наказывать и прощать человека, например: *Мир один Бог судит; Дважды и Бог за одну вину не карает; Милует Бог и на своей стороне; В первой вине и Бог прощает; Кого Бог хочет наказать, у того отнимает разум; Бог долго ждет, да больно бьет; Бог не Антошка, видит немножко;*

– источник, наделенный безграничной властью, например: *Бог дает власть, кому захочет; Бог накажет, никто не укажет; Он его бранит, а Бог его хранит; Никто не может, так Бог поможет; За сирого да вдового Бог на страже стоит;*

– «всевидящий, всё слышащий, наблюдающий за всеми», например: *Один только Бог видит (слышит) нас; Как ни молись, Бог все услышит; Бог и слышит, да не скоро скажет; Бог видит все, соседи — еще больше; Где народ увидит, там и Бог услышит* и др.

«Дьявол» же — антипод «Бога» — обычно предстает в народном сознании как воплощение и источник:

– лжи, неправды, заблуждений, проступков и преступлений, например: *бес вселился; черт дернул за язык;*

– суеты, беспокойства, чрезмерной энергии, например: *крутится (вертеться), точно черти на сковородке поджаривают; черти носят;*

– отрицательных качеств и проявлений человека (чрезмерная любовь к деньгам, лень и др.), например: *желтый дьявол; беситься с жиру;*

– негатива, например: рус. бесовское зелье; адвокат дьявола;

– ловец человеческих душ, например: *дьявольская сила; предаться сатане; стоять как черт над душой; тянуться как черт за душой.*

Фразеологизмы и пословицы с компонентом «Дьявол» и его синонимами используются для характеристики:

– внешнего вида человека, например: *лысый черт; на лице черт в свайку играл; черт (тебя) надевал;*

– особенностей характера человека: с использованием устойчивых сравнений, например: *злой как дьявол; хитрый как дьявол; ловкий (проворный) как дьявол* и метафорических выражений, например: *сам черт ему не брат`смелый, отчаянный`; в тихом омуте черти водятся`скрытный, непредсказуемый`; характер (натура) как у дьявола`злой, жестокий, коварный`.*

Помимо прочего, фразеологизмы, включающие названные компоненты, могут:

– обозначать количество: *чёртова гибель, чёртова дюжина;*

– выразить реакцию на слова, события или действия собеседника, например: *к чёртовой бабушке!»; ко всем чертям собачьим!* Здесь библейская лексика используется для выражения эмоциональных реакций говорящего на людей, предметы, любые события.

Во многих фразеологизмах и паремиях русского языка закрепилось представление о том, что сверхъестественные силы способны оказать влияние на жизнь человека. Этот фактор определяет некоторые семантико-грамматические особенности структур с компонентами *Бог (Господь)* и *дьявол (черт, сатана, бес)*. Как правило, источником семантико-грамматических отношений являются: акциональные глаголы (*даёт, помогает, спасает, избавляет, бережет, оставляет, располагает*) и др.; модальные глаголы (*желает, хочет, может*) и др.; глаголы чувства (*любит, жалеет, слышит, видит, внемлет*) и др. Очевидно и то, что могут быть реализованы разные типы связей, как свободные (например, *служить Богу, радовать Бога, тешить беса, послать черта, злить черта, досадить дьяволу, слушать дьявола, угодить черту, кланяться черту, служить дьяволу*), так и несвободные (синтаксически обусловленные) (например, *проскочить бесом, пройтись бесом, вертеться бесом, связался с чертом* и др.).

Таким образом, экспликация культурного компонента важна для того, чтобы инофоны овладели социокультурным знанием, осознанно усвоили совокупность «фоновой», безэквивалентной, коннотативной лексики, понимали смысл культурно маркированных компонентов и уместно употребляли в речи такой языковой материал, как:

1) формулы речевого этикета, в которых используются слова «Бог» и «Господь», знали правила их употребления, принятые в русском социуме для

создания речевого контакта и поддержания общения в эмоционально положительной тональности в соответствии с речевой ситуацией: **формулы приветствия**, например: *Помогай Бог; Помоги Боже; Привел Господь (Бог) свидеться; Сам Бог Вас послал!*; *Первый поклон Богу, второй — хозяину с хозяйкой, третий — всем добрым людям*; или же **формулы обращения, привлечения внимания**, например: *Как вас Бог (Господь) милует?; Кого Бог (Господь) несет?; Кого Бог (Господь) дарует?* и др.;

2) устойчивые формулы, используемые в живой русской речи в целях: **оценки ситуации**, например: *У Бога дней много, (да не все наши); Все от Бога; Все под одним Богом ходим, (хоть и не в одного веруем); Не так страшен черт, как его малюют*; **характеристики физических, нравственных, моральных качеств человека**, например: *хитер (умен, упрям) как дьявол (бес, черт); злой как черт*; **действий или состояний**, например: *бояться как черт ладана; вцепиться как черт в грешную душу; править как черт болотом; работать как черт; тянуться как черт за душой* и др.;

3) эмотивные (междометные) конструкции, служащие в коммуникации для выражения (позитивных или негативных) чувств, например: *с Богом, Бог в помощь, пути Господни неисповедимы; Дивны (чудны) дела твои, Господи!; За каким дьяволом?; Какого беса?; Чёрт знает что!*; ответные реплики, благодарственные восклицания в ответ на вопрос о здоровье, например: *Слава Богу, благодаря Богу* и др.

1. Формановская Н. И. Культура общения и речевого поведения. 2-е изд., доп. и испр. М. : ИКАР, 2010. 237 с. [Вернуться к статье](#)

2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 261 с. [Вернуться к статье](#)

3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Русский язык, 1990. 246 с. [Вернуться к статье](#)

4. Воробьев В. В. Лингвокультурология. М. : РУДН, 2008. 336 с. [Вернуться к статье](#)

5. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академ. проект, 2001. 990 с. [Вернуться к статье](#)

6. Мокиенко В. М. Библизмы в европейской фразеологии и паремиологии // Славянская фразеология и Библия : коллектив. монография ; ред. Н. Walter [и др.]. Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2013. С. 144–152. [Вернуться к статье](#)

7. Шулешкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М. : Азбуковник, 2001. 288 с. [Вернуться к статье](#)

8. Токарев С. А. Бог // Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев [и др.]. 2-е изд. М., 1989. С. 63. [Вернуться к статье](#)

S. F. Dominikova

The formation of socio-cultural competences in the process of teaching russian as a foreign language (on the material of culturally-marked phraseology)

This article analyses the features of the reflection of the linguistic (religious) picture of the world in Russian phraseological material within the linguocultural approach. Phraseologisms and proverbs with the components “God” and “Devil” are interpreted “from the facts of the language to the facts of culture”. The set of ideas about culturally labelled idioms is considered as an obligatory element in the process of teaching Russian as a foreign language and a factor in the formation of socio-cultural competence, that is the ability to choose a language tool (word, idiom, proverb) based on the knowledge of the socio-cultural context of native speakers.

УДК 351.74

В. В. Журов

*командир отделения роты ППСМ
Октябрьского РОВД г. Могилева (Беларусь)*

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СОТРУДНИКА ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ МИЛИЦИИ КАК СРЕДСТВО ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ГРАЖДАНАМИ

В статье дается характеристика понятий «компетентность», «коммуникативная компетентность», определяются структурные компоненты коммуникативной компетентности как средства эффективного взаимодействия сотрудника патрульно-постовой службы милиции с гражданами.

В современной социокультурной ситуации актуальным становится обращение к проблеме поиска путей повышения уровня коммуникативной компетентности сотрудников системы органов внутренних дел по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Это обусловлено гуманным и личностно ориентированным подходом к работе с гражданами различных категорий.

Вышесказанное также отражается в Инструкции «О порядке организации деятельности органов внутренних дел по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности», где в пункте 148 указывается, что «при разговоре с гражданами сотрудники обязаны проявлять спокойствие, выдержку и рассудительность, не должны вступать в пререкания, терять самообладание, отвечать грубостью на грубость и в своих действиях руководствоваться личными неприязненными чувствами».

На наш взгляд, необходимо обратиться к анализу ключевой категории статьи для понимания важности развития всех компонентов коммуникативной компетентности в профессиональном росте и развитии сотрудника патрульно-постовой службы милиции (далее — ППСМ).

Следует отметить, что «коммуникативная компетентность рассматривается как многоаспектное понятие, внутренняя система ресурсов, необходимых для построения эффективной коммуникации в определенном круге ситуаций личностного взаимодействия», «в коммуникативной компетентности можно выделить три составляющие: точность (правильность) восприятия других лю-

дей, развитость невербальных средств общения, владение устной и письменной речью» [1].

Психологи отмечают, что «коммуникативная компетентность — это психологическая характеристика человека как личности, которая проявляется в его общении с людьми, способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с людьми, которая включает: способность брать на себя и исполнять различные социальные роли, адаптироваться в социальных группах и ситуациях, свободно владеть вербальными и невербальными средствами общения, способность человека организовывать и управлять межличностным пространством в процессе инициативного и активного общения с людьми, осознание человеком своих ценностных ориентаций, потребностей, техники работы с людьми, их чувствами, психологическими состояниями» [1].

Как видим, коммуникативная компетентность является интегративной дефиницией, включающей в себя способы формирования и формулирования системы грамматических форм и межличностного взаимодействия с учетом социокультурных условий общения.

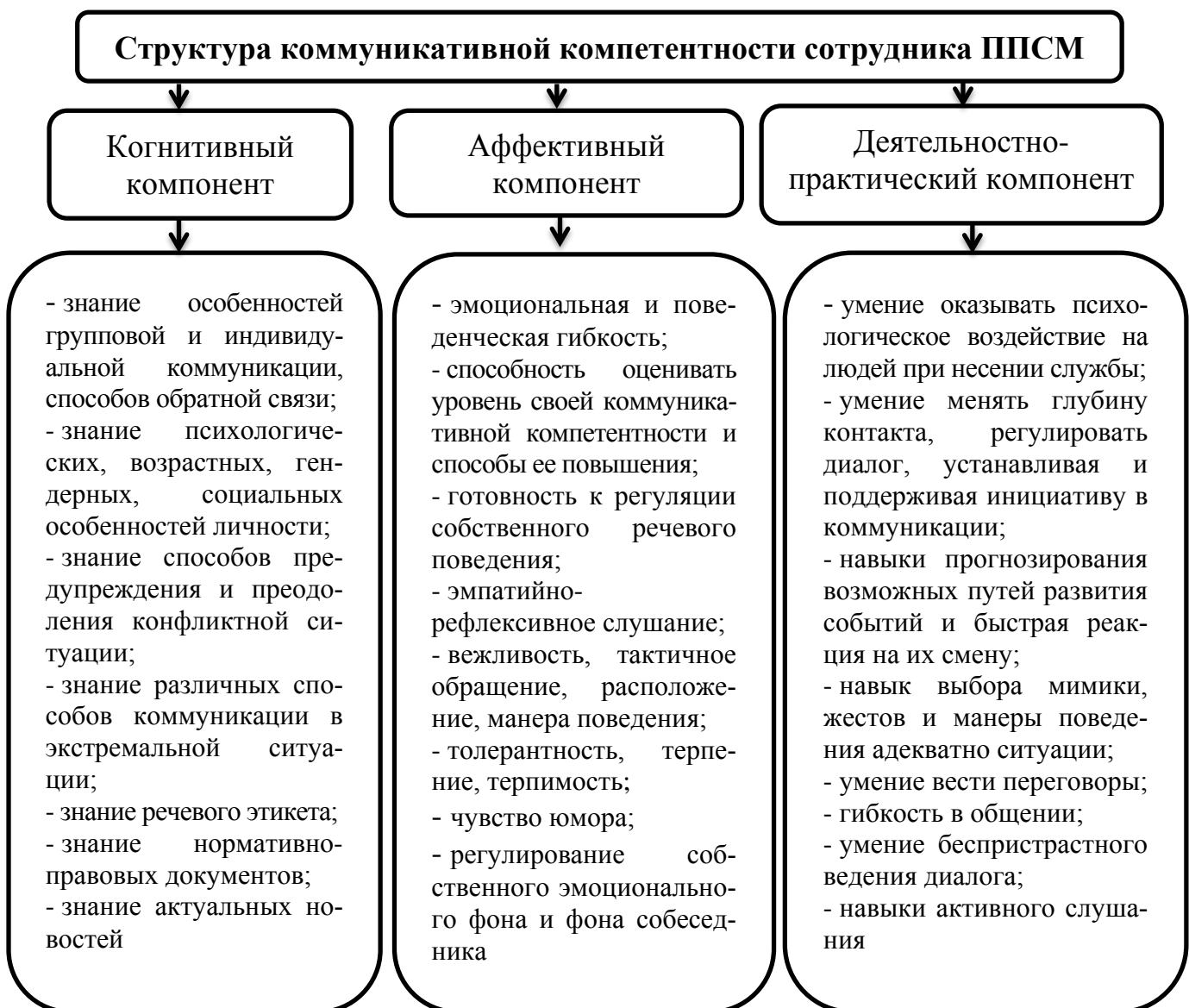
Особенность профессиональной деятельности ППСМ связана с характером общения с определенным контингентом, чьи установки зачастую отличаются делинквентной, аддиктивной и девиантной направленностью, низким уровнем управляемости, враждебным настроением, латентной или явной агрессивностью. Также отметим, что, выполняя свои непосредственные обязанности, сотрудник ППСМ взаимодействует с должностными лицами различного ранга, где необходимо быстро реагировать на смену событий, адаптировать информацию в соответствии с ситуацией, налаживать коммуникацию как внутри, так и вне системы. Это еще раз подчеркивает, что наличие коммуникативной компетентности позволит сотруднику ППСМ более качественно выстраивать общение с различными категориями и будет способствовать эффективности профессиональной деятельности.

На наш взгляд, в контексте выполнения профессиональных функций сотрудника ППСМ существенное значение имеют следующие характеристики коммуникативной компетентности:

- умение грамотного построения речевых высказываний;
- способность доносить мысль до слушателя доступным для него языком;
- умение выстраивать диалог с использованием вербальных и невербальных методов;
- навыки предугадывания реакции собеседника на то или иное высказывание;
- выработка поведенческих паттернов;

- способность эмпатийного слушания и эмоционального отклика на информацию, которую сообщает собеседник;
- умение активного слушания собеседника;
- навыки быстрого реагирования на критическую ситуацию.

Логика изложения материала в статье требует охарактеризовать коммуникативную компетентность как интегративное коммуникативное свойство личности с точки зрения ее структурных компонентов, таких как когнитивный, аффективный и деятельностно-практический. Остановимся на структуре коммуникативной компетентности сотрудника ППСМ, которая представлена на рисунке.

Таким образом, коммуникативная компетентность сотрудника ППСМ аккумулирует в себе умения вступать в контакт с различными категориями граждан, учитывая при этом особенности собеседника, умения поддерживать кон-

такт, помня и соблюдая нормы и правила ведения дискуссии в соответствии с состоянием гражданина, проявлять уважительное и безоценочное отношение к собеседнику, аргументированно высказывать свое мнение с опорой на нормативные правовые документы, изменять по необходимости речевое поведение, оценивая успешность ситуации общения, и корректно завершать коммуникацию.

1. Понятие коммуникативной компетентности [Электронный ресурс] / URL: <https://forpsy.ru/works/uchebnoe/ponyatie-kommunikativnaya-kompetentnost/> (дата обращения: 16.03.2020). [Вернуться к статье](#)

V. V. Zhurau

Communicative competence of a police patrol officer as a means of effective interaction with citizens

As a result, the communicative competence of the PPSM employee accumulates the ability to make contact with various categories of citizens, taking into account the characteristics of the interlocutor, maintaining contact, remembering and observing the norms and rules of the discussion in accordance with the current state of the citizen, and showing respectful and invaluable attitude to the interlocutor, reasonably express their opinion based on regulatory documents, change the speech behavior as necessary, evaluating the success of the situation and correctly complete the communication.

УДК 811.111-26

Е. Е. Иванов

*преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД (Беларусь)*

А. В. Перунова

*преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД (Беларусь)*

ВИДЫ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ

В данной статье рассмотрены основные подходы к классификации метафор по функциональному, структурному и семантическому признакам. Проанализированы метафорические модели экономического дискурса на материале британской прессы. Выделены тематические группы таких моделей. Описаны функции метафор, принадлежащих тематическим группам, в экономическом дискурсе.

Экономика — это та область знаний современника о мире, где особенно отчетливо проявляются базовые интересы социума и этноса, где заметны изменения в общественном сознании, ментальности носителя языка, где имеет место активная языковая динамика. Все явления и процессы находят отражение в лексике и синтаксических структурах, которые становятся предметом научного исследования. Индикаторами языковых тенденций являются различные массовые (печатные и электронные) периодические издания — средства массовой информации. СМИ в настоящее время также служат основным инструментом популяризации экономического знания.

Тексты на экономическую тематику в публицистике представляют собой сложный феномен, где важное место отводится стилистическим приемам, служащим для создания экспрессивности текста. Ведь такие приемы не только выражают позицию автора и социума по отношению к экономическим реалиям, но и формируют прагматику текста. Нередким стилистическим приемом в экономическом дискурсе газетных статей является метафора.

В современной лингвистике фокус при изучении метафоры сместился с литературно-языкового на когнитивный и концептуальный аспекты, поскольку при таком подходе метафора может выступать в качестве инструмента для понимания основ мышления и его образности.

Согласно словарю лингвистических терминов, под метафорой понимается «перенос названия с одного предмета (явления, действия, признака) на другой на основе их сходства» [1]. Существуют различные способы классификации

метафор. В качестве устоявшихся подходов к классификации следует выделить следующие:

1. Функциональную классификацию Н. Д. Арутюновой, согласно которой метафоры разделяются на четыре основных типа (номинативный, образный, когнитивный и генерализующий) в зависимости от цели, с которой метафора была употреблена.

2. Когнитивную классификацию Дж. Лакоффа и М. Джонсон, где основой для выделения типов служит критерий взаимодействия с окружающей действительностью.

3. Классификацию В. П. Москвина, которая является универсальной и строится на функциональности, структуре и семантике метафоры.

В семантическом аспекте классификация может быть проведена на основе выделения метафор по принадлежности их субъекта к определенной тематике. В этом случае вводится понятие «мотивационная система», под которым понимается ряд разнородных по значению переносных наименований, относящихся к одной тематической сфере. Вычлняются следующие системы — анималистическая (зооморфная) метафора (основой для сравнения здесь выступает тема животного мира); антропоморфная (антропоцентрическая) метафора, в которой объект сопоставляется с человеком; пространственная метафора, в которой отслеживаются аналогии с пространственно-временными элементами [2, с. 214].

Таким образом, образование и функционирование метафор семантически можно описать набором метафорических моделей. Метафорическая модель — это существующее в сознании носителей языка типовое соотношение семантики находящихся в отношениях непосредственной мотивации первичных и вторичных значений, являющееся образцом для возникновения новых вторичных значений [3, с. 28].

При выделении и описании метафорических моделей учитываются не только собственно метафоры, но и метонимические переносы, синекдоха, сравнительные конструкции, что связано с их общностью в дискурсе [4, с. 6].

В данной статье мы возьмем за основу для классификации четыре основных типа моделей, предложенных А. П. Чудиновым, — антропоморфную, природоморфную, социоморфную и артефактную. Данные типы моделей можно представить следующим образом: «Человек как центр мироздания», «Человек и природа», «Человек и общество», «Человек и результаты его труда» [5, с. 35–36].

При анализе статей в британской прессе стало возможным выделить наиболее частые разновидности каждой из представленных выше моделей.

Так, в антропоморфной модели широко представлены метафоры, относящиеся к тематической группе «Здоровье». Такие метафоры используются для описания особенностей экономического развития и состояния рынков, отраслей и отдельных субъектов экономической деятельности и чаще всего указывают на определенные проблемы в экономике (*Foreign subsidiaries are proving a headache for big Spanish banks; Radical cures for unusual economic illnesses, The economy is undergoing a metaphorical form of anorexia*).

Метафоры в тематической группе «Анатомия» используются как способ представления экономических процессов и явлений по аналогии с частями человеческого тела. Например, *Exports are the lifeblood of Taiwan's economy, accounting for nearly three-quarters of its output; The economy is taking you by the tip of your head and pulling you up; The seventh-largest economy in the world, the 12th — largest source of greenhouse gas, will put its muscle behind an initiative to fight the effect of climate change*.

Часто встречаются метафоры, связанные с физиологией человека, что позволяет выделить в антропоморфной модели такую тематическую группу, как «Физиологические процессы». Метафоры данной группы служат для упрощения восприятия сложных экономических процессов читателем: *Mr Gross is right that narrower spreads are eating into the returns of some investors; Yields on sovereign bonds have fallen and the euro has weakened; The European Central Bank is trying to reanimate the economy*.

Природоморфная модель метафоры представлена в статьях не так широко, как антропоморфная, что объясняется антропоцентричной природой мышления человека. Однако она имеет специфические сферы употребления. Выделяются две наиболее встречающиеся тематические группы — «Животный мир» и «Неживая природа».

Метафоры первой группы чаще встречаются при описании биржевой и финансовой сфер экономики и служат для описания действий и поведения игроков рынка на основании сходства с поведением животных. Например, *In essence the pair thought they could survive only by moving like sharks; This week a report showing a slump in China's exports and imports in November was read differently by bulls and bears; The problem might be collective group think; people tend to express their pessimism or optimism relative to the herd*.

Тематическая группа «Неживая природа» используется для сравнения экономики с природными явлениями (But the Turkish economy, a “rising star” under Mr Erdogan since the collapse of 2001, has been in free fall for weeks; Markets are in intensive care by a tsunami) и отображения изменений состояния экономики и рынков посредством сравнения с процессами в неживой природе: He said

having the plans at your fingertips would be especially empowering if the New York City real estate market heated up and buyers felt pressure to speed up due diligence before a competing buyer closed the deal; Hedge funds and private equity funds are still offering backing for deals, believing that the real estate market will warm up again this year.

При анализе социоморфной модели метафоры были выделены тематические группы «Война» и «Спорт». Данные группы имеют схожую семантику и подчеркивают высокую конкуренцию и противостояние в экономической сфере. Так, в тематической группе «Война» метафоры служат для описания ценовой политики, борьбы государств и отдельных экономических субъектов за рынки сбыта и потребителей (*Countries such as India and other booming economies should be embraced by Britain as trading partners as a means to increasing global wealth; Might in fact be struggling strains credibility and will hardly prompt sympathy from those sectors of the economy limping along at much more growth rates*). В случае же сравнения экономики и спорта метафора используется для отображения достижений как отрасли в целом, так и отдельных субъектов хозяйствования. Стоит отметить, что достижения могут быть как позитивными, так и носить негативный характер. Например, *Because if the economy goes down the chute, there's not an awful lot left, is there?; One of the Wall Street's leading financial houses yesterday switched its attention from gold shares and the dollar to which emerging economy has the best chance of lifting the trophy in Berlin on July 9.*

Артефактная модель метафоры представлена наименьшим количеством случаев употребления. Преобладающая тематическая группа в ней — это «Дом и предметы общего пользования». Данная модель, как правило, используется для облегчения восприятия специальных терминов и сложных экономических процессов читателем: *In spite of the confusion, the ECB has kept the helm straight. There will be oxygen but recovery is still far away; Mattresses do not charge for storing notes; the British economy should take over the mantle of a — Goldilocks economy from the US; Bank's balance sheets are clogged with toxic junk.*

Таким образом, можно выделить преобладающие метафорические модели представленной классификации в экономическом дискурсе британской прессы. Основной метафорической моделью является антропоморфная, что может быть объяснено антропоцентричностью мышления.

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2010. 576 с. [Вернуться к статье](#)

2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем ; пер. с англ. ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с. [Вернуться к статье](#)

3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 213 с. [Вернуться к статье](#)

4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М. : Флинта ; Наука, 2008. 236 с. [Вернуться к статье](#)

5. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с. [Вернуться к статье](#)

E. E. Ivanov, A. V. Perunova

Types of metaphoric models in economic discourse on the material of the British press

This article discusses the main approaches to the classification of metaphors according to functional, structural and semantic features. The metaphorical models of economic discourse based on the material of the British press are analyzed. Thematic groups of such models are highlighted. The functions of metaphors belonging to thematic groups in economic discourse are described.

УДК 81'42:070

В. Н. Каленич

*доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью
Винницкого государственного педагогического университета
имени Михаила Коцюбинского,
кандидат филологических наук, доцент (Украина)*

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ЗАГОЛОВКАХ МЕДИАТЕКСТОВ

В статье рассмотрены особенности выражения интертекстуальности и ее роль в заголовках современных медиатекстов (на материале газетных публикаций информационно-аналитического еженедельника «Зеркало недели»). Основными «интертекстуальными приемами» являются цитаты, аллюзии. В роли заголовков используются пословицы и поговорки, крылатые выражения, названия и цитаты из литературных произведений и кинофильмов, имена их персонажей и др. Анализ языкового материала показал, что чаще всего такие языковые средства входят в заголовок в трансформированном виде, при этом изменениям подвержена структура или семантика исходного выражения.

Коммуникативная компетентность современного журналиста, публициста является одним из показателей профессионального мастерства. Поиск новых форм презентации массовой информации, авторская индивидуальность журналиста, стремление к оригинальному оформлению медиатекстов для привлечения внимания аудитории и достижения определенного коммуникативно-прагматического эффекта всегда актуальны в журналистском творчестве. И. Новосельцева подчеркивает: «Наиболее ярко “языковая раскрепощенность” журналиста проявляется в заголовке — индексальном знаке, который занимает в структуре публикации самую сильную позицию, выступая репрезентантом текста, средством привлечения внимания читателя и воздействия на него» [1, с. 364].

Творческий процесс связан с поиском эффективных экспрессивных средств, которые бы не только заинтересовали читателя, но и активизировали его познавательный потенциал, привлекали к совместному осмыслению бытия. Одним из таких приемов является использование в журналистских произведениях фрагментов текстов, известных выражений, символов и т. д., которые создают определенные имплицитные контексты, кодируя информацию, порождая двуплановость или многоплановость, способствуют разнообразию стилистики медиатекстов; они апеллируют к исторической памяти и языковой компетент-

ности личности. Язык массовой коммуникации ориентирован на массовое сознание.

Активное использование средств интертекстуальности на страницах периодических изданий обусловило интерес исследователей, поэтому сейчас происходит активизация исследований интертекста не только в художественной литературе, но и в медиадискурсе. Вопросы связей текста с другими текстами или их элементами исследовали М. Бахтин, Ю. Кристева, Р. Барт, Ж. Женетт, Р. Якобсон, И. Арнольд, Ю. Лотман, В. Ивченков, С. Зеленко, Н. Кузьмина, Н. Фатеева, Н. Зражевская, Т. Иванюха, Т. Космеда, Е. Рябинина и др.

Ученые разносторонне подходят к изучению этого явления, по-разному его трактуют, рассматривают функции, роль, стилистическое назначение, выясняют источники интертекстом в массмедиа. Исследуя интертекст в публицистической речи, С. Зеленко констатирует: «Уживанне інтэртэксту ў якасці загалюўка і падзагалюўка медыятэксту і іншых структурна-кампазіцыйных адзінак на сёння застаецца даволі распаўсюджанай з'явай у рознафарматных друкаваных сродках масавай інфармацыі» [2, с. 71]. По мнению ученого, интертекстуальные модификации прецедентного текста в газетном заголовке могут стать показателем своеобразной манеры письма современного журналиста.

Особое значение имеет работа над заголовками в процессе подготовки будущих журналистов: это один из важных аспектов в методике журналистского творчества и в журналистском мастерстве, который тесно связан с формированием языковой компетентности личности и профессионала. Анализ функционирования интертекстов в языке СМИ открывает возможности для изучения особенностей общественного сознания, отраженного в языке прессы, а также выявления механизмов воздействия на реципиента посредством таких единиц.

Цель статьи — выяснить особенности выражения интертекстуальности и ее роль в заголовках современных медиатекстов (на материале газетных публикаций информационно-аналитического еженедельника «Зеркало недели. Украина» за 2018–2019 гг.).

Р. Барт утверждает, что каждый текст «является интертекстом: другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры», «каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат», «обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. — все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [3, с. 512].

Специфическую текстообразующую роль играют интертекстуальные приемы в современном медиадискурсе. Привлечение интертекстов в журна-

листных произведениях активизирует читательское восприятие и способствует конденсации авторской мысли. Основными интертекстуальными средствами в медиатекстах являются цитаты, реминисценции и аллюзии, которые являются удачными приемами миграции известных сюжетов, событий, лиц, выражений в контексте журналистских материалов [4]. Различные приемы интертекстуальности содержательно обогащают основную текстовую информацию, служат для иллюстрации, аргументации, подтверждения определенной мысли, создают ассоциативные связи с уже известными текстами, подчеркивают авторскую позицию, расширяют кругозор читателя, стимулируют к размышлениям, апеллируя к историческим, литературным, культурологическим знаниям адресата.

Как известно, заголовок — это композиционный элемент медиатекста, который лаконично, четко, конкретно и концентрированно отражает тему, главную идею статьи или замысел адресанта. Газетные заголовки, функционируя в медиадискурсе, имеют прагматическую установку (запрограммированы оказать влияние на адресата). Наряду с традиционными способами в прессе используются также интертекстуальные приемы оформления заголовков для создания эмоционально-экспрессивного социокоммуникативного эффекта.

Цитация как проявление интертекстуальности — использование в тексте фрагмента другого текста, выражения для иллюстрации, аргументации, подтверждения определенного мнения с соблюдением особенностей чужого высказывания (афоризмы, пословицы, поговорки, крылатые слова и т. д.). В заголовках газеты «Зеркало недели» это достаточно продуктивный интертекстуальный прием.

Народные пословицы и поговорки используются в качестве заголовков публикаций: «*По одежке протягивай ножки*» (ЗН. 2018. № 35. С. 1); «*Хоть плюй в глаза — им Божья роса*» (ЗН. 2018. № 34. С. 3); «*Что посеешь, то и пожнешь*» (ЗН. 2019. № 34. С. 13); «*Каковы соседи — такова и беседа*» (ЗН. 2019. № 50. С. 8). Иногда они бывают усеченными: «*...На то и напоролись*» (ЗН. 2019. № 45. С. 12); «*Бедные, потому что...*» (ЗН. 2019. № 39. С.10). Фольклорная основа делает заголовки эмоциональными, глубокими, компактными и близкими читателю. Как интертекстуальные маркеры такие высказывания из народного творчества отличаются эмоционально-экспрессивными оттенками, но в контексте публикации обостряют проблему с различным стилистическим эффектом (шутки, иронии, сарказма, интриги и т. д.).

Цитатные выражения в заголовках бывают различного происхождения: «*Леопард не менует своѣх пятен*» (ЗН. 2019. № 48. С. 6) — английская пословица; «*Не оскудеет рука дающего*» (ЗН. 2019. № 8. С. 13) — библейское выражение; «*Что в имени тебе моем?*» (ЗН. 2019. № 2. С. 4) — поэзия А. Пушкина;

«Квартирный вопрос испортил их» (ЗН. 2018. № 47. С. 1) — цитата из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Такие языковые средства могут быть частью газетных заголовков: «Золотое правило земельной реформы: семь раз отмерить, а один раз отрезать!» (ЗН. 2018. № 20. С. 8); «Для тех, кто “в танке” — 2: между Сциллой и Харибдой» (ЗН. 2019. № 13. С. 1–2); «Газовый транзит: что год грядущий нам готовит?» (ЗН. 2019. № 20. С. 8) (выражение «Что день грядущий мне готовит?» из романа А. Пушкина «Евгений Онегин»).

Особый коммуникативно-прагматический потенциал имеют заголовки, в которых используются трансформированные устойчивые выражения, отличающиеся не только экспрессией, но и своеобразным информационным кодом к медиатексту, к его основной идее: «Скажи мне, на что ты тратишь свои миллионы, и я скажу, кто ты» (ЗН. 2019. № 33. С. 1); «Не откладывай на завтра то, что уже вчера отложил на сегодня» (ЗН. 2019. № 28. С. 13); «Запрягли медленно, а как поедет?» (ЗН. 2019. № 37. С. 1); «Земельный рубикон перейден» (ЗН. 2019. № 43–44. С. 7).

Такие метаморфозы проявляются в замене или добавлении компонентов известных выражений: «Незнание законов не освобождает от реформы» (ЗН. 2019. № 29. С. 13) — ср. *Незнание законов не освобождает от ответственности*; «ГТС слезами не поможешь» (ЗН. 2019. № 41. С. 9) — ср. *Слезами горю не поможешь*; «Дьявол — в формуле» (ЗН. 2019. № 37. С. 1) — ср. *Дьявол кроется в деталях*; «С миру по сотке — жуликам гектары» (ЗН. 2019. № 2. С. 9) — ср. *С миру по нитке — голому рубашка*; «Утром — кресло, вечером — протесты» (ЗН. 2019. № 25. С. 1) — ср. *Утром — деньги, вечером — стулья* (из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»).

Видоизменить смысловой оттенок заголовка может и вопросительность выражения: «Старый враг лучше новых двух?» (ЗН. 2018. № 42. С. 4) — ср. *Старый друг лучше новых двух* (поговорка); «Не так страшен бипатрид, как его малюют?» (ЗН. 2019. № 40. С. 1) — ср. *Не так страшен черт, как его малюют* (поговорка); «Не хлеба, а зрелищ?» (ЗН. 2019. № 41 С. 10) — ср. *Хлеба и зрелищ* (выражение Ювенала); «Один за всех и все за одного?» (ЗН. 2019. № 2. С. 13) (из романа А. Дюма «Три мушкетера»); «Так не доставайся же ты никому?» (ЗН. 2019. № 37. С. 3) (из фильма Э. Рязанова «Жестокий романс»).

Более популярные в публицистическом дискурсе фразеологические выражения могут иметь в заголовках различные вариации. Например, латинская крылатая фраза «Бойтесь данайцев, дары приносящих» используется в заголовках: «Бойся китайцев, дары приносящих» (ЗН. 2018. № 32. С. 8); «Бойтесь данайцев, “дары” ... уносящих» (ЗН. 2019. № 32. С. 7); французское выражение

«Король умер. Да здравствует король!» трансформировано в названиях статей: «Судебная реформа умерла. Да здравствует судебная реформа?» (ЗН. 2018. № 8–9. С. 3); «Договор умер. Да здравствует договор!» (ЗН. 2019. № 5. С. 4).

Механизм действия всех интертекстуальных приемов одинаков: эксплицитный фрагмент или понятие в тексте и имплицитно связанные с ними ассоциации. Как автономные смысловые единицы они актуализируют важную для читателя информацию, апеллируя к его памяти, интеллекту, культуре, жизненному опыту.

Аллюзии как интертекстуальные приемы художественно-публицистической выразительности создают ассоциации за счет намека на достаточно известные исторические или литературные факты, события, фразы, персонажей других текстов в расчете на эрудицию читателя. Имея мощный познавательный потенциал, аллюзия вызывает в сознании читателя два контекста и две ситуации: ассоциативно отсылает к прототексту, откуда взят образ, и обогащает определенными коннотациями новый текст. Прием аппликации используют журналисты в заголовках-аллюзиях, которые отсылают читателя к заголовку известного произведения.

В заголовках газеты «Зеркало недели. Украина» достаточно редко функционируют оригинальные названия произведений: «Преступление и наказание» (ЗН. 2019. № 49. С. 11) — роман Ф. Достоевского «Преступление и наказание»; «Весь этот джаз» (ЗН. 2018. № 47. С. 9) — кинофильм Боба Фосса «Весь этот джаз» (All That Jazz). Паронимические вариации наблюдаются в заголовке: «Осень матриарха» (ЗН. 2019. № 36. С. 4) — ср. роман Г. Г. Маркеса «Осень патриарха».

В основном используются в роли заголовков трансформированные названия известных произведений, которые журналисты адаптируют к своим публикациям с разнообразными смысловыми аранжировками. Например, замена компонента в заголовке: «О сатрапе замолвите слово» (ЗН. 2018. № 44. С. 11) — художественный фильм Э. Рязанова «О бедном гусаре замолвите слово»; «Стойкий “оловянный” дипломат» (ЗН. 2019. № 40. С. 3) — сказка Х. К. Андерсена «Стойкий оловянный солдатик»; «Карточная будка» (ЗН. 2019. № 11. С. 1) — американский сериал «Карточный домик»; «В заливе особого внимания» ЗН. 2019. № 19. С. 5) — российский фильм А. Малюкова «В зоне особого внимания»; «Герои нашей экономики» (ЗН. 2019. № 8. С. 1) — роман М. Лермонтова «Герой нашего времени»; «Униженные и возмущенные» (ЗН. 2019. № 10. С. 1) — роман Ф. Достоевского «Униженные и оскорбленные».

Название литературного произведения или фильма входит в газетный заголовок: «*Молчание ягнят, или Правда об эмоциональном насилии*» (ЗН. 2018. № 48. С. 13) — американский триллер «Молчание ягнят»; «*Ликвидация пробелов или горе от ума?*» (ЗН. 2019. № 35. С. 13) — комедия А. Грибоедова «Горе от ума»; «*Это не 451° по Фаренгейту, но есть о чем задуматься*» (ЗН. 2019. № 10 С. 1) — роман Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту».

Особо популярные произведения, к которым обращаются журналисты, имеют вариации. Например, названия американских фильмов «Миссия невыполнима» и «Матрица: Перезагрузка» стали претекстами в газетных заголовках: «*Пристроить LPG: миссия невыполнима?*» (ЗН. 2019. № 38. С. 8); «*Восстановить доверие к прокуратуре: миссия выполняема*» (ЗН. 2019. № 50. С. 3); «*Совет Европы: перезагрузка*» (ЗН. 2019. № 18. С. 2); «*Украинский дом. Перегрузка*» (ЗН. 2019. № 47. С. 14). Интертекстуальная связь проявляется между заглавиями романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» и газетных статей: «*По ком звонит пенсионный колокол*» (ЗН. 2018. № 41. С. 7); «*По ком звонит Биг-Бен*» (ЗН. 2019. № 39. С. 1), — а также антиутопического сатирического романа О. Хаксли «О дивный новый мир»: «*Дивный новый экономический мир*» (ЗН. 2018. № 49. С. 9); «*Новый прозрачный мир*» (ЗН. 2019. № 29. С. 1).

Аллюзия может функционировать как средство создания качественных характеристик путем переноса черт мифологических, исторических, литературных персонажей на те, о которых говорится в медиатексте: «*Бизнес-образование: бал — не для нашей Золушки?*» (ЗН. 2019. № 33. С. 12) (героиня западноевропейской сказки «Золушка»); «*Большое свинство Наполеона*» (ЗН. 2019. № 38. С. 7) (свинья по кличке Наполеон в сатирической повести-притче Дж. Оруэлла «Скотный двор»); «*Острый глаз Большого Брата*» (ЗН. 2019. № 41. С. 12) (герой романа-антиутопии Дж. Оруэлла «1984»); «*Академическая мантия голого короля, или О фабриках диссертационного словоблудия*» (ЗН. 2019. № 45. с. 13) («Новое платье короля» — сказка Х. К. Андерсена).

Обращение к литературным текстам и фильмам является популярным приемом у журналистов при создании заголовков. Названия литературных произведений, кинофильмов, песен достаточно известны, а многие фразы стали крылатыми. Их смысл, и без того понятный и узнаваемый, создает дополнительную привлекательность подтекстовой информацией, рождающейся на пересечении нового и старого текстов; обеспечивает эмоциональную реакцию на газетный текст, а также повышает степень доверия к предлагаемой информации.

Наличие цитат в медиатекстах связано с их способностью активизировать интеллектуальный опыт адресата, поскольку цитата двупланова: она одновре-

менно отсылает к тексту и контексту известного источника и к содержанию того текста, в котором она приведена. Поэтому цитирование — один из приемов создания интертекстуальности. Аллюзия реализуется преимущественно при помощи слов или фраз, значение которых ассоциируется с определенным событием или лицом, является одним из примеров языковой игры, более рельефно отражает освещаемые проблемы, служа композиционными и ассоциативными параллелями между интертекстом и медиатекстом.

Таким образом, анализ медиатекстов показал, что основной функциональной особенностью интертекстуальности в заголовках является привлечение внимания к проблеме, выражение отношения, выделение ведущей мысли публикации. Языковая игра заголовков проявляется в экспрессивности, яркой выразительности, которые позволяют вовлечь читателя в более продуктивное знакомство с публикацией. Наиболее распространенные способы включения интертекстов в заголовки еженедельника «Зеркало недели» — это дословное воспроизведение цитат и названий произведений или трансформации их формы (усечение, добавление, замена компонентов), что служит рождению новых смыслов и экспрессии.

1. Новосельцева И. Лингвокреативность заголовков в газетно-публицистическом дискурсе // Журналістыка — 2018: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 20-й Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 15–16 ліст. 2018 г. / БДУ ; рэдкал.: В. М. Самусевіч (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2018. С. 364–367. [Вернуться к статье](#)

2. Зелянко С. В. Інтэртэкст у публіцыстычным маўленні ; навук. рэд. В. І. Іўчанкаў. Мінск : БДУ, 2012. 195 с. [Вернуться к статье](#)

3. Барт Р. Избранные труды. Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1978. 616 с. [Вернуться к статье](#)

4. Каленич В. Интертекстуальные приемы в газетных текстах // Журналістыка-2017 : стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 19-й Міжнар. навук.-практ. канф., 16–17 ліст. 2017 г., Мінск / БДУ ; рэдкал.: С. В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2017. Вып. 19. С. 267–271. [Вернуться к статье](#)

V. N. Kalenich

Intertextuality in the titles of mediatexts

The article deals with the features of the intertextuality expression and its role in the titles of modern mediatexts (on the material of the information-analytical weekly «Zerkalo nedeli»). The main intertextual techniques are quotations, allusions. Proverbs and sayings, winged expressions, titles and quotes from literary works and films, their characters, etc. are used as headings. Analysis of language material has shown that most often such linguistic means are included in the title in a transformed form, the structure or the semantics of the original expressions are changed.

УДК 339.14:378

Д. А. Канашевич-Адыгезалова

*старший преподаватель кафедры общей теории права
и гуманитарных дисциплин Могилевского филиала
ЧУО «БИП — Институт правоведения (Беларусь)*

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШИЙ КОМПОНЕНТ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

В статье дано обоснование значения межкультурной компетентности как важнейшего компонента коммуникативной компетенции современного человека, факторов, обуславливающих превращение межкультурной коммуникативной компетенции в важнейший образовательный и профессиональный ресурс; необходимости организации системы межкультурного образования как нового направления воспитательной работы в высшей школе.

Мировые тенденции развития со всей очевидностью свидетельствуют о необходимости сдвига от академических норм оценки эффективности самого процесса высшего образования на основе своего рода целей-ориентиров (знания, умения, навыки) к практико-ориентированным оценкам результатов образовательного процесса — социальной и профессиональной подготовленности выпускников к реальной деятельности, т. е. их компетентности.

При всей востребованности компетентностного подхода в системах высшего образования в западноевропейском регионе и в странах СНГ пока отсутствует универсальная трактовка понятия «компетентность» и тех компетенций, которые необходимы выпускнику в различных сферах жизнедеятельности современного общества, объема входящих в них компонентов. В этой связи будем руководствоваться теми компетенциями глобального характера, которые обозначены в Докладе Международной комиссии ЮНЕСКО по образованию для XXI века «Образование: сокровище» (далее — Доклад): научиться познавать, научиться делать, научиться жить вместе, научиться жить [1, с. 37].

Исходя из этих ключевых (базовых) компетенций, представленных в Докладе ЮНЕСКО, будем понимать компетентность как систему интегрированных характеристик качества подготовки выпускников, позволяющих судить не только об их профессиональной квалификации, но и о способностях и готовностях выполнять роли в мире труда и в обществе, справляться с различными ситуациями и работать в группе. Соответственно, одной из ключевых компетенцией будущего специалиста выступает коммуникативная компетентность («жить вместе») как способность человека адекватно отвечать на разнообраз-

ные проблемные ситуации, с которыми он сталкивается в процессе общения с другими людьми, умение эффективно общаться с представителями своей и других культур.

Межкультурная компетентность признается мировым сообществом важнейшей составляющей коммуникативной компетенции. Так, уже на симпозиуме в Берне (27–30 марта 1996 г.) среди ключевых компетенций, которыми должны обладать молодые европейцы, названы компетенции, связанные с жизнью в многокультурном обществе [2, с. 22]. Было бы ошибочным отождествлять процессы в европейском регионе и в условиях Беларуси, не учитывать традиции национальной системы образования. Вместе с тем нельзя игнорировать и то, что процесс глобализации мировой экономики и связанные с ним явления интернационализации высшей школы все более явственно определяют тенденцию дальнейшего вовлечения Беларуси в международный рынок образовательных услуг и вектор реформирования национальной системы высшего образования.

В приказе Министра образования Республики Беларусь № 742 «Концептуальные подходы к развитию системы образования до 2020 года и на перспективу до 2030 года» от 29.11.2017 г. в качестве важнейших задач определено: развитие образования, характерного для инновационной, социально ориентированной экономики, ориентированного на формирование творческой и социально ответственной личности, мотивацию учреждений высшего образования республики на существенное повышение позиций в международных рейтингах; улучшение имиджа и конкурентоспособности национальной системы высшего образования; преобразование ведущих университетов в научно-образовательно-производственные кластеры для системного решения вопросов инновационного развития [3, с. 3, 9].

Обозначенные факторы развития национальной системы высшего образования повышают требования к эффективности педагогического и социального сопровождения процесса включения академических мигрантов в образовательное и социальное пространство белорусских учреждений высшего образования и актуализируют интерес к концептуальным основаниям идеи межкультурной компетенции. Последнее обусловлено и тем, что пока не устоялось единое понимание структурных компонентов межкультурной компетентности, хотя имеется достаточно много теоретических и практико-ориентированных разработок в области межкультурных исследований.

Появление межкультурных исследований как самостоятельной области научных исследований связано с деятельностью американских ученых в рамках Института службы за границей, созданного Правительством США в 1946 г. для практической помощи политикам и бизнесменам, работавшим за границей. Де-

тельность его сотрудников была ориентирована на выявление культурного сходства и отличий в поведении людей в различных странах и выработку практических рекомендаций по адаптации, которые используются по настоящее время. В то время считалось, что в целях эффективной межкультурной коммуникации именно знакомство с другой культурой должно быть ключевым компонентом учебных программ. Однако по мере накопления опыта перед исследователями встал вопрос о необходимости целенаправленного научения правилам взаимодействия в ситуациях кросс-культурного перемещения, подготовки человека к жизни в чужой культуре как обучению межкультурной компетенции, выступающей важнейшим фактором эффективной кросс-культурной адаптации.

В проблеме межкультурной компетенции достигнут определенный консенсус в отношении интерпретации этого понятия посредством категорий «эффективность» и «адекватность». Например, авторитетный западный ученый Д. Мацумото определяет межкультурную коммуникативную компетентность как способность осуществлять эффективную коммуникацию в межкультурном контексте, т. е. достичь определенной степени взаимопонимания с представителями другой культуры в процессе реализации своих целей [4, с. 475].

Исследователи, основывающиеся на так называемых ко-ориентационных моделях межкультурного общения (А. Фантини и Б. Купка), при определении содержания межкультурной компетентности, наряду с эффективностью, выделяют также значение категории «адекватность» (уместность). Они обращают внимание на такой аспект межкультурной компетенции, как способность человека в процессе общения с представителями других культур соответствовать определенным культурным нормам и ожиданиям своих партнеров, адекватно понимать смысл и значение коммуникационной ситуации. В силу того, что участники межкультурной коммуникации обладают неодинаковым опытом, историей, говорят на разных языках, естественно, что эффективность их коммуникации предопределяется в зависимости от уровня общих точек соприкосновения относительно рассматриваемых явлений, т. е. их ко-ориентации в процессе взаимодействия [5, p. 151].

Если в понимании содержания «межкультурной компетенции» достигнут определенный консенсус, то в отношении ее структурных компонентов имеют место разночтения. Российские ученые О. Б. Большакова и Т. А. Терехова, проанализировав зарубежные концептуальные модели межкультурной компетентности, предложили их систематизацию, сгруппировав по следующим основаниям: структурные (Compositional Models), ко-ориентационные (Co-orientational Models), динамические (модели уровневого развития) (Developmental Models),

адаптационные (Adaptational models), причинно-следственные (каузальные) модели (Casual Models) [6, с. 84].

Представляется, что при всей важности работы, проделанной российскими авторами, нельзя согласиться с тем, что ряд перечисленных концепций (моделей) — динамических, адаптационных, причинно-следственных — можно квалифицировать как модели межкультурной компетенции, скорее, речь идет о моделях межкультурной коммуникации, в которых так или иначе затрагивается вопрос о межкультурной компетенции, что не одно и то же. Авторская позиция состоит в том, что в интерпретации собственно межкультурной компетенции и ее структурных компонентов следует исходить из двух самых общих методологий, первая из которых более характерна для западных, а вторая — для отечественных межкультурных исследований.

С позиций первого методологического подхода межкультурная коммуникативная компетентность включает в качестве важнейших ее измерений определенные когнитивные, аффективные и поведенческие способности. Когнитивные способности представлены межкультурной осведомленностью (intercultural awareness), аффективные — межкультурной сенситивностью (intercultural sensitivity), поведенческие — межкультурной компетентностью (competence).

С позиций другого методологического подхода к исследованию межкультурной компетентности, в большей степени характерного для современных российских исследователей (А. П. Садохин, Л. Г. Почебут и др.), этот вид коммуникативной компетентности понимается как совокупность определенных знаний, умений и навыков, с помощью которых субъект коммуникации получает способность эффективно взаимодействовать с представителями других культур [7; 8].

Сравнительный анализ работ западных и отечественных исследователей позволяет утверждать, что посредством разных категорий и в русле разных теоретико-методологических традиций ученые со схожим результатом описывают качественные характеристики межкультурной компетенции как одного из важнейших факторных параметров эффективного межкультурного взаимодействия. Так, в любом понимании формирование межкультурной коммуникативной компетентности прежде всего предполагает наличие когнитивного компонента — знаний о своей и других культурах (языке, истории, искусстве, литературе, архитектуре, мифологии, фольклоре, религии и пр.), а также знание принципов и правил эффективного общения с представителями других культур.

Однако, как признают западные и отечественные исследователи, одних знаний о другой культуре недостаточно для эффективной межкультурной коммуникации. По мнению Л. Г. Почебут, коммуникативная компетентность пред-

полагает развитие специфической способности к общению с представителями других этносов и культур как системы сложных социальных умений и навыков взаимодействия. Западными авторами более проработан тот момент, что базисной основой для формирования эффективного поведения в ситуации межкультурного контакта выступает наличие социально-психологической сенситивности — чувствительности к состояниям и переживаниям людей другой культуры, способности к культурной эмпатии.

Согласно М. Беннету, о наличии у человека чувствительности (чуткости) к культурным различиям можно говорить тогда, когда он способен распознавать и принимать другую культуру и при этом не быть в эмоциональном плане равнодушным, проявлять эмпатию [7]. По мнению Г. М. Чена и В. Дж. Старосты, сенситивность — это «способность индивида эмоционально воспринимать и оценивать культурные различия, что способствует правильному и эффективному поведению в межкультурной коммуникации» [9].

На поведенческом уровне межкультурная коммуникативная компетентность проявляется в умении адаптироваться к новой культурной среде, быть вовлеченным в межкультурное взаимодействие, в позитивном отношении к представителям других культур, толерантности и доверии, следовании культурно одобряемым нормам взаимодействия, избегании проявлений дискриминации в отношении представителей других культур, предубеждений и предрасудков, этноцентризма и ксенофобии.

1. Образование: сокрытое сокровище [Электронный ресурс] : Основные положения Доклада Международной комиссии по образованию для XXI века (Жак Делор), 1996. URL: <http://www.ifap.ru/library/book201.pdf> (дата обращения: 08.03.2020).

[Вернуться к статье](#)

2. Макаров А. В. Проектирование стандартов высшего образования нового поколения по циклу социально-гуманитарных дисциплин. Минск : РИВШ, 2005. 82 с.

[Вернуться к статье](#)

3. Концептуальные подходы к развитию системы образования Республики Беларусь до 2020 года и на перспективу до 2030 года : приказ Министра образования Респ. Беларусь от 29.11.2017 г. № 742. [Вернуться к статье](#)

4. Психология и культура / под ред. Дэвида Мацумото ; науч. ред. перевода на русский А. С. Карамзин. СПб. : Питер, 2003. 718 с. [Вернуться к статье](#)

5. Fantini A. E. Language, culture, and world view // Exploring the nexus. International Journal of Intercultural Relations. 1995. P. 143–153. [Вернуться к статье](#)

6. Большакова О. Б., Терехова Т. А. Зарубежные концептуальные модели межкультурной компетентности // Психология в экономике и управлении. 2011. № 2. С. 84–96. [Вернуться к статье](#)

7. Садохин А. П. Межкультурная компетенция и компетентность в современной коммуникации // Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 156–166.

[Вернуться к статье](#)

8. Почебут Л. Г. Кросс-культурная и этническая психология : учеб. пособие. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. 236 с. [Вернуться к статье](#)

9. Chen G. M. A review of the concept of intercultural sensitivity // Human Communication. 1997. 1. P. 5–12. [Вернуться к статье](#)

D. A. Kanashevich-Adygezalova

Intercultural competence as an essential component of communicative competence

As a result of the processes of globalization of the economy and the internalization of higher education, a multicultural educational environment is being formed in the leading universities of Belarus, and intercultural competence is increasingly becoming an important educational resource, as well as a prerequisite and imperative for effective interaction between educational entities. In the context of the internationalization of the institution of education, the most important tasks of the national higher education institution in Belarus can be considered not only to strengthen the international component of domestic education and its competitiveness, but also to develop intercultural communicative competencies among students as an essential component of professional and educational competencies of specialists in the 21st century.

УДК 378

Ju. G. Kozhina

*Head of the Department of foreign languages of the Far East Law Institute
of the Ministry of the Internal Affairs of Russia,
Associate professor, PhD in Pedagogy (Khabarovsk, Russia)*

FROM THE EXPERIENCE OF POSITIVE PROFESSIONAL WORLDVIEW BUILDING WHEN TEACHING LINGUISTIC DISCIPLINES TO THE FUTURE LAWYER

The paper deals with the aspect of positive professional world outlook formation, which is considered a burning pedagogical and psychological problem today. The meaning of linguistic disciplines in this process is viewed as one of the most important. Today the society is in need of a person with objective view of reality, ability to understanding of his professional mission, able to mobilize himself to overcome difficulties, ready to decision making, regardless of external influences.

In modern Russian society, is highly sought training a lawyer possessing an objective look to reality, critical thinking, understanding of his professional destiny, able to mobilize himself to overcome difficulties, ready to make decision, irrespective of external influences. The choice of moral guidelines in constantly changing social terms is determined by personal senses that a person constructs for himself in the process of education and professional activity.

The profession of a lawyer, as well as the profession of a teacher, a doctor, a psychologist, is associated with excessive emotional and intellectual stress and with possibility of being psychologically manipulated by other people.

By means of linguistic disciplines that are studied in the program of higher education (Russian and foreign languages), it is possible to develop attitude toward a man as a value, understanding of a man as a developing system, understanding of freedom of a man and sense of his life. Educational process of teaching linguistic disciplines helps to form an idea of the moral estimation of personal activity, about personality as a social phenomenon, forms skill of communication, experience of estimation of psychological features of personality, both in professional activity and in personal contact. Educational process organized in the interactive discussion of texts, in forming a statement, gives an opportunity to express attitude towards what has been read, brings up a positive professional worldview of the future lawyer [1].

The analysis of professional training of the future lawyers, officers of the Ministry of the Interior, obvious contradiction between the theory of education and practice of behavior is revealed, that encourages correction of the pedagogical process on

education of moral features of the future lawyers. A lawyer, carrying out professional activity in the field of law enforcement, collaborates with other people; he must stand on guard of truth, justice, wealth, honor and dignity of man. A lawyer must observe and preserve law as an external law of society, possessing morality, as an internal law of his personality [2, p. 17].

The issue of moral education of lawyers is being actively discussed by teachers and scientists. The formation of positive professional worldview of the future lawyers is connected with the formation of general-cultural, general-professional, professional competencies that should be possessed by a professional capable to effectively solve professional tasks in all their diversity [3]. Legal profession, similarly to the profession of a teacher, a doctor is connected with emotional and intellectual burden, and with possibility of psychological manipulation by other people. It imposes on a professional the requirement of personal maturity, responsibility in realization of this profession. As Koldin found: “The beginning of his professional activity puts a future lawyer in difficult terms, young people meet the breaches of law, and it negatively influences the personality of the young professional, and sometimes is imprinted in his worldview” [3]. Life compels to make a moral choice, often there occur material temptations which are not easy to overcome for a young man, therefore the task of development of positive professional world view arises, which will define attitude toward good and evil, caution against purchasing of illusive benefit, it will become a conscious life choice.

Formation of the professional, moral legal upbringing in the process of education at the institute consists in systematic, integrated, consistent, successive development and self-development of moral qualities of the future lawyers by means of mastering humanities, norms of law, norms of public moral of the Russian society and state. In the process of activity of a lawyer, self-education plays a substantial role, as the young man is going to make a choice of action, act, which depends not only on his knowledge but also on his persuasions, options, values, necessities. Morally legal education is an important social channel that gives an opportunity to form legal skills of the future lawyers, correlating them with the studying of humanities and legal disciplines. However, a capture of these skills takes place not only in the process of the specially organized educational activity but also under influence of different factors of social reality and their real behavior in life and service.

There arises a question of the effectiveness of training and possibility in a limited amount of educational time to form a valuable idea about the world in a future lawyer. In the conditions when considerable reduction of the amount of educational time happened for mastering the humanities taught at the institute, the necessity of humanitarian training of the future lawyer remains vital. Moreover, we should not ig-

nore the fact that training at the educational institution of the system of the Interior Ministry supposes much time spent on physical and special-service training, often from the time reserve released from the humanities disciplines schedule. Examining the pedagogical problem of the positive professional worldview of the future lawyers' development in higher educational establishments by means of the content senses of socially-humanities disciplines we keep in mind that training and extracurricular activity will activate self-knowledge of students, involve them in creative activity and deepen their readiness for the professional activity.

Disciplines of socially humanitarian cycle, such as foreign language, Russian, psychology, philosophy, are aimed at acquisition and fixing of communicative competences in organization of professional activity and in an interpersonal communication (Umanets). Within the framework of content of these disciplines inclusion of the future lawyer in multifaceted interactive cooperation is implemented that will be realized in the study group, in creative groups (in scientific and creative activity), in training, that will help in their future practical work with citizens, being in statuses of a victim, a witness or a suspect. The table of contents of the specified disciplines can be proved by the positive examples of lining up the relations of subjects of professional legal activity [4, p. 81]. In particular, holding for several years public lectures «Problems of jurisprudence in Russian classical literature», could be illustrative example of it. The subject of public lectures is very topical for a modern lawyer: «Russian literature is an encyclopedia for a lawyer», «Crime and punishment as an object of comprehension for the Russian writers», «Jury trial» (on works of F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy); «Women criminal professions» (on works of F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, A. I. Kuprin, V. Krestovsky and others); «Crime against a child in Russian literature» (on works of A. P. Chekhov, F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, V. A. Gylyarovsky), «Bottom» of Russian life (on works of the Russian writers of the XIX–XX centuries); «Criminal environment in works of the Russian writers of the XIX–XX centuries», and also issues of education and becoming of the Russian officer: «Reflection in Russian literature of the XIX centuries of spiritual searches of the Russian officer»; «Traditions of education of the Russian officer» (on works of A. I. Kuprin, I. A. Bunin, L. N. Tolstoy etc.); «Negative phenomena in the officers' environment of the XIX–XIX centuries» (on works of A. S Pushkin, M. Yu. Lermontov, I. A. Bunin).

Russian and foreign classical literature is a unique and universal phenomenon that the idea about life, realized in literary characters, makes more real and long term, then actual life. The writers of «golden age» of Russian literature make us understand, that a spiritual line-up of a personality is in his main lines — experiencing, as-

pirations, choice of good or evil, disappointments, love, grief, happiness, remain unchanging in all times.

Significance of reading works of classical literature consists in widening of the worldview, i. e. an idea about the world of a modern man is correlated with timeless criteria, an idea about times and people, about the ways of development of Russia, cataclysms of its historical fate. At the same time the concept of such basic humanistic concepts as Motherland, people, freedom, law, duty, honor, conscience are being deepened, that is undoubtedly important for realization and illustration of legal sciences.

For the future lawyers it is important to know literature, fates of writers, because it is an encyclopedia of knowledge about a man. Unfortunately, a yesterday's school student has a very dim idea of what professional knowledge he can draw from literature. Pushkin A. S., for example, in his historical literary works made a research of the «Russian revolt, senseless and merciless»; he also examined the character who led the revolt with his leading features.

The Russian writers analyzed a man and life situations in different displays, for example, F. M. Dostoevsky investigated a man in the extreme circumstances of life: preparation for committing a crime, committing a crime, fear of exposing, repentance, impossibility of existence in such a psychological situation. Undoubtedly, themes of enforcement of punishment, analysis of criminal society as a subject of criminal activity, use of suicides in criminal aims are of great professional interest for the future lawyer. L. N. Tolstoy put a reader in a situation, when one has to make a choice in behalf of good or evil, to demonstrate firmness and responsibility for himself and the others. A. P. Chekhov for the Far-East residents is a personification of civil exploit. Nowadays the point of settlement and consolidation of the population on the Far East is only being discussed and Chekhov in his work «Island Sakhalin» worked out the «program of people saving» one hundred and twenty years ago.

Such themes as women's criminal professions, crime against a child, officer's and civil duty performance, education of the officers have a wide reflection in Russian literature and are exhaustive illustration at mastering legal profession. Thus, attraction to reading pieces of Russian literature is qualitatively another approach to the concept of education of the profession of a lawyer. The forms of attaching to literature in the modern world are quite various — reading books on paper and electronic devises, screen versions of literary works, listening to audiobooks. All these forms arise interest to an original source — literature.

Thus, in the process of theoretical training of the future lawyers working out the base for mastering special disciplines, with support on humanitarian training is needed. It must be inwardly motivated. Forming moral guidelines in the process of

training and professional activity depends on filling, illustrating of theoretical positions that are studied in the process of training. Basic legal postulates that a future lawyer must master can be filled with meaning, emotionally experienced in the process of reading that is correctly chosen and recommended taking into account profession, age and personal interest.

As a result of focused educational activity becomes positive professional worldview as a system of principles, views, values, ideals and persuasions, defining both attitude toward reality, general perception of the world and life positions, programs of professional activity of the future lawyers. Worldview appears to be a background of all behavioral reactions, acts and actions, i.e., self-expression. It makes itself felt not only in a spiritual sphere but also in practical life; it qualifies for expression of common to all humankind point of view and position. A positive professional does not simply assert its principles, but postulates them as imperatives.

1. Semyonova Ye. A. Professional consciousness of the future lawyers // Psychopedagogy in law enforcement authorities. 2009. 2. P. 19–23. [Вернуться к статье](#)

2. Tonkonogov A. V. Providing spiritual security in modern Russia. 2011. 196 p. [Вернуться к статье](#)

3. Koldin V. Ya. Conception of professional training of the wide profile lawyer // Legal education and science. 2009. 3. P. 14–18. [Вернуться к статье](#)

4. Umanets I. F. The Power of Non-Verbal Communication // Social-pedagogical Support of the Students in the Process of Foreign Languages Studying in Non Linguistic College. Spiritual Culture of Russia, Japan, China, Korea : International scientific conference ; Pacific National University. Khabarovsk, 2012. P. 77–83. [Вернуться к статье](#)

Ю. Г. Кожина

Из опыта формирования позитивного профессионального мировоззрения будущего юриста при обучении лингвистическим дисциплинам

В современном обществе востребована подготовка юриста, обладающего объективным взглядом на действительность, критическим мышлением, пониманием своего профессионального предназначения, способного мобилизовать себя на преодоление трудностей, готового принимать решения независимо от внешних воздействий. Выбор нравственных ориентиров в постоянно изменяющихся социальных условиях определяется личностными смыслами, которые человек конструирует для себя в процессе учебы и профессиональной деятельности.

Педагогический процесс изучения лингвистических дисциплин помогает формировать представление о нравственной оценке деятельности человека, о личности как социальном явлении, формирует навык общения, опыт оценки психологических особенностей личности как в профессиональной деятельно-

сти, так и в личном общении. Учебный процесс, организованный в интерактивном обсуждении текстов, в формировании высказывания, дает возможность выразить отношение к прочитанному, воспитывает позитивное профессиональное мировоззрение будущего юриста.

Значимость чтения произведений классической литературы состоит в расширении мировоззрения, т. е. представление о мире современного человека соотносится с вневременными критериями, формируется представление о временах и народах, о путях развития России, катаклизмах ее исторической судьбы, углубляется восприятие основных гуманистических понятий — «Родина», «народ», «свобода», «право», «долг», «честь», «совесть», что важно для осознания и иллюстрирования юридических наук.

Формирование позитивного профессионального мировоззрения как системы принципов, взглядов, ценностей, идеалов и убеждений является результатом целенаправленной образовательной и воспитательной деятельности.

УДК 37.0913

А. В. Коньшева

*доцент кафедры профессионально ориентированной английской речи
Белорусского государственного экономического университета,
кандидат педагогических наук, доцент*

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Статья посвящена проблеме формирования языковой компетенции студентов неязыковых специальностей. В ней обосновывается оправданность введения термина «лексико-грамматический компонент языковой компетенции». Значимость этой составляющей резко возросла в условиях перехода от знаниецентричной к компетентностной модели образования.

Социальный заказ современного общества предъявляет достаточно серьезные требования к владению иностранными языками специалистов любого профиля. Особенно эта проблема касается сегодня выпускников неязыковых специальностей. В требованиях излагается идея о том, что специалист должен свободно участвовать в диалоге культур, проявляя свои умения понимать и реагировать на любую речевую ситуацию.

Под этим понимается, что любому обществу нужны не просто специалисты с высшим образованием, а образованные на самом высоком уровне, конкурентоспособные специалисты, которые смогут без всяких проблем вести переговоры с иностранными партнерами на любом уровне.

В настоящее время в вузовской системе языкового образования, в частности в неязыковых вузах, где компетентностный подход уже прочно завоевал свои позиции, активно ведется работа по формированию коммуникативной компетенции и ее составляющих в процессе обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей.

Одной из составляющих коммуникативной компетенции является языковая компетенция (далее — ЯК), которая по праву считается основополагающим компонентом в структуре иноязычной коммуникативной компетенции. Она представляет собой знание языковых средств, включая грамматику, лексику, фонетику, и готовность пользоваться ими в устном и письменном общении.

Традиционная интерпретация сущности ЯК позволяет представить ее как некоторую совокупность определенных элементов, находящихся во взаимосвязи. Языковая компетенция в понимании Н. О. Епихиной представляется как совокупность знаний, умений, навыков, которые студент реализует в процессе деятельности, т. е. общения, и способности перерабатывать информацию в соот-

ветствии с личностными коммуникативными задачами [1, с. 5]. Н. Н. Прудникова определяет ЯК «как совокупность правил анализа и синтеза единиц языка, которые позволяют строить и анализировать предложения, пользоваться системой языка для целей коммуникации» [2, с. 8].

Известный российский ученый в области обучения иностранному языку Р. П. Мильруд тоже внес свой вклад в определение ЯК. В его понимании ЯК — это «средства, необходимые для контроля и формирования речевой ситуации в социальном контексте» [3, с. 11].

Также над этой проблемой работала и И. В. Михалкина. Она определяет ЯК как «базисный компонент коммуникативной компетенции, предполагающий знание категорий и единиц языка на всех уровнях» [4, с. 7]. Причем ею рассматриваются не только фонетический, лексический и грамматический, но и словообразовательный, морфологический, синтаксический и текстовый уровни. В данном исследовании отмечается необходимость знания правил оперирования языковыми единицами для собственного высказывания и их понимания на разных ступенях общения.

В качестве методологической основы при определении сущности ЯК единогласно используются идеи, которые раскрывают такие важные для феномена компетенции понятия, как «способность к языку», «знание языка», «реализация языка в речи» (Т. М. Дридзе, Ю. Н. Караулов, Н. Хомский и др.).

Исследуя вопрос о путях и средствах обогащения ЯК студентов в образовательном процессе вуза, Н. О. Епихина опиралась на идеи Р. Белла о ЯК как о врожденном знании, присущем идеальному говорящему или слушающему, а также на идеи К. Дуайе о компонентах ЯК в виде говорения, письма, аудирования, чтения наряду с идеями о языковой грамотности.

Проведенный нами анализ научных взглядов ученых, связанный с интерпретацией ЯК, дал возможность утверждать, что нет единого мнения в понимании структуры и содержания ЯК, так как каждый, кто занимался данным вопросом, в своем исследовании уделяет внимание только значимой стороне собственной научной области (например, встречаются такие определения, как «идеальное знание о языке», «способность усваивать любую языковую систему», «овладение лексической стороной языка» и т. д.). Но тем не менее существующие разногласия в научном определении как структуры, так и содержания интересующего нас понятия сходятся в одном: основополагающим элементом ЯК является знание изучаемого языка и, соответственно, умение использовать его языковые средства.

Если интерпретировать ЯК как некое качество, которым обладает личность, то Н. О. Епихина определяет данную компетенцию как ресурсное каче-

ство, обеспечивающее особый тип организации знаний и опыта личности, которые выступают в качестве основы для принятия эффективных решений. По мнению Е. В. Фроловой, это качество заключается «в профессионально ориентированном интеллекте и проявляется в умении привлечения и соотнесения профессиональных филологических знаний применительно к предмету осмысления» [5, с. 12]. При этом речь идет о метаязыковом и терминологическом аспектах, характеризующих содержание рассматриваемой компетенции.

Характерологическими чертами ЯК выступают интеллектуальный, эмоционально-личностный и регулятивно-поведенческий аспекты, а технология ее формирования и развития характеризуется уровневостью. В частности, учеными рассматриваются четыре уровня формирования ЯК. По нашему мнению, такой подход сохраняет свою актуальность в ситуации языковой подготовки студентов неязыкового профиля, а предлагаемые уровни могут быть скорректированы в зависимости от специфики образовательной ситуации в направлении диверсификации образования.

Рассмотрим подробнее вышеуказанные уровни:

1. Первый уровень определяется знаниями лексического, грамматического и синтаксического аспектов языка, которые, как известно, рассматриваются как самостоятельные уровни языка как системы знаков.

2. Второй уровень представляет собой осмысление и понимание внутриуровневых отношений между элементами каждого уровня языка.

3. Третий уровень выглядит как осмысление межуровневых отношений между единицами языка.

4. Четвертый уровень выступает как осмысление сути языковых явлений.

Языковая компетенция выполняет ряд функций. Их анализирует в основном Н. О. Епихина, которая указывает на профессионально-культурную функцию, обеспечивающую становление личности как носителя профессиональной и коммуникативной культуры. Проблемой функций в составе ЯК также занималась Н. Н. Прудникова. Она выделяет функцию потенциала лингвистических (языковедческих) знаний человека.

Анализ определений ЯК показал, что при рассмотрении феномена этой компетенции наибольшее внимание уделяется именно лексико-грамматической, а не фонологической стороне иноязычной речи. Выделение части из целого носит условный характер и оправдано теоретическими целями всестороннего изучения предмета исследования.

Н. Хомский рассматривает ЯК как «систему врожденного представления о грамматике языка, свойственную человеку как биологическому виду вне зависимости от опыта и среды обитания и т. д.» [6, с. 24]. Он понимает язык всего

лишь как своеобразное идеальное грамматическое знание, которое можно соотносить со знанием языковой системы. Он считает это соотношение состоянием, а не процессом.

Думается, что с данным положением можно и не согласиться, так как если анализировать обучение грамматике и лексике, то достаточно сложно определить, что из этих составляющих является приоритетным. Естественно, что без знания грамматической структуры иностранного языка невозможно решать коммуникативные задачи на изучаемом языке. Но усвоение грамматической системы языка происходит, как правило, только на основе знакомой лексики. Из этого можно сделать вывод, что обучение лексике и грамматике взаимосвязано и невозможно определить, что же является более важным.

Имея достаточно большой опыт работы со студентами неязыковых специальностей, хочется отметить, что довольно часто в процессе обучения в неязыковом вузе делается крен то в сторону обучения только грамматике и выполнения большого количества грамматических упражнений на занятиях, то, наоборот, внимание уделяется планомерному заучиванию лексики и проверяется затем ее знание при переводе текстов. Но есть и другой вариант. Некоторые преподаватели считают, что необходимо формировать речевую компетентность, которая является более важной, чем языковая грамотность: при совсем небольшом запасе лексических единиц и знании только основных грамматических структур можно вполне адекватно решать любые коммуникативные задачи.

При традиционном обучении на занятиях по иностранному языку студентов учат правильно и адекватно сочетать слова друг с другом с целью получения словосочетаний, с помощью которых можно строить предложения, которые затем используются в ситуациях общения. Однако формирование умения грамотного построения словосочетаний на изучаемом языке никак не свидетельствует о том, что это даст возможность в будущем понимать высказывания людей, для которых данный язык является родным. Они свободно могут использовать в своей речи более сложные структурные конструкции, а это, в свою очередь, станет непреодолимым препятствием для понимания и успешного взаимодействия.

По нашему мнению, вышеуказанные подходы не являются эффективными и, как результат, студенты не овладевают иностранным языком в достаточной степени и не в состоянии общаться на уровне межкультурной коммуникации.

Из вышесказанного следует, что если не будет взаимного понимания в речи, то, естественно, и не будет нужного контакта для осуществления опреде-

ленных целей. Именно это дает нам основание утверждать, что при недостаточно сформированном уровне лексико-грамматического компонента ЯК возникает непреодолимый барьер, который свидетельствует о приобретении низкого уровня иноязычной коммуникативной компетенции в вузе, что является недопустимым при современных требованиях к высшему образованию.

Поэтому мы утверждаем, что лексико-грамматический компонент ЯК можно назвать базовым при формировании коммуникативной компетенции. А сформированность данного компонента приведет к успешному участию в межкультурной коммуникации.

Учеными доказано, что в процессе обучения иностранному языку в любом учебном заведении все компоненты языка должны быть в неразрывном единстве и взаимосвязи между собой:

- лексика (ее можно рассматривать как соотнесенность с языковой действительностью);
- грамматика (которая является организующим компонентом);
- фонетика (она участвует в звуковом оформлении высказывания).

И все это служит основополагающим элементом для успешного формирования речевых умений во всех видах речевой деятельности: монологической и диалогической речи, восприятию речи на слух, чтении, письме, переводе.

Нами в данной статье не рассматривается обучение фонетической стороне речи. По нашему мнению, для студентов неязыковых вузов этот аспект не является достаточно важным, так как наиболее существенным при обучении для формирования ЯК все-таки является овладение лексико-грамматической стороной языка.

Необходимо остановиться на методике обучения ЯК в неязыковом вузе и на тех упражнениях, которые возможно использовать на занятиях.

Как и в любом научном аспекте, в методике обучения иностранным языкам существует достаточное количество точек зрения на проблему комплекса упражнений (В. С. Цетлин, И. Ф. Комком, С. Ф. Шатилов и др.). Комплекс упражнений — категория объективная, связанная со спецификой изучаемого предмета. Из процесса усвоения принципиально нельзя вывести какие-то типы упражнений. Этапы усвоения предопределяют лишь возможную последовательность расположения и использования различных упражнений. Мы придерживаемся точки зрения Е. И. Пассова, который вслед за В. Д. Аракиным предложил подразделять упражнения на языковые и речевые.

В нашем случае мы будем рассматривать лексико-грамматические упражнения, которые являются языковыми, так как именно на их основе осуществляется формирование ЯК.

Данные упражнения обычно являются предтекстовыми и проверяются после выполнения студентами домашнего задания.

В начале занятия по определенной теме студентам предлагается следующее упражнение, в котором располагаются новые слова, необходимые для ознакомления и запоминания: *Study your active vocabulary*. Для проверки усвоения новых слов дается упражнение. Слова размещаются в двух колонках таблицы: *Match the English words with their Russian equivalents*.

Затем предлагается упражнение, которое в основном выполняется в письменном виде: *Make up your own sentences with the new words. Try to use as many new words as possible in one sentence*. Это достаточно эффективное упражнение, так как оно развивает мышление студентов. Его можно проводить в форме игры, предупреждая заранее, что лучшим будет признан тот, кто использует большее количество новых слов в одном предложении и не сделает ошибок в грамматике. Он получит высший балл. На первых порах это не простое упражнение, так как нужно употребить как можно больше слов, при этом в предложении должен быть смысл и не должно быть ошибок. Вначале такое упражнение задается выполнить дома, а когда студенты научатся правильно составлять из новых слов только одно предложение, его можно выполнять и в аудитории без специальной подготовки, но с элементами обдумывания (2–3 минуты).

Затем предлагается: *Match these words with the definitions below*. Выносятся новые слова и к ним в разбросанном виде даются определения. Упражнение направлено на закрепление знания новых слов.

Следующее упражнение *Combine the words and word combinations in the columns with the help of preposition of and then translate them* является достаточно эффективным, так как, как известно, в английском языке не существует падежей, поэтому допускается много ошибок при построении собственного высказывания. Предлог *of* участвует в передаче родительного падежа. Он указывает на то, что что-то принадлежит кому-то или чему-то, и является наиболее употребительным в английской речи по сравнению с другими предлогами.

Студентам предлагается таблица, состоящая из двух частей, со словами. Им нужно правильно составить словосочетания и соединить предлагаемые слова предлогом *of*. Словосочетания берутся из текста, над которым будет вестись работа после выполнения предтекстовых упражнений. Данное упражнение снимает трудности при работе с текстом и дает возможность студентам избегать ошибок при построении собственных предложений.

Также можно предложить упражнение, в котором в предложениях пропущены и другие предлоги (это в случае, если у преподавателя есть цель повторить употребление предлогов).

Упражнение *Write the derivatives of the following words and then translate them* дает возможность снимать трудности при работе с текстом, так как предлагаемые слова являются простейшей формой тех, которые будут встречаться в тексте.

После работы с текстом студентам можно предложить самостоятельно составить вопросы к тексту, а также положения, которые могут быть и правильными, и неправильными, можно предложить составить план для будущего пересказа.

Все предлагаемые нами упражнения способствуют успешному формированию лексико-грамматического компонента ЯК. Правильное их выполнение будет благоприятно сказываться на развитии устной речи.

В заключение хочется отметить, что термин «языковая компетенция» первоначально появился и исследовался в лингвистике. Но с течением времени он постепенно начал проникать в методику обучения иностранным языкам. Это направление в настоящее время достаточно быстро развивается и обогащает современную методическую науку новыми знаниями, терминами, понятиями. И, соответственно, можно считать, что ключевым будет понятие «коммуникативная компетенция», одной из основополагающих составляющих которой является языковая компетенция.

1. Епихина Н. О. Обогащение языковой компетенции студентов в образовательном процессе вуза : автореф. ... дис. канд. пед. наук: 13.00.01. Красноярск, 2001. 20 с. [Вернуться к статье](#)

2. Прудникова Н. Н. Педагогическая технология формирования иноязычной компетенции студентов неязыкового вуза : автореф. ... дис. канд. пед. наук : 13.00.01. Саратов, 2007. 22 с. [Вернуться к статье](#)

3. Мильруд Р. П., Максимова И. Р. Современные концептуальные принципы коммуникативного обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2000. № 4. С. 9–15. [Вернуться к статье](#)

4. Михалкина И. В. Коммуникативное и языковое содержание обучения профессиональному общению специалистов в области внешне экономических связей : автореф. ... дис. канд. пед. наук : 13.00.02. М., 2004. 21 с. [Вернуться к статье](#)

5. Фролова Е. В. Содержание, формы и реализация компьютерного обеспечения формирования языковой компетентности студентов : автореф. ... дис. канд. пед. наук : 13.00.08. Тольятти, 2007. 22 с. [Вернуться к статье](#)

6. Хомский Н. Язык и мышление. М. : МГУ, 1972. 129 с. [Вернуться к статье](#)

A. V. Konysheva

Formation of the linguistic competence of students of non-linguistic specialties

In the article the lexico-grammatical component of language competence is considered not in isolation, but in a complex, because if the basis of learning is a functional approach, then for specific speech functions the selection of grammatical structures and their lexical filling occurs in unity. We do not consider grammatical and lexical units separately, as they are difficult to be separated as part of a functional approach. This component of language competence is seen as an integral community of lexical and grammatical units of language, where a change in one of the components (lexical or grammatical) leads to a change in the other in functionally-conditioned context.

УДК 811

Н. Н. Коротков

профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД,
кандидат филологических наук, доцент (Беларусь)

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

Рассматривается влияние смены формы выпускных школьных и вступительных экзаменов в вузах на уровень овладения школьниками системными и структурными особенностями русского и белорусского языков. Утверждается, что овладение ими на высших уровнях языка в определенной мере снизилось вследствие замены сочинений на диктанты и изложения, широкого использования тестирования, в т. ч. ЦТ. Отмечается, что тестирование в нынешнем его виде соответствует «клиповому» виду мышления и способствует его утверждению в качестве основного. Для выполнения тестов достаточно репродуктивного уровня усвоения знаний, что не способствует развитию мышления учащихся и не позволяет по достоинству оценить его уровень во время вступительных экзаменов.

В последние 10–15 лет в Республике Беларусь, как и во многих странах мира, отмечается снижение уровня подготовки выпускников школ почти по всем учебным дисциплинам. Это вызывает вполне обоснованное беспокойство за будущее страны.

Главную причину отрицательных тенденций в деле школьного образования ученые и педагоги видят в резком увеличении (по мнению некоторых исследователей, — до 80 %) количества учеников с так называемым клиповым (сетевым, чатовым, мозаичным) типом мышления. Его распространенность, причем прежде всего среди школьников, логическое мышление которых еще не сформировалось в достаточной степени, исследователи объясняют ускорением темпа жизни и особенно — небывалым ростом объема доступной информации. Оно явилось следствием бурного развития цифровых технологий, увеличения на их основе количества СМИ и их конвергенции. Высшим ее воплощением и главным источником информации для молодого поколения стала сеть Интернет, в которой «есть всё».

Как отмечают ученые, захлестывающий «девятый вал» информации и потребность в информации актуальной побуждает искать ее в Интернете, при этом не столько вникая в ее смысл и выявляя причинно-следственные связи явлений, сколько поверхностно «сканируя» ее, фиксируя только сами явления. Следствием такого «сканирования» являются неразвитость речи, неспособность к длительной концентрации внимания, к восприятию объемных текстов. А главное — снижение, а то и утрата школьниками способности к аналитиче-

скому мышлению, без чего научный, технический и моральный прогресс в жизни общества едва ли возможен.

Однако, на наш взгляд, небывалый рост объемов информации не единственная причина распространенности клипового мышления среди подрастающего поколения. Заметим, что компьютеры стали доступны для широких слоев населения в то же время, когда произошли существенные изменения в системе выпускных экзаменов в школах и вступительных экзаменов в высшие учебные заведения. Попробуем уяснить, к чему привели эти изменения, на примере изучения школьниками таких дисциплин, как русский и белорусский языки.

Отметим прежде всего то, что еще как минимум с 60-х годов XX и до первых лет XXI века выпускники школ с русским языком обучения сдавали экзамены по русской (сочинение) и белорусской (устно) литературе. В школах с белорусским языком — наоборот, устно сдавали экзамен по русской литературе, а сочинения писали по белорусской литературе. И при поступлении на любую специальность в высшие учебные заведения опять-таки обязательно писали сочинения по русской или белорусской литературе. Отдельных экзаменов по языкам не было.

Это была хорошо продуманная стратегия, в которой учитывались взаимосвязь и взаимодополнение в процессе изучения двух отдельных дисциплин — языка и литературы. Необходимость сдавать выпускные, а потом, возможно, и вступительные экзамены в форме сочинения побуждала школьников уделять внимание равно обеим этим дисциплинам. И это давало значительный синергетический эффект, позволяло в целом постичь системные и структурные особенности русского и белорусского языков.

Такой эффект достигался, во-первых, опорой на общую основу — русский или белорусский язык и соответственно русскую или белорусскую классические литературы, представляющие образец использования художественного слова. Заметим, что примеры в упражнениях по языкам, как русскому, так и белорусскому, взяты именно оттуда и снабжены ссылками на их авторов. А самое главное то, что изучение языка и литературы, формально отдельных дисциплин, взаимно дополняло и расширяло представление учащихся о системных и структурных особенностях нынешних государственных языков Республики Беларусь.

При этом существовало определенное, хотя и достаточно условное, разграничение функций названных учебных дисциплин. На уроках русского или белорусского языков их системные и структурные особенности рассматривались на уровнях фонетики, морфологии, частей речи, синтаксиса, орфографии и пунктуации. Чаще всего это делалось с опорой на конкретные

примеры объемом от слова до предложения. А на уроках литературы в силу специфики предмета овладение системными и структурными особенностями языка происходило уже на уровнях связанных текстов тех или иных жанров, выразительных средств языка.

Чтение значительных по объему текстов произведений способствовало обогащению лексического запаса учеников, развитию их речи. И одновременно — непроизвольному запоминанию написания слов, выработке чувства ритма речи, что помогает правильно расставлять знаки препинания. Заучивание наизусть стихотворений, отрывков прозы, цитат из произведений для использования их в сочинениях развивало долговременную память. Анализ содержательных и формальных моментов произведений способствовал развитию логического мышления. А составление планов отрывков из произведений, планов сочинений приучало к изложению своих мыслей в определенной логической последовательности, доказательности выводов.

В итоге происходило в чем-то интуитивное постижение системных и структурных особенностей языка на всех его уровнях, выработка так называемого чувства языка. Давно замечено, что речь школьников, увлекающихся чтением художественной литературы, как правило, хорошо развита. И не случайно некоторые из них систематически получали хорошие и отличные отметки за написанные диктанты, сочинения и т. п., хотя нередко почти не знали правил. Таким ученикам они были просто не очень-то и нужны.

И, самое главное, — сочинение давало возможность оценить не только умение выпускника школы писать грамотно, **но и широту его кругозора, степень развитости мышления.**

Однако к середине первого десятилетия нынешнего века в системе экзаменов за курс средней школы и вступительных экзаменов в высшие учебные заведения произошли существенные изменения. Обусловлены они были главным образом двумя причинами: стремлением присоединиться к Болонскому процессу и борьбой с проявлениями коррупции во время вступительных экзаменов в высшие учебные заведения.

Сочинение как один из обязательных выпускных экзаменов в школах и приемных в вузах был отменен. И это, на наш взгляд, в значительной степени обусловило снижение уровня знаний выпускников школ и по языку, и по литературе. Литература, как русская, так и белорусская, разумеется, из учебных планов школы не выпала. Но была ослаблена достаточно продуктивно «работавшая» ранее на конечный результат «связка» между литературой и языком. Та связка, которая позволяла ученику в той или иной степени, пусть во многом интуитивно, но постичь систему и структуру языка в ее целостности.

И произошло это по причине очень простой — из-за изменения отношения учеников к этим предметам.

Не секрет, что все люди, в том числе и ученики, в большей или меньшей степени прагматичны. И тратить силы на то, что им, по их собственному мнению, не понадобится в ближайшем будущем, не спешат. А готовиться теперь нужно в первую очередь к диктанту (9 класс) или изложению (11 класс). И дальше, если есть намерение поступить в высшее учебное заведение, — к централизованному тестированию по русскому или белорусскому языку (на выбор). Следовательно, изучение литературы стало делом второстепенным. И не обязательно читать программные произведения, особенно объемные, полностью. Тем более, что это так трудно. Можно в крайнем случае обойтись знакомством с ними в кратком изложении. А найти такого рода «пособия» в том же Интернете не составляет особого труда. Таким образом, степень положительного влияния изучения литературы на постижение системных и структурных особенностей языков в той или иной мере, в зависимости от личности конкретных учеников, снизилась.

Нынешние формы школьных экзаменов по языку, по сути, не позволяют оценить степень владения учениками речью. С помощью диктанта можно проверить разве что степень усвоения правил грамматики. По сути, немногим отличается от диктанта и изложение, фактически письменный пересказ готового текста, но не самостоятельное его создание. Для этого достаточно владения вторым, репродуктивным уровнем усвоения знаний. А третий, продуктивный уровень усвоения учебной программы, т. е. способность добывать субъективно новую (т. е. новую только для себя) информацию о возможностях выполнения нетипового действия на основе уже изученного материала [1], в большинстве случаев не достигается.

Приблизительно то же самое можно сказать и о централизованном тестировании. В наше время количество баллов, полученных на нем, определяет для выпускников школы как саму возможность получить высшее образование, так и условия его получения (за счет бюджета или платно). Кроме того, по результатам ЦТ учеников во многом оценивается и работа учителей. Вполне логично, что это ориентирует как учителя, так и учеников, будущих абитуриентов, прежде всего на усиленную подготовку, если не сказать натаскивание, к ЦТ. Тесты стали активно использоваться и в школе (порой с пятого класса), и в высших учебных заведениях.

Надо признать, что само по себе тестирование как инструмент проверки знаний имеет ряд бесспорных достоинств. Во-первых, оно позволяет оперативно получить данные о степени усвоения обучаемыми или абитуриентами теоре-

тического материала почти по любой учебной дисциплине и в любом его объеме. При этом все испытуемые находятся в равных условиях, в оценке их знаний отсутствует фактор субъективности, что сводит на нет и возможную коррупционную составляющую во вступительных экзаменах.

Однако и недостатков у тестирования не меньше, чем положительных моментов. Да, с помощью тестирования можно точно «прощупать» знание испытуемым теоретического материала. Однако проверить умение творчески использовать его в практической речевой деятельности, умение связно, доказательно и логически последовательно излагать свои мысли тестирование на нынешней стадии развития цифровых технологий не позволяет. Пока что с его помощью можно оценить степень овладения тестируемыми не системными и структурными особенностями языка в его целостности, а только грамматикой. Косвенно подтверждают эту мысль и высказывания педагогов-практиков, школьных учителей.

«Какие же навыки требуются от учеников для успешного выполнения тестов? — пишет учительница белорусского языка с Бобруйщины. — Я с уверенностью могу сказать, что нужны в большинстве своем совсем иные умения и навыки, чем при написании диктантов, пересказов. По словам Т. П. Диндиковой, «эти виды деятельности ориентированы на чтение, слушание, передачу в устной или письменной форме прочитанного или воспринятого на слух текста, создание текста на основе данного, **самостоятельное связанное высказывание своих мыслей, чувств, размышлений, мнений на определенную тему. Работа же с тестом почти не требует этих навыков** (только в части Б, где надо написать без ошибок найденный ответ)» (перевод и выделение текста наши. — Н. К.) [2].

Действительно, тестовые задания в их классической форме не предполагают создания связанных текстов. Это сводит к нулю возможность оценить степень владения испытуемыми системными и структурными особенностями языка на высших его уровнях. И, собственно, ни в коей мере не способствует овладению ими. Фактически тесты нацелены на проверку знания только правил орфографии и пунктуации, причем на материале фрагментарном — на отдельных, не связанных между собой словах, словосочетаниях или предложениях. Все это, на наш взгляд, **не только соответствует особенностям клипового мышления, но и способствует его утверждению в качестве основного.**

Перед испытуемыми стоит задача воспроизведения стандартных операций на репродуктивном уровне и не более того. Безусловно, для этого тоже нужны определенные знания и умения, навыки логического мышления. Заметим, однако, что в части тестовых заданий (множественный выбор) есть и «под-

сказки» в виде правильных ответов, что позволяет испытуемым в ряде случаев опираться даже не на логику, а на элементарное узнавание. Но их способность воспроизвести те же речевые единицы в самостоятельной речевой деятельности вызывает сомнения. Уж слишком много ошибок допускают студенты в письменных работах.

Проблема возможной взаимосвязи «клипового» мышления и тестирования как основного способа оценки овладения системными и структурными особенностями языка до сих пор не нашла более-менее основательного научного освещения. Но уже вскоре после введения ЦТ педагоги на опыте убедились в наличии существенных недостатков тестирования как универсального инструмента оценки знаний и умений учеников не только по дисциплинам гуманитарного цикла. Педагоги-практики все чаще приходят к выводу, что использование тестов далеко не всегда оправдано. И предлагают шире практиковать на занятиях дискуссии, пересказы текстов и т. п., что в какой-то мере может «повернуть» учеников к овладению аналитическим мышлением.

Рациональное зерно в этих предложениях, безусловно, есть. Но возможность их практического осуществления сомнительна. Во-первых, потребуются весьма значительные затраты времени, которого на изучение программного материала и так отведено, что называется, в обрез. А во-вторых, и это главное, у учеников нет особого желания заниматься тем, что не понадобится непосредственно для прохождения ЦТ.

Как видно, ситуация с уровнем подготовки выпускников средних школ тревожит и руководство страны. Не случайно Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в августе 2019 года отметил, что, возможно, придется где-то совершенствовать систему поступления в вузы. И выразил свое беспокойство тем, что абитуриент «не сдает экзамены лицом к лицу с экзаменатором, с преподавателем вуза или других учебных заведений» [3]. Однако найти оптимальный выход из создавшегося положения не так просто. Образование имеет много аспектов — и чисто педагогических, и организационных, экономических, социальных, даже политических.

Фигурально выражаясь, образование, как школьное, так и высшее (и не только в нашей стране), оказалось в каком-то смысле между Сциллой и Харибдой. Возвращение к сочинению как форме выпускных и вступительных экзаменов, вполне возможно, приведет к повышению уровня подготовки выпускников. Но в то же время не позволит обеспечить единый уровень объективности оценок на экзаменах, свойственный тестированию. Кроме того, вполне возможны и проявления коррупции, что может снизить значение образования как социального лифта и противоречит самой идее социальной справедливости.

С другой стороны, тестирование, в том числе и ЦТ, привлекает объективностью оценок, возможностью исключения проявлений коррупции. Но в то же время не стимулирует развитие логического, «книжного» мышления молодежи, поскольку требует усвоения знаний в основном на репродуктивном уровне. А это в целом грозит обесцениванием самого главного капитала страны — капитала человеческого. В том числе и за счет невозможности отобрать для обучения в вузах абитуриентов с наиболее высокой степенью развития мышления, умения творчески применять знания, что и является главной целью вступительных экзаменов.

Как видим, проблема повышения качества образования сложна, многогранна и пока не нашла кардинального решения. Но важно, что она замечена уже и на государственном уровне. Это пробуждает надежду на изменение положения к лучшему.

1. Красникова Е. Ю., Татур Ю. Г. Адекватность целей и методов в педагогических системах [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adekvatnost-tseley-i-metodov-obucheniya-v-pedagogicheskikh-sistemah> (дата обращения: 02.02.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Дымар В. В. Сістэма падрыхтоўкі вучняў да цэнтралізаванага тэспіравання па беларускай мове [Электронный ресурс]. URL: <http://roo.bobruisk.edu.by/be/main.aspx?guid=34081> (дата обращения: 02.02.2020). [Вернуться к статье](#)

3. А. Лукашенко: «Нам, возможно, придется совершенствовать систему поступления в вузы» [Электронный ресурс]. URL: <https://kudapostupat.by/article/item/id/2021> (дата обращения: 02.02.2020). [Вернуться к статье](#)

M. M. Korotkov

Between Scylla and Charybdis

The influence of changing the form of final school and entrance exams in universities on the level of mastering by schoolchildren of the systemic and structural features of the Russian and Belarusian languages is considered. It is argued that their mastery at the higher levels of the language to a certain extent decreased due to the replacement of essays with dictations and expositions, the widespread use of testing, including CT. It is noted that testing in its current form corresponds to the «clip» type of thinking and contributes to its approval as the main one. To complete the tests, the reproductive level of knowledge assimilation is sufficient, which does not contribute to the development of students' thinking and does not allow to appreciate its level at its true worth during the entrance exams.

УДК 378

G. W. Kotowa

*Dozentin des Lehrstuhls für Fremdsprachen
Föderale staatliche Fiskushochschulbildungsanstalt
der beruflichen Hochschulbildung*

*«Fernöstliche juristische Hochschule des Ministeriums des Innern Russlands»
Dozentin (Dozentur) (Chabarowsk, Russland)*

KULTUROLOGISCHES POTENTIAL VOM INHALTSBEREICH DER FREMDSPRACHENVERMITTLUNG AN DER JURISTISCHEN HOCHSCHULE DES MDI RUSSLANDS

Die Vermittlung von Fremdsprachen ist ohne Entwicklung der Fähigkeit zur interkulturellen Kommunikation nicht wegzudenken, denn das anzueignende Kenntnisfeld erweist sich im Grunde genommen als antropologisch- und somit ontologischzentrierter Kulturraum. Es wird ein Überblick vom kulturgeladenen Wörterbestand im Deutschen präsentiert, inklusive Realia, äquivalentlose Lexik, Historismen, Termini, Präzedenzenamen, Phraseologismen. Bei jeder Gruppe wird es auf deren sprachlichen Eigenschaften eingegangen. Es wird betont, dass die Zuwendung der die Kultur der Nation prägenden Lexik im Zeichen des Mit-Erlernens und Gleichgewichts von Kulturen geschehen soll. Nur bei diesem Ansatz ist es dem Werden eines gebildeten und sittlichen Spezialisten gedient.

Die Teilmethodik der Vermittlung von Fremdsprachen an der Fernöstlichen juristischen Hochschule des Ministeriums des Innern (Mdi) Russlands verwirklicht sich im didaktischen Koordinatensystem, das für den Lehrprozess unter den gegebenen Umständen bestmöglich ist. Dem Endziel der Teilmethodik sind all ihre Strukturelemente untergeordnet, vor allem der Lehrinhalt als Fundament der Kenntnisse und Fertigkeiten, die die Aneignung der Fähigkeit der Lernenden zur interkulturellen Kommunikation ermöglichen. Kulturologisch geprägt sind alle inhaltlichen Bestandteile, doch besonders kulturbezogen ist themenzentrierter Teil, der die Kenntnisse der einschlägigen beruflichen, sozialen und landeskundlichen Ausrichtung auf sich vereinigt.

Die kulturologische Schicht von jedem Thema ist vielfältig. Sie ist präsentiert durch eine Reihe der sprachlichen Einheiten, die charakterlich und strukturell verschiedenartig, doch alle gleichermaßen „kulturtragend“ sind. Denn ausgerechnet kumulative Funktion der Sprache lässt die Weltkenntnisse des Volkes, seine Erfahrungen und Wertvorstellungen in der Sprache speichern und aufbewahren. Dabei kommt der Kultur eine außerordentliche Rolle zu, weil man sie als ein mentales antropozent-

risches System der Welteinrichtung in der Sprache sowie auch als ein Verfahren der Welterschließung durch Menschen betrachtet, so dass sich somit das ganze anzueignende Kenntnisfeld als Kulturraum erweist. In dieser Hinsicht sei es zu betonen, dass sich die Aneignung der fremden Kultur beim Studium der Fremdsprache (vorrangig durch den lexikalischen Aspekt) parallel dem Mit-Erlernen der muttersprachlichen Kultur als besonders erfolg- und lehrreich bewährt.

Mittlerweile sei es zweckmäßig, nicht nur das Gemeinsame, sondern auch das Verschiedene, Abweichende in den wörtlichen Begriffen (Lakunen, so G. W. Kolchanski) der beiden Sprachen aufzuzeigen, das durch die nationalkulturelle Spezifik bedingt ist. Zu so einem Wörterbestand gehören vor allem Realia, darunter äquivalentlose Lexik. Des Öfteren haben Realia in den Vergleichssprachen den ähnlichen begrifflichen Basis, doch unterscheiden sich voneinander durch die Ausdrucksweise — je nach der Assoziation, d.h. dem der Nominierung der Erscheinung zugrunde gelegten Bild. Vgl.: *Mlečný put'*, *Milchstraße*, aber *Kranichweg* (ugrofinische Sprachen), *Silberfluss* (Chinesisch). Zu berücksichtigen sei auch die territorial-nationale Zugehörigkeit von Realia innerhalb eines gemeinsamen Sprachareals, z.B. die deutsche (Amtsgericht) und österreichische (Landesgericht) Varianten der Bezeichnung vom Gericht erster Instanz.

Ihrerseits sei die äquivalentlose Lexik jedoch als maximal spezifische Nominierung der Gegenstände und Erscheinungen zu betrachten. Die Bekanntmachung unserer Studierenden mit solchen Wörtern (*sheriff*, *Marshal*) dreht sich jeweils um die öffentlich-politischen und rechtlichen Sachgebiete (Verwaltung, Staat, Rechtspflege, Rechtssystem usw.). Die Auswahl der betreffenden Lexik erfolgt entsprechend der Gebräuchlichkeit, Aktualität, Normalität, Zweckmäßigkeit [1, s. 86–87].

Hierzu zählen auch Historismen (Blitzgesetz, Feme, Freigericht, *justiciar*, *relocation center*) und Symbolismen / Symbolwörter (*The Hill* für den Kapitolinischen Hügel; das *Brandenburger Tor* als Friedenstor; *Wall Street*, das höchste Finanzamt der USA). Nebenbei sei bemerkt, dass es beim Explizieren dieser Wörter ab und zu zum Bruch von falschen Stereotypen kommt.

Die Kulturkomponente der Sachbedeutung ist auch in der begrifflichen Struktur von Fachwörtern (Termini) präsenz, worunter viele Latinismen anzutreffen seien, die selbst von besonderen Wegen der Kulturgestaltungsprozesse in den jeweiligen Ländern zeugen. Bei ihrer Übersetzung ins Russische werden die Transliteration oder das phonische Verfahren (Transphonieren) angewandt, begleitet von der erklärenden Bemerkung, z. B. *felony* felonija (das schwere Verbrechen), *juvenile* juvenil'nyj (minderjährig, jugendlich), *Domizil* domicil' (Wohnort).

Unser Interesse gilt auch den Präzedenznamen, z. B. *Miranda* (warnings), *Carolina* (Codex), *Hoover* (FBI Chief), *Lewinski* (ein Flittchen), weil jeder davon ein bestimmtes Stück Wirklichkeit samt soziokulturellen Zusammenhängen birgt.

Die weitere Gruppe der „kulturgeladenen“ Wörter beinhaltet konnotative Lexik (Überbegriff von E. M. Wereschtchagin und W. G. Kostomarow). Sie zeichnet sich durch emotionell-bildliche Komponente und Expressivität in der lexikalischen Bedeutung der Wörter sowie durch einen axiologischen Hintergrund aus. Im Allgemeinen umfasst sie Lexemen von entgegengesetzter Wertausrichtung: Volkssuperlative, Euphemismen, Argotismen, Slang, methaphorisch markierte Termini. Die bewertende Komponente lässt sich in der semantischen Struktur der genannten Wörter unregelmäßig präsentieren. Während Volkssuperlative eine (bipolare) Bewertungskomponente in Übermaß haben (*mäusetot*, *red-handed*, aber *kreuzehrlich*), so weisen die Fachwörter eine implizite Bildhaftigkeit auf, z. B. *Münzbetrug* Verbreitung vom Falschgeld, *Wartegeld* Strafe für Stillstandzeit.

Den Argotismen und dem Slang ist eine besonders erhöhte Expressivität eigen. Obwohl solche Lexik eine sprachliche Randerscheinung vom marginalen Charakter darstellt, nehmen die Studierenden — in Anbetracht der Spezifik der Polizeihochschule — auch in die Liste der erwähnten Vokabeln Einsicht. Diese Lexik, die meistens der Diebessprache entspringt und dieselben Funktionen (die der Kommunikation und der Identifizierung) beibehält, wirkt dank einem unerwarteten bildhaften Vergleich sehr intensiv, hyperbolisch, ja auch paradox [2, s. 7].

Die Erkennungspalette beim Vergleich von *flash* und den russischen Jargonismen ist sehr breit, denn hier sind sowohl absolutes begriffliches Zusammentreffen, als auch bedingt korrelative Begriffe bei den Äquivalenten zu beobachten. Vgl.: *Schnee* / *sneg* und *Koks* / *koka* Kokain; *Knarre* / *chlopuška* Pistole; *Pumpe* / *nasos* Spritze des Drogenüchtigen; *Blume* / *trava* Rauschgift zum Rauchen; *Locke* / *kučervavj* Glatzkopf; *Pfeifer* / *baraban* Zuträger; *Bullentaxi* / *mentovoz* Streifenwagen; *Grasseater* / *ljubitel' «zeleni»* Bestechungsnehmer.

Bekanntlich machen die Entlehnungen aus dem Englischen einen großen Anteil in beiden betreffenden Sprachen aus, darunter auch im russischen und deutschen Slang, z. B.: *Rippen*, *Pusher* / *pušer*, *Speed* / *SPID* (Rauschgift der Amphetamingruppe), *Fixer* usw. Zu diesem Wörterbereich gehören auch *Buchenal'd* (Party mit Drogen- und Alkoholkonsumieren), *gerluška* (Mädchen), *chajuški* (*Hi*), *jus* / *Ami* (Amerikaner).

Zwecks der Schaffung neuer Begriffe wird die neutrale Ausgangsbedeutung der schon existierenden Wörter entweder durch das Umdeuten oder mittels der Zufügung der pejorativen Morpheme abgewertet (*sledak*, *Egalo*, *Geldo* / *den'žata*). Ihrerseits ist die Bildlichkeit in der Regel vom methaphorischen oder methonymischen

Ursprung (vgl.: *Weißer Mäuse* Polizei / *mentozavry* Miliz; *to piece off* / *otlamyvat* 'bestechen'; *a cat burglary* Wohnungsdiebstahl. Auf analoge (umdeutende) Weise werden etliche Euphemismen gebildet, die gerade aus diesem Grunde von den russischen Studierenden auch sehr oft falsch verstanden werden, wegen der semantischen Unbestimmtheit, welche dazu da ist, um die negative Bewertung des stigmatischen Denotats zu mildern und sie durch positive Konnotationen im signifikativen Bedeutungsteil zu ersetzen, ohne dass der wirkliche, wahre Sinn der Aussage verletzt wird [3, s. 71]. So können Missverständnisse entstehen beim Semantisieren solcher Wörter / Ausdrücke wie *capital punishment* (Todesstrafe), *sweet* (peinliches Verhör anstellen), *Alkoholsünder*, *Freitod*, *Mantelkind*.

Eine weitere gesonderte Gruppe setzt sich aus falsch assoziierten Wörtern zusammen, die man „falsche Freunde des Übersetzers“ nur bedingt nennen kann, da deren falsche Bewertung allein auf der mangelnden Kenntnis der Lernenden bezüglich der Valenzfähigkeit von betreffenden Wörtern beruht, was unvermeidlich für das Aufkommen vom komischen Effekt sorgt. Vgl: *criminal's place* — *crime scene*, *criminal matter* — *criminal case*, *Fruchtwasser* — *Obstsaft*, *Weichtier* — *Stopftier*.

Bei der Unterrichtsarbeit an der Lexik ist heute auch von den sogenannten politischen Euphemismen (der Lexik der politischen Korrektheit) nicht wegzudenken. Mit deren Hilfe lassen sich die Erscheinungen deskriptiv, meistens als *understatements* bezeichnen, was immer öfter als unvernünftig, ja manchmal sogar absurd und unsinnig eingeschätzt wird (vgl.: *senior citizens* anstatt *old age pensioners*, *slippage* anstatt *crises*, *Einkommenschwache* anstatt *Arme*, *die soziale Waise* im Russischen für *das Kind der trinksüchtigen Schmarotzer*). Leider erfreut sich dieser Trend heute der allgemeinen Popularität. Das gilt gleichermaßen für zahlreiche Neuentlehnungen, vorwiegend aus dem Englischen ins Russische wie ins Deutsche.

Der Prozess hat dermaßen den Aufschwung genommen, dass man jetzt mit Recht vom *Russian English* und *Denglisch* spricht. Zweifelsohne ist es heute sinnlos, sich auf den Gebrauch der Anglizismen und Amerikanismen zu verzichten, die gegenwärtig aus vielen objektiven Gründen bequem und eindeutig für die Sprechenden geworden sind. Doch dazu kommt noch der verstärkte Einfluss des Englischen im Bereich der Wortbildung und auf der syntaktischen Ebene, infolgedessen in den entlehrenden Sprachen die Entwicklung der analytischen Eigenschaften zu verzeichnen sei. Es ist besonders in der russischen Sprache zu verspüren, während im Deutsch, einer westgermanischen Sprache, diese Tendenz nicht so exotisch empfunden wird (vgl.: *No-go-Zeit*, *Go-between* (im Deutschen) und *kasting-direktor*, *Gorbačëv-fond*, *master-klass* usw. im Russischen).

Unter diesen Umständen soll der Dozent seine Bemühungen dazu aufbringen, damit die Studierenden eine kritische Einstellung zu der mitunter aggressiven anglo-

sächsischen sprachlichen Expansion gewinnen, die letzten Endes auf die Herausbildung neuer künstlichen Superkultur mit ihren Pseudoinhalten gezielt ist, welche unseres Erachtens die nationale (russische) Mentalität und ureigene Werte der muttersprachlichen Kultur zu gefährden suchen. Leider treten heute moderne Informationstechnologien als mächtiger Faktor der Transformation von nationalen Kulturen in den Bereichen auf, die dem Einfluss mittels des globalen computervernetzten Kommunikationsraums besonders zugänglich sind [4, s. 36].

In diesem Zusammenhang sei hervorzuheben, dass der Dialog von Kulturen, der bestimmt das Erlernen und Mit-Erlernen von Sprachen erleichtert, ohne Aufzwingen der kultursprachlichen Produkte — wem auch immer — stattfinden soll.

Andererseits sollen wir im „Dialogfeld von Kulturen“ (W. S. Bibler) zwischen seiner äußeren (synchronischen, interethnischen) Ebene und einer inneren (diachronischen intraethnischen) Ebene unterscheiden. Logisch gesehen, kann man behaupten, dass der interethnische Kulturdialog desto erfolgreicher, je fruchtbarer der diachronische Dialog von Kulturen verschiedener historischen Epochen im Rahmen eines ethnischen Raums verläuft. Es ist axiomatisch, dass die Anreicherung und das Fortbestehen der Kulturinhalte nur in einer ununterbrochenen Existenzkette der Generationen im Kontext des Dialogs von Kulturen der Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft möglich seien. Dabei bleibt der Kern der ethnischen Kultur ungeachtet der sozialen und historischen Umwandlungen zu allen Zeiten weiter bestehen. Diese These wird von Phraseologismen belegt, die aus alten Zeiten gekommen sind, aber bis heute ihr Kolorit und die Ästhetik beibehalten haben.

In den Phraseologismen sind alle Aspekte des materiellen und geistigen Daseins, aber auch Gefühle und intellektuelle Eigenschaften des Volkes in den in Anlehnung an die Tier- und Pflanzenwelt anthropomorph gestalteten symbolischen Formen verankert. Sie vermitteln in ihrer Gesamtheit ein lebendiges phraseologisches Weltbild, das ständig mit „neuen Phraseologismen“ (*relation reloading, matrix change, soft landing, „Good-buy, Lenin“*) ergänzt wird. Grammatisch sind es Wortverbindungen, inklusive prädikative, aber auch ganz vollendete Sätze. Die letzteren sind Formen vom Mikrodiskurs, und zwar: geflügelte Worte, Sprüche samt ihrer kinematographischen Variante — den Kinematologismen („I’ll be back“), — Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten. Die Bekanntschaft mit dieser Lexik ist vom großen Nutzen, denn sie ist nicht nur authentisch und informativ, sondern auch weist auf die engen Zusammenhänge von dem Nationalen und dem Internationalen, dem Ureigenen und dem Assimilierten. Doch auch mehr als das. Die Phraseologismen offenbaren die genetische Verbindung der Sprachen in Kategorien der begrifflichen Universalien. Vgl.: 1. Guter Rat kommt über Nacht. Utro večera mudrenee. 2. In der Not schmeckt jedes Brot. Golod ne tětka. 3. Not kennt kein Gebot. Nužda zastavit.

Das Positive an der Arbeit mit den Sprichwörtern besteht (außer der sprachlichen Komponente) im Forschungsgeist und heuristischem Ansatz, weil Studierende auf der Suche nach Äquivalenten eine experimental-kreative Arbeit leisten, indem sie verschiedene Varianten in Betracht ziehen, um die maximal treffende zu finden.

Auch die Zuwendung dem etymologischen Aspekt scheint im Unterricht sehr wichtig zu sein. Die Bekanntmachung der Studierenden mit den sprachgeschichtlichen Kenntnissen stützt sich nicht nur auf Unterhaltungsmomente. Die Etymologien lassen sie die Zusammenhänge und Wechselwirkungen der Sprachen ergründen, die Dialektik der sprachlichen Entwicklung entdecken sowie deren Quelle (indoeuropäische Ursprache) zurückverfolgen. Vgl. Krov — roof, slabet' — sleap / schlafen, eda — eat / essen, peskar' — Fisch / fish (altenglisch fisc). Thematisch können die etymologischen Betrachtungen historische Fakten, geografische Bezeichnungen, existenziale Lexik, kulturelle Artefakte usw. ansprechen. So ein Rückblick in die Vergangenheit bringt die Gegenwart näher und trägt zur besseren Aneignung der Kenntnisse und schnelleren Erlernung der Wörter bei. So wird ohne Zweifel für diejenigen, die Englisch studieren, vom Interesse sein, dass *Stonehenge*, spätneolithische bis bronzezeitliche Kultanlage, wortwörtlich „Hängende Steine“ (stone + hang) bedeutet, oder dass *London* aus dem keltischen Llyn-dun (Festung am Fluss) stammt.

In den heutigen Verhältnissen der Globalisierung, die den soziokulturellen Wirkungsraum der Nationen beeinflusst, sei die tolerante und freundliche Einstellung zu anderen Völkern und Kulturen als das höchste Gebot des Zusammenwirkens anzusehen. Da jede Deutsch- oder Englischstunde sich als „eine Kreuzung der Kulturen“ erweist [5, s. 25], soll sich der Dozent im Unterricht von dem Grundsatz des Gleichgewichts von Kulturen leiten lassen. Dabei soll er bei den Studierenden sowohl die Achtung den fremden Kulturen gegenüber, als auch die Einsicht der Zugehörigkeit zum muttersprachlichen Sozium mit seinen Traditionen und Werten fördern. In dem Sinne ist die Bildung berufen, den Jugendlichen die diesen Werten adäquaten sittlichen Verhaltensnormen beizubringen, so dass sie später im beruflichen und privaten Leben den Herausforderungen der Zeit gerecht werden, ohne dabei Moral und Äthik zu verwerfen. Es ist bemerkenswert, dass ähnliche Strategien auch im Schoss der anderen ethnischen Kulturen zu finden seien. Hier soll es noch hinzugefügt werden, dass Kulturbezogenheit der modernen Hochschulbildung nicht nur als deren einen der strategischen Aufgaben betrachtet wird; sie ist auch eng verbunden mit dem ontologischen Aspekt des Menschen (des Subjektes des Seins) und der Person, der heutzutage näher zu erforschen sei [6, s. 40].

Somit sind die Vermittlung der Fremdsprachen im Kontext des Mit-Erlernens von Kulturen sowie das Studium der Fremdsprachen aus der Perspektive der Erschließung der kulturologischen Kenntnisse dazu befähigt, zum Werden eines gebil-

deten, sittlichen und kulturgesinnten Spezialisten zu verhelfen, in dessen geistigen Struktur die Triade „eine Persönlichkeit — ein Bürger — ein Professioneller“ sich geltend machen könnte. Nämlich darauf kommt es der Teilmethodik der Vermittlung der Fremdsprachen an der Fernöstlichen juristischen Hochschule des Mdi Russlands.

1. Veresčagin E. M., Kostomarov V. G. Jazyk i kultura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo. M. : Russkij jazyk, 2-e izd. 1976.

[Вернуться к статье](#)

2. Kolomic E. Russko-nemeckij slovar' sovremennogo molodëžnogo žargona. M. : AST : Vostok-Sapad, 2005. 326 s. [Вернуться к статье](#)

3. Potapova N. M. Osobnosti semantiki evfemizmov v jazyke delovogo obščeniya // Jasyk, soznanie, kommunikacija : sb. st. M. : MAKS Press, 2007. Vyp. 35. S. 71–79. [Вернуться к статье](#)

4. Mironov V. V. Kommunikacionnoe prostranstvo kak faktor transformacii sovremennoj kultury i filosofii // Voprosy filosofii. 2006. № 2. S. 27–43. [Вернуться к статье](#)

5. Ter-Minasova S. G. Jazyk i mežkulturnaja kommunikacija : Učebnoe posobie. M. : Slovo/Slovo, 2000. 264 s. [Вернуться к статье](#)

6. Gončarova V. A. Ot inojazyčnoj kommunikacii do ontologii čelovečnosti: Jesčo raz o celjah obučenija inostrannym jazykam // Innostrannye jazyki v škole. 2019. № 12. S. 38–41. [Вернуться к статье](#)

Г. В. Котова

Культурологический потенциал содержания обучения иностранному языку в юридическом вузе МВД России

Овладение иностранным языком в контексте соизучения культур реально способно помочь каждому изучающему не только в интериоризации культурологических знаний, но и его становлению как личности, гражданина, профессионала. В этом собственно и заключается сам пафос частной методики обучения иностранному языку в юридическом институте МВД России. Обогащению когнитивно-личностной сферы обучаемых способствует также обращение к различным разрядам лексики, открывающей широкие культурные горизонты в формате постижения языковой и концептуальной картин мира носителей изучаемого языка. Значение данного феномена многократно усиливается в условиях современного социально-политического взаимодействия народов и государств, находящихся на платформе толерантного культуросообразного созидательного взаимодействия.

УДК 378.147

Л. С. Кравчук

*заведующий кафедрой иностранных языков
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина, доцент*

ИНОЯЗЫЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

В статье рассматриваются проблемные вопросы формирования и развития иноязычной коммуникативной компетенции сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, необходимой для обеспечения эффективного общения в профессиональной среде. Автор описывает опыт организации иноязычной подготовки в Бел ЮИ МВД России имени И. Д. Путилина в рамках реализации концепции обучения межкультурному профессиональному взаимодействию полицейских в современном информационно-коммуникационном пространстве.

В современном мире насущной проблемой является переосмысливание роли и значения образовательной парадигмы в формировании коммуникативно-дискурсивного пространства. Ученые отмечают, что «образование объединяет традиции и инновации, обеспечивая их преемственность, формирует базу для развития межкультурных контактов в гуманитарном пространстве» [1, с. 31].

Образовательный контекст в Российской Федерации имеет тенденцию к использованию инновационных подходов, вызванных модернизацией системы образования, которая призвана соответствовать требованиям глобализации. В федеральных государственных образовательных стандартах предусмотрены серьезные преобразования в сфере профессиональной подготовки обучающихся по иностранному языку, так как в качестве составной части общекультурного компонента образования иностранный язык является дисциплиной, обязательной для изучения [2].

Различные аспекты проблемы профессионально ориентированного обучения рассматривались в научных работах известных российских ученых А. А. Вербицкого, Н. Д. Гальсковой, Н. И. Гез, М. Г. Евдокимовой, И. А. Зимней, Н. Ф. Коряковцевой, Н. П. Хомяковой и др. Анализ актуальных исследований свидетельствует, что «особую актуальность приобретает профессионально ориентированный подход к обучению иностранному языку, который предусматривает формирование у студентов способностей иноязычного общения в конкретных профессиональных, деловых, научных сферах и ситуациях с учетом особенностей профессионального мышления» [3, с. 122]. Приоритетным

направлением в обновлении образования является профессионально ориентированное обучение иностранным языкам в контексте профессиональной деятельности.

Инновационные векторы развития лингвистического образования в образовательных организациях нефилологического профиля определяются общемировыми тенденциями: демократизацией (доступность и свобода выбора); интернационализацией (академическая мобильность обучающихся); гуманизацией (направленность на развитие личности); диверсификацией (разнообразные модели и уровни образования); фундаментализацией; профессионализацией (соответствие получаемого образования будущей профессиональной деятельности); индивидуальным подходом в образовании; компьютеризацией образовательного процесса; осуществлением обучения в течение всей жизни человека в современном обществе. Неразрешенной в полном объеме на данном этапе функционирования образовательной системы МВД России является проблема организации иноязычного образования в контексте профессиональной подготовки сотрудников полиции. До настоящего времени проблемными остаются вопросы обучения профессионально ориентированному иноязычному общению сотрудников полиции с учетом особенностей профессиональной коммуникации в современных условиях, специфики деятельности полицейских в качестве ключевой детерминанты.

Целью данной статьи является исследование и определение действенных методов и средств формирования и развития иноязычной коммуникативной компетенции сотрудников полиции для обеспечения эффективного общения в профессиональной среде; рассмотрение возможностей дальнейшей разработки методических инструментов для обучения межкультурному профессиональному взаимодействию полицейских в современном информационно-коммуникационном пространстве.

Владение иностранным языком — это обязательный и неотъемлемый компонент общей профессиональной культуры современного сотрудника органов внутренних дел. Полицейский, обладающий высоким уровнем знаний иностранного языка, имеет большие перспективы в развитии своей профессиональной личности в условиях интернационализации полицейского взаимодействия, хорошие возможности карьерного роста, обладает высокой мотивацией к самореализации, успешной правоохранительной деятельности. Сформированные иноязычные речевые навыки обеспечивают сотруднику полиции владение новейшей профессиональной информацией из зарубежных источников, способствуют повышению квалификации, росту социальной и профессиональной мобильности, успешному взаимодействию с зарубежными коллегами [4].

Таким образом, поскольку иностранный язык является компонентом профессиональной подготовки, основной целью иноязычного образования сотрудников полиции является формирование и развитие межкультурной профессионально ориентированной коммуникативной компетенции, что потребовало разработки концепции профессиональной направленности обучения иностранному языку в образовательной организации нефилологического профиля [5]. Профессиональная направленность является основным методическим принципом профессионально ориентированной системы обучения, включающей взаимосвязанные подходы к обучению, принципы, цели, задачи, содержание, методы, средства, организационные формы, процесс обучения.

К основным инновациям в сфере иноязычного образования в образовательных организациях МВД России относятся: компетентностный подход как категория образовательной парадигмы, формирование и развитие коммуникативной компетенции сотрудников полиции для осуществления межкультурной коммуникации, преобладание личностно-деятельностной модели обучения, профессионализация и практическая направленность курса иностранного языка, применение современных методов и средств обучения, усиление роли самостоятельной работы обучающихся.

Основными задачами деятельности кафедр иностранных языков образовательных организаций МВД России являются: реализация требований федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения к результатам освоения основной образовательной программы подготовки специалистов для органов внутренних дел; моделирование процесса профессиональной межкультурной коммуникации с использованием интерактивных, проектно-исследовательских и других инновационных технологий, определяющих современный уровень преподавания иностранных языков; формирование профессиональной компетенции курсантов и слушателей в процессе обучения иностранному языку; осуществление профессионализации курса обучения иностранному языку; исследование потребностей курсантов и слушателей в изучении иностранного языка и условий применения его выпускниками института в профессиональной деятельности; определение содержания курса обучения иностранному языку на базе предметного и социокультурного контекстов профессии полицейского; осуществление моделирования в учебном процессе ситуаций профессионального общения; повышение преподавателями языковой и педагогической квалификации.

В связи с инновационными процессами в иноязычном образовании в Белгородском юридическом институте МВД России имени И. Д. Путилина осуществляется реализация концепции развития лингвистического образования со-

трудников органов внутренних дел, направленная на обеспечение повышения качества образования в области иностранных языков, имеющая главной и конечной целью формирование профессионально ориентированной иноязычной компетенции выпускников.

При разработке концепции развития лингвистического образования основное внимание уделено совершенствованию профессионально ориентированной иноязычной подготовки обучающихся; повышению профессионально ориентированной иноязычной компетенции профессорско-преподавательского состава; обновлению информационно-обучающей языковой среды.

Реализация языковой подготовки в таком контексте ставит перед преподавателями кафедры задачу моделирования процесса профессиональной межкультурной коммуникации. Особое значение при этом приобретают интерактивные, проектно-исследовательские и другие инновационные технологии. Требования к профессионализации обучения и использование в образовательном процессе инновационных педагогических технологий способствовали активизации творческой научно-методической деятельности профессорско-преподавательского состава кафедры при разработке практико-ориентированных учебных и учебно-методических пособий, обеспечивающих решение задачи моделирования процесса профессиональной межкультурной коммуникации с применением инновационных технологий, в том числе электронного обучения: практические курсы английского и немецкого языков; русско-английские и русско-немецкие разговорники для сотрудников полиции, обеспечивающих безопасность и правопорядок при проведении массовых мероприятий спортивного характера; профессионально ориентированные словари, лексические минимумы для полицейских; хрестоматии для внеаудиторного чтения; методические пособия для самостоятельной работы обучающихся.

Большое значение имеет использование возможностей дистанционного обучения для организации контроля усвоения знаний в форме дидактического тестирования и онлайн-экзаменов.

В рамках оптимизации системы подготовки научно-педагогических кадров осуществляется разработка дидактических материалов, направленных на формирование способностей адъюнктов к профессионально-научной деятельности средствами иностранного языка; организация смешанного обучения адъюнктов с применением электронного образовательного курса на платформе Moodle; обеспечение высокого уровня иноязычной подготовки адъюнктов для пользования базами данных Web of Science, Scopus при подготовке рефератов и научных работ. Увеличение научного потенциала профессорско-преподавательского состава кафедры осуществляется путем развития научно-

образовательных коммуникативных компетенций педагогов в ведущих научных центрах в форме участия в вебинарах, видеоконференциях и дистанционных курсах повышения квалификации; повышения научной активности профессорско-преподавательского состава кафедры, публикации статей в рецензируемых научных изданиях и зарубежных журналах.

В рамках обновления материально-технической инфраструктуры кафедры происходит регулярное обновление оптимальных информационно-библиотечных условий для реализации образовательных программ.

Итогами реализации концепции иноязычного образования в контексте профессиональной подготовки сотрудников полиции являются:

1. Расширение содержания и концентрация профессионально ориентированного курса иностранного языка на достижении профессиональной адекватности выпускников института.
2. Моделирование профессионально обусловленных ситуаций в образовательном процессе.
3. Изменение формы и методов оценки и контроля уровня знаний.
4. Качественные изменения параметров самостоятельной работы обучающихся.
5. Реализация инновационных аспектов лингвистической подготовки с применением мультимедийных технологий.
6. Повышение научного потенциала профессорско-преподавательского состава кафедры иностранных языков.

1. Гусейнова И. А. Принципы обучения профессиональному иноязычному общению в неязыковом вузе // Вестн. Москов. лингвист. ун-та. Вып. 12 (645) Лингвистические науки. С. 25–31. [Вернуться к статье](#)

2. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования [Электронный ресурс] / Министерство образования и науки РФ. URL: <http://mon.gov.ru/doc/fgos> (дата обращения: 11.04.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Матухин Д. Л. Профессионально ориентированное обучение иностранному языку студентов нелингвистических специальностей // Язык и культура. 2011. № 2 (14). С. 122–129. [Вернуться к статье](#)

4. Кожина Ю. Г. Об опыте проведения занятий по иностранному языку для сотрудников ОВД — участников мероприятий, направлены на обеспечение мер безопасности в период подготовки форума АТЭС // Теоретические и прикладные аспекты современного лингвистического образования в условиях неязыкового вуза : сб. материалов Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием, Хабаровск, 30 окт. 2015 г. Дальневост. юрид. ин-т МВД России. Хабаровск, 2016. С. 206–209. [Вернуться к статье](#)

5. Кравцова В. Ю. Применение лингвистического и культурологического компонентов в изучении иностранных языков с учетом перспективных требований к формированию личности специалиста в условиях вуза МВД России // Теоретические

и прикладные аспекты современного лингвистического образования в условиях неязыкового вуза : сб. материалов Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием, Хабаровск, 30 окт. 2015 г. Дальневост. юрид. ин-т МВД России. Хабаровск, 2016. С. 110–113. [Вернуться к статье](#)

L. S. Kravchuk

Foreign language education in the context of professional training Police staff

Conclusion: the result of the implementation of the concept of foreign language education in the context of police training is:

– Growth of the content and concentration of a professionally oriented foreign language course on the achievement of the professional adequacy of graduates of the institute.

– Modeling of professionally determined situations in the educational process.

– Changing the form and methods of assessing and controlling the level of knowledge.

– Qualitative changes in the criteria of individual work of students.

– Implementation of innovative aspects of linguistic training with the use of multimedia technologies.

– Increasing of the scientific potential of the Department of foreign languages staff.

УДК 372.881.1

E. N. Lappo

*lecturer of the Department of social and humanitarian disciplines
of the Mogilev Institute of the Ministry of internal affairs (Belarus)*

ADVANTAGES OF ELECTRONIC TEXTBOOKS IN STUDYING FOREIGN LANGUAGES

The article is devoted to the relevant issue of using electronic textbooks in the process of teaching foreign languages. Attention is paid to their possibilities and advantages while using in the learning process. The main advantages of electronic textbooks include the individualization of the educational process, the use of multimedia technologies and the formation of students' self-education competencies.

Today the learning process is directly connected with the active use of modern technologies. These include not only modern teaching forms and methods, but also the use of electronic textbooks.

An electronic textbook is a textbook in digital form that contains structured and systematic material used by students in the learning process to master new knowledge and skills; it is characterized by logical presentation, high technical equipment and a high-level design.

Technology is a great part of language learning at all levels. So, digital textbooks become increasingly common for the teaching of foreign languages across educational contexts as well as in content oriented courses.

It is worth noting that the electronic textbook is not an electronic version of a book, the functions of which are limited by the possibility of switching from contents to a chapter by hyperlink. The course of the classes should be adapted to achieve the effect of such digital resource, and the electronic textbook itself should support the learning modes for which it is used [1].

The use of new technologies in the learning process has become the perfect complement to mastering of a language, and the lessons accompanied by technological support are the most effective and attractive to students who want to be successful in their learning.

Many educational institutions develop their own educational electronic textbooks and apply them into the educational process.

When using electronic textbooks one only needs to have one device that will house all of the materials instead of carrying them in the bag. Those students that use e-books do so because e-books are available around the clock, and they are «searchable», meaning students can easily search the text for key words or phrases.

Moreover, today one have access to the digital libraries from any electronic device (smartphone, tablet or laptop). These digital libraries do not only offer knowledge to their academic clients but create a digital platform which is an open and collaborative learning space where students can successfully study [2, p. 155].

Today teenagers are active participants of the digital information society, and it means that the forms of communication which they are now engaged in have also changed greatly to previous generations.

The aim of digital textbooks is to simplify perception, understanding and memorizing of the material using visual, auditory and emotional memory.

Thus, the indisputable advantages of electronic textbooks that provide the optimization of the foreign language teaching are:

1) high-level visibility provided by the use of graphics, animation, sound accompaniment, hyperlinks, videos, etc., which allows to recreate a high-quality artificial language environment;

2) possibility to represent in dynamics processes, objects that are inaccessible to direct observation or require unique materials or expensive equipment for their study;

3) possibility of interactive interaction between a student and a textbook element, which solves the problem of feedback;

4) creating conditions for self-study of educational material, which allows the student to choose the place and time convenient for him or her to work with computer learning tools, as well as the pace of the learning process;

5) possibility of redistribution of teachers' workload from routine activities to creative ones;

6) increasing the speed of providing the educational process with teaching and methodical means and mobility of the education system when changing the structure and content of education;

7) possibility to interest the student in the subject of study, because everything connected with the computer and technologies attract the modern youth and stimulate their work,

8) the possibility of simple knowledge control through computer testing [3].

An obvious advantage of the e-learning tool is the possibility to use multimedia that presents information more vividly and brightly, which is an excellent motivation for students. Such a «live» presentation of information with the help of modern technologies (sound accompaniment, watching videos) provides the language immersion, gives the opportunity to hear authentic speech, thereby developing reading and speaking skills.

Many studies have found that while working with multimedia-based programs, the attention of students is usually doubled. Therefore, the time required to study a particular material is reduced by an average of 30 %, and the acquired knowledge remains in memory for a longer time [4].

So, interactivity and engagement are the main concepts of digital materials.

That's why interactivity can be identified as the relationship established by the users with the interface to process information actively, and thus increase learners' motivation, which results in more effective learning [2, p. 164].

Educational technology allows students to be better prepared for the class, and provides teachers with attractive resources to make their classes much more sociable. It gives opportunity for all students regardless of their level to participate in the classroom activities. The use of electronic textbook also reveals the creative potential of students, which makes the learning process of foreign language interactive, entertaining and productive.

The creation of electronic textbooks effectively solves the problem of constant updating the didactic material. They include a lot of exercises and examples. Nevertheless, this digital form allows, without any problem, to add, edit and update materials, if it's necessary. After studying particular material of the course, a student can quickly check his or her knowledge of the topic at a suitable pace and form. On the other hand, a teacher gets information about the student's knowledge in real time.

As a rule, electronic textbooks also contain knowledge control tools — computer testing. Doing tests students are able to self-check the material they have learned, identify gaps in knowledge and repeat the badly learned material.

Electronic textbooks are of particular importance in organizing self-study. Independence allows the students to successfully adapt to the work, including those related to rapidly changing technologies. Thus, one of the aims of the learning process is to teach the student to work with a textbook, in particular with the electronic one. This skill is especially important for distance learning. In the process of using electronic textbooks, students have the opportunity to choose appropriate and convenient forms of learning and use additional interactivity and visibility.

Smart software can facilitate the delivery of multi-module content, provide feedback and track the progress made to students in the process of learning foreign languages. Thus, the use of modern educational technologies (among them multimedia) not only ensures the high quality of the organization of the educational process, but also provides a great opportunity to create new models and methods of education, thereby improving the quality of education, and creates all the conditions for the development of a universal human being.

But despite a great number of advantages of applying electronic textbooks in the learning process, it's important to remember that electronic textbooks are only a tool. They supplement, but not replace the teacher.

1. Михалищева М. А., Турукина С. В. Использование электронных учебных пособий в учреждениях профессионального образования [Электронный ресурс] // Проблемы и перспективы развития образования : материалы IV Междунар. науч. конф., г. Пермь, июль 2013 г. Пермь : Меркурий, 2013. С. 127–129. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/72/4050/> (дата обращения: 28.03.2020). [Вернуться к статье](#)

2. New perspectives on teaching and working with languages in the digital era [Electronic resource] / ed.: A. Pareja-Lora, C. Calle-Martínez, P. Rodríguez-Arancón. Voillans : Research-publishing.net, 2016. 406 p. [Вернуться к статье](#)

3. Балалаева Е. Ю. Положительные и отрицательные аспекты электронных учебных изданий [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 8. Ч. 2. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/08/36423> (дата обращения: 25.03.2020). [Вернуться к статье](#)

4. Аверин Е. С., Багрянская Н. В. Преимущества и недостатки электронных учебников [Электронный ресурс] // Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL: <http://scienceforum.ru/2018/article/2018005364> (дата обращения: 26.03.2020). [Вернуться к статье](#)

Е. Н. Лаппо

Преимущества электронных учебников при изучении иностранных языков

Сегодня преподаватели университетов используют ряд интерактивных технологий в процессе обучения иностранным языкам, чтобы сделать практические уроки более интересными и информативными, а также повысить мотивацию студентов изучать иностранные языки.

В процессе обучения наряду с традиционными печатными изданиями широко распространены электронные учебные пособия, которые используются как для заочного и дистанционного обучения, так и для аудиторной и самостоятельной работы при очной форме обучения.

Статья посвящена актуальному на сегодняшний день вопросу использования электронных учебников в процессе обучения иностранным языкам. Внимание уделяется их возможностям и преимуществам при использовании в процессе обучения. К основным преимуществам электронных учебников относятся индивидуализация учебного процесса, использование мультимедийных технологий, формирование у учащихся навыков самообразования.

Благодаря своим интерактивным возможностям электронное учебное пособие незаменимо при обучении устной речи, состоящей из аудирования и говорения, особенно в форме диалога. Именно в этом направлении необходимо активно разрабатывать электронные учебные издания, которые позволят максимально качественно представить реальную, но искусственно созданную среду иноязычного общения для организации тренировки учебного материала.

Современные образовательные технологии позволяют учащимся лучше подготовиться к занятиям и предоставляют учителям ресурсы для того, чтобы сделать свои занятия более коммуникабельными и увлекательными. Это дает возможность всем учащимся, независимо от их уровня, активно участвовать в ходе занятий. Использование электронного учебника также раскрывает творческий потенциал учащихся, что делает процесс изучения иностранного языка интерактивным, занимательным и продуктивным.

Возможность самостоятельного выбора последовательности изучения материала и темпа работы, самоконтроль, оценка эффективности обучения повышают эффективность учебных занятий, усиливают мотивацию учащихся к изучению иностранных языков.

Несмотря на огромное число преимуществ использования электронных учебных пособий в образовательном процессе, стоит помнить, что электронные учебники — это всего лишь инструмент. Они лишь дополняют, но не заменяют учителя.

УДК 808.5

N. U. Lukashova

*Teacher of the Department of foreign languages
of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
teacher-researcher (Khabarovsk, Russia)*

**TEACHING READING IN THE PROCESS
OF FOREIGN LANGUAGE EDUCATION
AT THE UNIVERSITY OF THE MINISTRY
OF INTERNAL AFFAIRS AS A FACTOR
IN THE DEVELOPMENT OF SPEECH BEHAVIOR
OF CADETS**

The article discusses foreign language education and speech behavior of cadets of the Institute of the Ministry of Internal Affairs while teaching reading. The author indicates the relevance of the speech behavior of future specialists. The author considers teaching foreign language reading as one of the main tasks in the educational program of a non-language institution. The main result of reading in foreign language education in professionally oriented speech communication of cadets. The techniques of working with text and forming the speech behavior of cadets are given in the article. The author comes to the conclusion that foreign language education is forming speech behavior of future specialists in the process of reading and studying special subjects.

Professional speech assumes the speech behavior of the future specialist in accordance with the generally accepted norms of language and society. Professional speech by MIA cadets includes not only the correct use of common and special vocabulary, but also the correct pronunciation of terms, constructing logical statements and conclusions [1]. Training of a future specialist is associated with a wide range of specializations of graduates: precinct officer, operative officer, patrol officer, investigator, etc. The police officer often contacts foreign citizens both verbally and in writing, respectively, his activities are organized through speech communication. Accordingly, the concept of «speech behavior» should be considered. This term is considered from several points of view:

- social: on the one hand, a component of behavior as a whole as a system of actions of society, on the other — a way of using language in real social conditions;
- communicative: a complex of verbal and non-verbal information, speech actions, and the conditions of the situation included in a specific communicative act;
- linguistic: actions of an individual in typical situations that reflect the specifics of the language consciousness of a given society;

– personal: a set of actions, conscious and unconscious, reflecting the character and lifestyle of a person [2].

The term «speech behavior» is actively used along with the concept of «communicative behavior», which was introduced by I. A. Sternin, as a set of communication rules and traditions of communication of a particular linguistic and cultural community, or verbal and non-verbal behavior of an individual or group of individuals in the process of communication in accordance with the norms of communication in society [3].

According to V. V. Sokolova, communicative behavior includes: speech label formulas and situations of their use, topics of communication accepted in certain situations, observance of communication time frames, intervals of communication of various groups of people, frequency of communication of certain groups of people, priorities of communication of various communicative groups, etc. [4].

Yu. S. Prokhorov notes the identity of both concepts and points out that speech behavior focuses on the communicative aspect of communication, that is, on the exchange of information and thoughts in a language form (that is, using language tools) in the process of communicative interaction of interlocutors [3].

This fully applies to the organization of foreign language education of cadets of the Ministry of internal Affairs [5]. A foreign language has wide opportunities to search for necessary information from foreign sources, develop students' cognitive processes of perception, attention, memory, will, thinking, speech, etc., form students' Patriotic Outlook, moral qualities, and a high level of cultural behavior. This makes it possible to speak about the need for high-quality foreign language education of these specialists [6].

Foreign language education at the University of the Ministry of internal Affairs is aimed at the formation of the following competencies:

1) general cultural:

– the ability to understand the laws and factors of the development of the historical process, respect and care for the historical heritage and cultural traditions, tolerant perception of socio-cultural differences;

– the ability to navigate political and social processes, use the knowledge and methods of the humanities and social sciences in solving professional tasks;

– the ability to tolerate behavior, to social and professional interaction taking into account ethnic and religious differences, to work in a team, to cooperate with colleagues, to prevent and constructively resolve conflict situations in the course of professional activity;

– the ability to business communication, professional communication in one of the foreign languages;

2) professional:

– the ability to handle, analyze and systematize scientific and psychological information, domestic and foreign experience on the subject of research;

– the ability to prepare scientific reports, reviews, publications and recommendations based on the results of research;

3) military-professional:

– to work constantly to improve their professional, intellectual, spiritual, moral and physical level of development, maintain an exemplary appearance and military bearing, master the culture of thinking and speech;

– to show patriotism, to strengthen peace and friendship between peoples, prevention of national and religious conflicts;

– to observe the rules of international humanitarian law, the rules for the treatment of the wounded, sick, shipwrecked persons, medical personnel, clergy, civilians in the area of hostilities, as well as prisoners of war;

– to inform the personnel of the unit about events in the world and in the Russian Federation, about the life and service and combat activities of the troops [7].

The competencies being formed are aimed not only at developing professional communication of the cadet of the Ministry of Internal Affairs in a foreign language, but also at his speech behavior. Despite the fact that the primary importance in professional speech behavior is assigned to speaking as a type of speech activity, teaching foreign language reading is one of the main tasks in the educational program of a non-linguistic University, since all students have the opportunity to read in a foreign language and to use foreign literature. The main result of reading in the framework of foreign language education is professionally oriented speech communication of cadets.

According to S. K. Folomkina, the process of foreign language reading has a specific goal and is a set of actions aimed at semantic and perceptual processing of visual material [8].

I. V. Vronskaya notes that the more mature the reader, the more successful his reading operations are, which is expressed in the rapid determination of the purpose of reading and the choice of the method of obtaining information [8].

According to E. A. Romanovskaya, to understand the text, the student needs to differentiate between logical connections in the sentence and between parts of the text and to be able to discourse [8].

Accordingly, it should be concluded that foreign language education is a factor in the speech behavior of future specialists in the process of learning to read, since in the educational process of the University, the future specialist uses a foreign language text not only in preparation for classes in a foreign language, but also in the study of special disciplines.

It is advisable to present techniques for working with text in the process of teaching foreign language reading in order to form the speech behavior of cadets.

Stage 1. Before the perception of the text:

1. Introductory conversation with the group. Introduction to the topic or subtopic.

2. Voicing the purpose of the work: to present a small text after reading or listening (orally or in a written form).

3. The sound of the title of the text and the name of the author. It is advisable to prepare information about the author on the board in advance in the form of a list of abstracts, closing it from students. It will be effective to conduct a survey about the author's biography (if the cadet correctly names the information, then the cadet opens and explains a part of the biography). Or to hide the author's full name, but open the important information about his life and work. Students are to join in groups, make assumptions, express their thoughts, and argue their answers. All this helps to increase cognitive interest in the author and the upcoming work with the text.

4. Questions to the group, focused on the life experience of students, discussion of the possible content of the text, possible scenarios of events. In this case, you can use the method of brainstorming, write all the ideas in a column, and after listening to the text, mark with a plus sign those ideas that were closest to the content of the text.

Stage 2. Text reading. Techniques of holistic perception of the text:

1) reading the text aloud by a cadet / teacher / speaker;

2) reading the text to yourself;

3) listening to the text and reading to yourself.

It is advisable to add the «author's» technique when the author's voice reads the text, and alternate these techniques, since the use of a certain technique depends on the setting that the teacher gives to the cadets:

– «formulate a topic» (techniques 1, 2);

– «the main idea of the text» (techniques 2, 3);

– «why the text is named ...?» (techniques 1, 2, 3);

– «how else can I title the text?» (techniques 1, 2).

Repeat listening is recommended in detail.

Techniques for structural perception of text (reading in parts):

1) What structural parts can the text be divided into? What events does the author describe in each part?

2) Who is the main character? Give him a description.

3) What are the defining facts?

4) What is the reason for this attitude / situation?

5) What did the author want to say, in your opinion? What means convey the author's emotions?

6) Express your attitude to what you heard or read.

Stage 3. After repeated perception of the text:

1. Define the text style. Justify your answer.

2. Define the theme and main idea. What parts of the text can be divided into? How do they relate to the main idea of the author? How it is expressed in the text: words, sentences.

3. How does the text end? What continuation can there be?

4. What words and phrases does the author use? What about synonyms and antonyms?

5. What language means does the author use: the words with specific meaning, the words in a figurative sense, emotional and evaluative words, the words with the characteristic value of the object or action; the words with the meaning of comparison; the verbs of the perfect tense with the beginning of the action verbs in the present tense instead of past, etc.?

6. Make a plan of the text. What are the most important points in your opinion?

Then you can offer a retelling of the text orally or in writing.

Thus, the presented work plan, which includes preliminary tasks with the text, for the subsequent formation of reading skills, is complex, since it is aimed at the formation of speech behavior through:

– the development of speech skills through inclusion in a conversation, in group work, argumentation of their position (first orally, then in writing on the read text, then-the formulation of their own thoughts, reasoning);

– the development of creative abilities: the ability not only to reason and Express their thoughts on the read text, but also to form their own opinion, present it orally or in writing;

– the development of skills to work with text: the ability to determine the style of speech, the main idea of the text, find language tools, correctly determine their role in the text and use in the future;

– the development of the ability to present the text according to the plan, theme, take into account the means of expressing the author's thoughts, author's position, features.

Stage 4. Post-text work. Then students are invited to make a report (oral / written, presentation / retelling / essay). Let's look at the plan for working on the message.

The following types of work should be considered in planning:

– Argumentation of a problematic topic (response to the problem contained in the text).

- A dialogue with the writer on the issues raised in the text.
- A discussion of the problem contained in the text.
- Discourse with elements of interpretation of the source text.

When working on a written message, it is advisable to use a memo: initially, the purpose of the message is announced, and then the topic, then what should be reflected (the topic, your thoughts, memories, reasoning, the answer to the question, the number of sentences).

1. Think about what case you will describe and how interesting it is. What useful information can I learn from your story?
2. Formulate the theme and main idea of the essay, title it.
3. Select the necessary information from what you have read.
4. Make a plan. Specify the introduction, the beginning, the climax, the denouement, and the conclusion.
5. Note how fully the main event is represented.
6. Use in the story (depending on the type of a message):
 - dialogue or individual replicas that allow the reader to imagine the course of events, to understand the features of the characters;
 - elements of the problem description: clearly describe the problem, its possible solutions, what can happen if...;
 - your own reasoning: why do you think that, what it might be related to, what emotions you have experienced, what might happen if...
7. Write a rough version of the story.
8. Check, correct, and rewrite it.

Preliminary tasks are necessary for a better understanding of the purpose of the task, understanding the topic, and repeating the learned knowledge.

Examples can be the following exercises:

1. Express survey on the topic.
 - When I see a familiar person coming to meet me, I feel...
«What kind of cadet are you?»
2. Third / fourth extra: the characteristics of the noun are called (correct and incorrect), and students must correctly distinguish them.
3. «Snowball»: students name objects / objects / actions (depending on the topic), each subsequent repeats everything that the previous one called.
4. Remove the excess: words are written in the column according to certain spelling rules, you need to choose a rule and choose one word that does not fit.
5. Conversation on the subject of the text.
6. Group work:
 - create 5 questions on the topic and ask the other groups;

– create a cluster using information on the topic.

7. Make a list of verbs that are used in the text: said, marked, underlined, pointed, spoken, whispered, etc.

8. Examples of verbs, pronouns in the beginning, culmination, and denouement.

Thus, working on the text in the process of learning to read will help:

– teaching students different types of speech activity;

– teaching different types of information and speech processing of the text in the reading process;

– teaching students to understand texts in different styles and types of speech;

– training students to analyze and correct their own statements;

– repetition of the studied material on the topic.

Thus, in the process of learning to read a foreign language is not only an object of learning, but also a means of developing professional skills in the use of speech communication tools in the framework of communicative interaction with the interlocutor, group. Accordingly, it should be concluded that the speech behavior of cadets of the Ministry of Internal Affairs is formed not only in the process of obtaining knowledge in the study of general and special subjects, but also in the process of working with a foreign language text.

1. Kostyukova T. A., Morozova A. L. The development of foreign language communicative competence of students of non-linguistic universities : monograph. Tomsk : Publishing house of Tomsk Polytechnic University, 2011. 119 p. [Вернуться к статье](#)

2. Teterin T. E. The formation of a personality-oriented educational environment of a military university : abstract. dis. ... cand. ped. sciences : 13.00.08. M., 2012. 24 p. [Вернуться к статье](#)

3. Prokhorov Yu. E., Sternin I. A. Russians: communicative behavior. 2nd ed. and add. M. : Flint, 2006. 238 p. [Вернуться к статье](#)

4. Chebotnikova T. A. Speech behavior of personality in the system of formation of a social image : dis. ... doct. philol. sciences. Chelyabinsk, 2012. 340 l. [Вернуться к статье](#)

5. Alekhin I. A., Karayani A. G. Design of training technology in the system of military-vocational education // World of education — education in the world. 2012. No. 2. P. 146–152. [Вернуться к статье](#)

6. Zvyagintseva E. P. Improving the foreign language training of students of non-linguistic universities // World of education — education in the world. M. : Moscow Psychological and Social University. 2013. No. 4. P. 171–177. [Вернуться к статье](#)

7. Ganachevskaya M. B. Pedagogical modeling of foreign language training of cadets of a military university : dis. ... cand. ped. sciences : 13.00.08. Kazan, 2011. 240 l. [Вернуться к статье](#)

8. Zolotova E. Yu. Working with text in foreign language lessons // Start in science. 2017. No. 4-1. P. 141–144. [Вернуться к статье](#)

Н. Ю. Лукашева

**Обучение чтению в процессе иноязычного образования в вузе МВД
как фактор развития речевого поведения курсантов**

В статье рассматривается иноязычное образование как фактор развития речевого поведения курсантов вуза МВД при обучении чтению. Автор указывает на актуальность речевого поведения будущих специалистов, отмечает обучение иноязычному чтению как одну из основных задач в образовательной программе неязыкового вуза. Основным результатом чтения в рамках иноязычного образования является профессионально ориентированное речевое общение курсантов.

УДК 808.5

О. А. Лукина

*доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД,
кандидат филологических наук, доцент (Беларусь)*

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ С РЕБЕНКОМ ТРЕХ ЛЕТ: ЯЗЫКОВАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ

Данное исследование посвящено выявлению физических и психических особенностей детей трехлетнего возраста. Дано научное обоснование понятию кризиса трех лет. Определена задача данного возраста — научиться разным способам решения конфликтных ситуаций; роль родителей — показать их ребенку многообразие способов выхода из ситуаций противостояния. В статье выявлены эффективные способы коммуникации с ребенком. Конфликт показан как повседневная жизненная ситуация, в которой обе стороны учатся договариваться.

Становление человека — довольно длительный и сложный процесс. Каждому возрасту присущи свои задачи. Ребенок в год, в три или в шесть — это решение абсолютно разных проблем развития личности.

Цель статьи — проанализировать физические и психические особенности детей трехлетнего возраста и выявить критерии успешного общения с ними.

В психологии мы повсеместно сталкиваемся с понятием кризиса трех лет. Причем обычно этот феномен рисуется как нечто страшное для родителей, когда их малыш превращается в вечно не соглашающееся с ними существо. На самом деле, кризис трех лет вызван важными изменениями в развитии ребенка. К этому возрасту ребенок уже многое умеет делать сам. Если до этого он почти во всем зависел от взрослого, то теперь он может сам перемещаться в пространстве, кушать, одеваться, ходить на горшок, совершать различные манипуляции с предметами. То есть маленький человек начинает себя ощущать героем, большим, взрослым. А родители почему-то все равно решают, что ему сегодня есть, что надеть, где играть и т. п. Так возникает конфликт, когда интересы ребенка и значимого для него взрослого сталкиваются.

Психологи называют кризис трех лет также кризисом негативизма и кризисом сепарации. «Мама сломалась», — так образно определяет этот этап в жизни ребенка Л. В. Петрановская. Это «время, когда ваш ребенок учится настаивать на своем, конфликтовать» [1, с. 130], так как конфликт — один из

довольно частых видов взаимодействия между людьми. То есть конфликт — это нормально, это просто несовпадение интересов.

Кризис трех лет совпадает с еще одним важным этапом в жизни маленького человека: ребенок идет в детский сад. Для малыша это означает смену окружения и дополнительный стресс. Иногда истерики детей этого возраста объясняются простой усталостью. О пользе и вреде детского сада ведутся многочисленные дискуссии. Его приверженцы выступают за необходимость социализации, которая якобы возможна только в детском саду. Противники приводят аргументы о достаточно недавнем появлении такого типа учреждений и травмировании в них детей, так как последние остаются без внимания значимых для них взрослых. Мы, вслед за Л. В. Петрановской, воспринимаем детский сад как определенную услугу для родителей: если у ребенка нет возможности находиться с бабушкой и дедушкой или мамой и папой, детский сад может быть хорошим выходом из сложившейся ситуации. Родители могут помочь своему малышу, постаравшись найти группу с хорошим воспитателем, небольшую по численности и по возможности оставлять в ней сына или дочку не на весь день.

Задача данного возраста — научиться разным способам решения конфликтных ситуаций. Роль родителей — показать их ребенку многообразие способов выхода из ситуаций противостояния.

Эффективная коммуникация между членами семьи предполагает умение пользоваться тактиками и стратегиями воздействующей речи. Персуазивность и суггестивность являются двумя основными способами речевого воздействия. Персуазивность обозначает воздействие автора устного или письменного сообщения на его адресата с целью убеждения в чем-то, призыв к совершению или несовершению им определенных действий [2, с. 30].

Приведем пример. На улице холодно. Мама пытается уговорить ребенка обуть теплые сапоги. Ребенок закатывает истерику и желает выходить из дома только в босоножках, потому что они красивые и их подарил папа. С помощью персуазивного способа воздействия, в частности аргументации, мама объясняет малышу, что в мороз нужно обуть теплую обувь, иначе можно заболеть. Тогда придется идти к доктору, который будет делать уколы, пропишет горькие таблетки и постельный режим, нельзя будет ходить на улицу, а их пригласил соседский мальчик в субботу лепить снеговика и т. п.

Когда аргументация не работает, родители часто прибегают в общении к суггестивности: это скрытое воздействие, в первую очередь словесное, воспринимаемое без критической оценки, принимаемое на веру, — внушение, наведение на мысли [2, с. 30]. В описанной выше ситуации мама может начать кричать, ругаться, плакать, для того чтобы получить желаемую реакцию ребенка.

Иногда взрослые прибегают к манипуляции, целью которой является склонение адресата к тому, чтобы принять высказывания за истинные без учета всех аргументов [2, с. 35]. Конечная цель адресанта и факт воздействия не должны быть замечены адресатом. При этом у последнего сохраняется иллюзия самостоятельности принятия решения по поводу осуществления / неосуществления определенного действия.

Мама, например, сначала говорит малышу, какой он хороший и как она его любит, потому что он всегда ее слушается, а уже потом объясняет, что на улице холодно и нужны сапоги.

В семье может применяться такой вид воздействия, как пропаганда: это открытое распространение взглядов, фактов, в том числе намеренно искаженных, для формирования общественного мнения в целях пропагандиста. Например, мамой может пропагандироваться идея, что папа — главный в семье, как он скажет, так оно и будет («не будешь слушаться — позвоню папе»). Тогда в нашей ситуации это папа сказал обуть сапоги, а значит, это не обсуждается.

Чтобы научить ребенка самому принимать правильные решения, можно воспользоваться приемами нейролингвистического программирования [3], многократным повторением создавая в голове малыша соответствующий ментальный паттерн, тем более, что данный возраст позволяет сделать это достаточно легко: малыш еще очень зависим от своих взрослых, безоговорочно любит их и тотально им доверяет.

Для ребенка трех лет важно усвоить: 1) конфликт — это обычная жизненная ситуация; 2) даже если родители или другие значимые для тебя взрослые не согласны с тобой и не хотят того, что и ты, они все равно тебя любят; 3) выход из конфликта должен по возможности оставлять положительные эмоции у обеих сторон. Не допустима позиция «я выиграл, а они проиграли», и наоборот.

Таким образом, воспитывая ребенка, взрослому постоянно приходится учиться правильной коммуникации. Если раньше было достаточно отвлечь малыша от конфликтной ситуации, то теперь это почти невозможно. Поэтому родителям приходится считаться с мнением своего трехлетнего ребенка, что для них тоже не совсем привычно. Теперь маме и папе необходимо договариваться не только друг с другом, но и с их ребенком. Чем разнообразнее будут способы выхода из ситуации конфликта, тем успешнее ожидается будущее у ребенка, так как коммуникация, общение — основа любой жизнедеятельности людей.

Люди в конфликтах ведут себя по-разному. Хорошо, когда у взрослого человека есть различные стратегии выхода из конфликта. Он гибок, адаптирован к жизни.

Задача этого возраста — научиться отстаивать свое мнение, сохраняя отношения; ребенок учится жить в мире, в котором его воля ограничена волей других людей. И с этим нужно что-то делать: где-то настоять на своем, где-то согласиться. Родители обязаны давать ребенку разный тип ответных реакций: уступили; не уступили; перевели в игру; договорились.

1. Петрановская Л. В. Тайная опора: привязанность в жизни. М. : АСТ, 2018. 288 с. [Вернуться к статье](#)

2. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе : учебник для магистратуры. М. : ЛЕНАНД, 2017. 176 с. [Вернуться к статье](#)

3. Дилтс Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью языка. СПб. : Питер, 2008. 157 с. [Вернуться к статье](#)

О. А. Lukina

Features of communication with the child of three years: language and psychological competence of parents

This study is dedicated to identifying the physical and mental characteristics of three-year-old children. A scientific justification for the concept of a three-year crisis is given. The task of this age is defined-to learn different ways to solve conflict situations; the role of parents is to show their three-year-old a variety of ways to get out of situations of confrontation. The article reveals effective ways of communication with the child. The conflict is shown as a daily life situation in which both sides learn to negotiate. Getting out of the conflict should leave positive emotions on both sides as much as possible. The «I won and they lost» position is unacceptable, and vice versa. The more diverse the ways to get out of the conflict situation, the more successful the future is expected for a three-year-old, since communication is the basis of any human activity.

УДК 378.14.015.62

Ю. В. Маслов

*доцент кафедры межкультурной экономической коммуникации
Белорусского государственного экономического университета,
кандидат педагогических наук, доцент*

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ЦЕЛЬ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ: ОЦЕНИВАЕМ ВЫБОР

В статье описывается специфика проявления идей компетентностного подхода в иноязычной подготовке. Приводятся различные точки зрения, делается попытка проследить генезис термина в зарубежной гуманитарной науке. Сделан вывод, что появление термина в методике преподавания иностранных языков вызвано стремлением упростить сложную диалектику взаимодействия языка, сознания и культуры. Даются рекомендации по использованию терминологии в иноязычной подготовке в неязыковом вузе.

Система образования нашей страны функционирует в режиме перманентных перемен уже не одно десятилетие. Подсистема высшего образования не исключение. Вхождение Беларуси в Болонский процесс принесло с собой множество изменений. Принято считать, что большинство из них способствуют прогрессивному развитию системы образования.

При этом очевидно, что подобное развитие находится в прямой зависимости от того, насколько эффективно будет развиваться и совершенствоваться специфичная во многих отношениях подсистема иноязычной подготовки (особенно по английскому языку) на всех ее уровнях — от средней школы до вузовской магистратуры и дальнейшего (само)образования через всю жизнь. Это объясняется тем, что только практическое владение английским языком может обеспечить сегодня специалисту любого профиля возможность реального межкультурного профессионального общения. Если такое владение отсутствует, специалист (даже самый лучший) не сможет полностью реализовать свой потенциал.

Отсюда следует неоспоримый вывод о том, что иноязычная подготовка является одним из приоритетных направлений в развитии всей образовательной системы страны. Поскольку наш опыт работы в сфере преподавания английского языка насчитывает без малого четыре десятилетия, нам хотелось бы остановиться на одной из важных проблем теории иноязычной подготовки — на проблеме компетенции в качестве цели.

Рассмотрение данного вопроса не может не привести нас к обсуждению наблюдаемого сегодня в высшем образовании конфликта педагогических мировоззрений.

С одной стороны, внедряется прагматическая западная модель, цель которой видится преимущественно в формировании компетенций специалиста, готовности выполнять профессиональные обязанности. Для части педагогов так называемый *компетентностный подход* отражает все наиболее привлекательные аспекты модернизации образования. В некоторых работах даже утверждается, что «генетический прообраз современного компетентностного подхода — это идеи общего и личностного развития, сформированные в контексте педагогических концепций развивающего и личностно ориентированного образования» [1, с. 11].

Другие авторы делают попытку доказать, что компетентностный подход — это новая образовательная парадигма, прямо связанная с процессами инновационного образования [2, с. 272]. Встречаются суждения о том, что компетенция отличается от навыка тем, например, что она *осознанна*, а от умения — тем, что *переносима* [3, с. 18]. В этих и других подобных утверждениях ясно видится желание исследователей представить компетенции как нечто принципиально новое.

С другой стороны, часть ученых обоснованно видят в увлечении «компетентностными» идеями простое следствие кризисных явлений в образовании, преодоление которых — в теории — происходит за счет использования новой терминологии («технология», «компетенции» и пр.) [4, с. 8–11].

В некоторых исследованиях в области компетентностного подхода предлагается понимать его не только как новый способ измерения результативности образовательного процесса, но и как «новую модель взаимодействия субъектов образования, предполагающую изменение содержания и функций, институциональных характеристик, нормативных предписаний и повседневных практик» [5, с. 8].

Следует обратить внимание на эти слова. В них отражено верное, на наш взгляд, понимание компетентности как *измеряемого результата* обучения в вузе. Если речь идет об измерении результативности, то в контексте иноязычной подготовки это означает, что такова практическая цель обучения — для того, чтобы обучающийся был способен общаться на иностранном языке и т. п. Очевидно, что если ставится задача измерения *компетентности*, то и модели взаимодействия преподавателей со студентами должны будут измениться.

Встречаются также иные оценки компетентностного подхода в его западноевропейском варианте. Так, М. В. Дружинина видит в нем не столько резуль-

тат глубоких научных изысканий, сколько результат консенсуса, общественно-го договора, основанного на интеграции научных исследований и реалий сегодняшней социально-экономической практики [6, с. 17].

Дело в том, что модель образования (особенно образования *взрослых*), основанная на компетентностном подходе, берет свое начало — как бы нам ни хотелось думать иначе — от *бихевиоризма*. При таком подходе роль педагога заключается прежде всего в создании соответствующим образом организованной среды, воздействующей на поведенческие реакции обучаемого. Основная задача образовательного процесса в этом случае — формирование определенных навыков и развитие умений, составляющих основу компетентности.

Однако овладение иностранным языком и бихевиоризм есть те самые «гений и злодейство, две вещи несовместные», если процитировать А. С. Пушкина. Объясним, почему это так.

Развитие методики преподавания иностранных языков как науки за последние шесть-семь десятилетий отражает не что иное, как процесс *последовательного освобождения от «оков» бихевиоризма*. Эти некогда популярные в американской психологии идеи (бихевиоризм) служили основой нескольких методов обучения, возникших в XX веке в зарубежной практике. Но в середине прошлого века в методику пришли идеи и практики гуманистической педагогики, трансформировавшиеся в том числе в методологию культуросообразного обучения. Бихевиоризм потерял свои доминирующие позиции.

Поэтому процитированное выше высказывание о том, что компетентностный подход сформировался в контексте педагогических концепций развивающего и личностно ориентированного образования, к сожалению, совершенно безосновательно. Приоритет гуманитаризации образования, постановка цели развития креативности — все это отражение *гуманистической* модели образования, которая не может ограничиваться задачей формирования набора компетенций.

Между тем учеными ведутся споры об определениях компетенций, создаются разнообразные реестры таковых, делаются бесконечные попытки определить содержание термина «*компетентность*», всерьез обсуждаются различия между *компетенцией* и *компетентностью*. Все это представляется нам не слишком содержательным занятием. Заметим, что отдельные ученые прямо говорят о том, что, например, подобные терминологические дискуссии носят малопродуктивный характер [7, с. 80].

В сфере иноязычной подготовки термин «компетенция» является исключительно употребительным. Это объясняется в том числе тем известным фактом, что термин впервые появился в работах американского лингвиста Н. Хом-

ского. Так, в «Новом словаре методических терминов и понятий» говорится, что термин «компетенция» введен им в связи с исследованием проблем порождающей (генеративной) грамматики. Авторы словаря делают замечание о том, что данный термин «первоначально обозначал способность, необходимую для выполнения определенной, преимущественно языковой деятельности на родном языке» [8, с. 107].

Если принять эту трактовку за истинное утверждение, никаких споров по поводу компетентностного подхода к иноязычной подготовке возникать не должно: компетенция — это способность осуществлять языковую деятельность (т. е., надо полагать, речь). Поэтому компетенция претендует на роль полноценной цели образовательного процесса по иностранным языкам. Однако данное утверждение авторов словаря является не совсем верным. Дело в том, что в своих рассуждениях Н. Хомский использовал два генетически прочно связанных между собой термина — «компетенция» (*competence*) и «употребление» (*performance*), четко понимая, что лингвистические (языковые) знания и представления — это одно, а способность их использовать в речи — это совсем другое.

На эту изначальную и неразрывную терминологическую дихотомию и указывал известный методист Е. И. Пассов (1930–2019). Позволим себе процитировать фрагмент из его книги «Флогистон для образования, или Компетенции в роли цели»: «Дело в том, что сторонники компетентностного подхода, стараясь утвердить его, ссылаются на Н. Хомского, дескать, под компетенцией он понимал не только знание языка, но и его употребление. Здесь желаемое выдается за действительное. Хомский никогда не имел это в виду. Вот что он писал: ‘Я постараюсь дать некоторое представление о том виде ведущихся работ, которые направлены, с одной стороны, на то, чтобы определить системы правил, составляющие знание некоторого языка (*linguistic competence*), и, с другой стороны, на то, чтобы вскрыть принципы, управляющие этими системами’. Тут же есть примечание редактора [...]: ‘Употребление — англ. *performance* — термин, парный в системе Хомского термину компетенция (*competence*) и образующий вместе с ним важное для теории трансформационных порождающих грамматик противопоставление ‘компетенция — употребление’, соотносящееся определенным образом с сосюрровским противопоставлением ‘язык — речь’» [9, с. 46].

Таким образом, «компетенция» как термин в сфере исследований языка и речи включала в себя *только* знания и представления. Способность использовать эти знания, т. е. умение употреблять знания языка в речи, определена Н. Хомским как «способность к употреблению» — *performance*. При этом очевид-

но, что с позиций психологии мышления и речи данная дихотомия является *абсолютно неразрывной*. В реальной жизни нельзя произвольно отделить язык от речи и наоборот, т. к. язык существует только в своем материальном выражении — устно-речевых и письменных продуктах речевой деятельности человека.

Между тем именно такой разрыв осуществлен Д. Хаймзом, который, опираясь на исследования и терминологию Н. Хомского, выдвинул в 1972 г. термин «*коммуникативная компетенция*», под которой он понимал не только знания языка и о языке, но и способность пользоваться этими знаниями. В. А. Кокота пишет в книге «Лингводидактическое тестирование»: «Обычно отмечают, что впервые ввел понятие коммуникативной компетенции Д. Хаймз в 1972 г., связывая лингвистическую компетенцию в понимании Н. Хомского с ее социолингвистической применимостью в разных ситуациях реальной жизни» [10, с. 20].

Иными словами, появление термина «*коммуникативная компетенция*» в практике обучения иностранным языкам вызвано к жизни некорректным использованием исходного термина — произвольным переносом его значения. Таким образом, коммуникативная компетенция — это своего рода «два в одном», попытка снять диалектическое противоречие «язык — речь». С точки зрения философии, то же самое, как если бы философы решили основной вопрос философии простым и прямолинейным способом — приписали бы материю наличие в ней «духа», бытие наделили бы сознанием.

Однако такое «решение» противоречит объективной реальности. Но в методике и практике преподавания иностранных языков «фокус» удался.

В результате, как пишет В. В. Сафонова, термин «*коммуникативная компетенция*» «вошел сначала в социолингвистику, а затем постепенно завоевал ключевое положение в терминологическом поле языкового образования» [11, с. 3]. Беда в том, что термин сделался чересчур продуктивным. Впрочем, Н. Н. Романова замечает: количество определений и обозначений с компонентом «компетенция» явно превышает допустимые нормы, однако это приносит определенную теоретическую и практическую пользу. По мнению ученого, выделение системы компетенций может помочь внести больше ясности в практику преподавания иностранных языков, более точно расставить методические акценты, особенно в обучении иноязычной речи [7, с. 82].

Разумеется, при этом и в зарубежной научной литературе существуют некоторые разночтения в трактовках, которые подробно рассматривает, в частности, В. В. Сафонова в аналитической работе «Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях» (2004). Автор делает вывод о том, что точка зрения, согласно которой различ-

ные уровни иноязычной коммуникативной компетенции рассматриваются как цель и результат современного языкового образования, не вызывает возражения у большинства специалистов [10, с. 6]. Анализ многочисленных публикаций показывает, что это действительно так.

Тем не менее позволим себе сделать одно существенное уточнение, которое имеет принципиальный характер. Мы действительно можем рассматривать иноязычную коммуникативную компетенцию как вполне конкретный результат иноязычной подготовки в четко обозначенных условиях обучения на определенных его уровнях. Ведь именно такое понимание результата иноязычной подготовки — в форме четко прописанных компетенций (что нужно знать, что уметь, чем владеть) — позволяет конкретизировать процесс контроля и измерения степени эффективности обучения иностранным языкам. Тем более что зарубежные квалификационные требования по иностранному языку построены на основе компетенций: четко прописаны необходимые для данного уровня владения навыки и умения.

Что касается компетенции как цели образовательного процесса по иностранному языку, оставим здесь возможность для продолжения научной дискуссии. Лишь подчеркнем при этом, что мы не отрицаем дидактической и методической полезности термина «компетенция» и рассматриваем иноязычную коммуникативную компетенцию как контролируемый и реально измеримый с помощью соответствующих средств диагностики практический результат иноязычной подготовки. Но не более того.

А вот результат должен быть сугубо практическим: обучающемуся надлежит уметь говорить и писать, читать и воспринимать на слух. Что касается языковых знаний — а это так называемая языковая компетенция — то здесь надо соблюдать методологическую осторожность. Именно поэтому автор этих строк настороженно отнесся к формулировке одного из участков проблемного поля конференции — «теоретические проблемы языковой компетентности в процессе межкультурной коммуникации», в которой вызывает слово «языковой».

По-видимому, единственной теоретически обоснованной целью иноязычной подготовки в неязыковом вузе может и должно быть только формирование способности общаться на изучаемом иностранном языке или, если пользоваться терминологией компетентностного подхода, формирование коммуникативной компетентности.

1. Компетентностный подход к образованию и профессионально-личностное развитие государственных служащих : методич. пособие / Росс. Академия гос. службы при Президенте РФ. М. : Изд-во РАГС, 2010. 154 с. [Вернуться к статье](#)

2. Леутина Л. И., Бондарь Т. Е. Компетентностный подход подготовки специалистов высшей квалификации // Новая экономика. 2012. № 1 (59). С. 271–275.

[Вернуться к статье](#)

3. Голованова, И. Ф. Формирование профессиональной компетентности курсантов военного вуза на основе учебного проектирования в процессе обучения иностранному языку : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08. Ульяновск, 2008. 195 л.

[Вернуться к статье](#)

4. Засеева Л. Т. Компетентностный подход в философии образования : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.10.08. Ростов-н/Д, 2011. 24 с. [Вернуться к статье](#)

5. Прямикова Е. В. Компетентностный подход в современном образовательном пространстве: функциональное и структурное содержание : автореф. дис. ... д-ра социолог. наук : 22.00.04. Екатеринбург, 2012. 43 с. [Вернуться к статье](#)

6. Дружинина М. В. Формирование языковой образовательной политики университета как фактора обеспечения качества профессионального образования : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.08. Архангельск, 2009. 404 л. [Вернуться к статье](#)

7. Романова Н. Н. Специфика содержания и методов обучения монологической речи студентов нефилологических отделений вузов : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02. М., 2006. 478 л. [Вернуться к статье](#)

8. Азимов А. Г., Шукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М., 2009. 446 с. [Вернуться к статье](#)

9. Пассов Е. И. Флогистон для образования или компетентности в роли цели. Елец : МУП «Типография» г. Ельца, 2011. 94 с. [Вернуться к статье](#)

10. Коккота В. А. Лингводидактическое тестирование. М. : Высшая школа, 1989. 123 с. [Вернуться к статье](#)

11. Сафонова В. В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях. Сер. О чем спорят в языковой педагогике. М. : Еврошкола, 2004. 236 с. [Вернуться к статье](#)

Y. V. Maslov

Linguistic competence as foreign-language training objective: assessing the choice

The article describes how the ideas of competence-based approach are applied to foreign-language training. Ideas are compared, and the origin of the term in Western humanitarian science is traced. The conclusion is made that the term was created for the purposes of ‘simplifying’ the complex dialectics of language, consciousness, and culture. Recommendations are given on the use of appropriate terminology at establishments of non-linguistic tertiary education.

УДК 37.01

Ju. V. Muzyka

*instructor of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Khabarovsk, Russia)*

PEDAGOGICAL SUPPORT FOR STUDENTS IN THE PROCESS OF APPLICATION TO A FOREIGN LANGUAGE CULTURE

The article historically examines the necessity of pedagogical support in the process of introducing of the students to foreign culture while learning foreign languages. Communication is examined as a process of full communication, acceptance of the culture of the native speakers, understanding of the language as a part of culture, the development of one's own culture: culture of behavior, communication, speech, intellectual labor.

The application of students to foreign language culture in the process of foreign language learning is due to a number of socio-political, economic, cultural and pedagogical factors, including the official policy of the Ministry of Education, the students class affiliation, the training direction, the educational institution profile, and ultimately, due to the peculiarities of social education of the individual.

Familiarizing with the culture of another nation not only makes the process of foreign language learning itself attractive to modern students, but also «promotes the full-fledged communication, accurate and adequate understanding of the native speaker's culture, and the language understanding as a part of the culture» [1].

The process of learning of the culture of another people becomes particularly relevant for today's young people, since modern Russia became open to foreign cultures (the process that not every historical epoch could afford). As M. V. Boguslavsky writes Russia is a type of «a border civilization» that interacts with border cultures like an umbrella. Periodically, this «Russian umbrella» is opened to the world and greedily absorbs foreign cultural influence. Then, as a rule, the «zone-tick» is closed, and Russia is fenced off from the surrounding world by different versions of the «iron curtain» [2, p. 42]. Currently, the «foreign cultural umbrella» is open to Russia and the process of studying foreign languages is carried out in the context of the formation of foreign language culture.

A foreign language as means of intercultural communication is an instrument of world and national culture, subcultures the people of different countries of the studied language, as well as their reflection in the image and style of people's life, the spiritual heritage of countries and peoples, their historical and cultural memory, and the way to achieve the intercultural understanding.

A foreign culture is the culture of the country that is studied constitutes «the object of the cognitive aspect of a foreign language culture». Foreign language education is intended to enrich the spiritual world of the student with foreign language culture, which as a whole is the part of human culture. Foreign-language culture is considered by many researchers as a cultural and historical environment, the inclusion of which provides understanding and the acceptance of the mentality of other peoples, which also stimulates motivation to display a sense of tolerance, acceptance of other cultures, worldview, lifestyle, behavior, and customs.

What are the ways of introducing a foreign language culture and whether the student should be introduced to a foreign language culture as early as possible, from his / her early childhood. Let us turn to the history of pedagogy, since Russian and world history contains both a number of cardinal modern unsolved problems and many keys to their solution.

The period of the turn of the XIX–XX centuries is an important and interesting time that was determined largely to the path in the development of our country. Most answers to the modern questions can be found in our history. As the great founder of Russian pedagogical psychology Petr Kapterev wrote in the XIX century, «A really reasonable and a contradictory work in the scientific area is possible only under the inevitable condition that the scholar knows the state of affairs well, knows well what was done before him by his predecessors. Only then he/she can continue their work» [3, p. 29].

The similarity of the socio-pedagogical realities of Russia in the late XIX century and early XX century with the current situation is noted also by S. Egorov in the book «Russian education at the turn of two centuries». It (this similarity) allows us to examine, to dwell and to compare the views of Russian teachers on introducing students to foreign-language culture of the past and present.

The end of the XIX century was a period of a large-scale industrialization, which required Russia to have a competent scientific force and a qualified scientific and technical personnel. It was a time, which according to M. V. Boguslavsky deepened and aggravated «the contradictions between social demands in the field of public education and the level of its development» [2, p. 40].

Socio-cultural factors of this period interacted very closely with socio-political and economical factors. The situation was very typical for Russia in contrast to the countries of Western Europe. Various ideas, ideologies, and trends sometimes from moderate-conservative to radical collided in Russian society.

Those facts were the reason of students' different attitude to the foreign language studies. This diversity has given the rise to opponent point of view that foreign-language is a formation of various character traits factor. On the other hand,

there are people that had seen the perfect knowledge of foreign languages as a primary way to introduce Russian people to the Western European culture and to expand the cultural and logical needs of the Russian individual. The question of the ratio of learning of the native language as a native speaker of national culture and knowledge of foreign languages was quite acute, and the age of students, from which we should start learning foreign languages, was hotly discussed.

Pavel Blonsky wrote in his works: «Language is an important instrument of thought and its expression to forget about it. But now, if we notice the penetration of the language into the Russian kindergarten, it is mostly French or German language» [4, p. 27]. We also note in the works of P. Blonsky a negative attitude to the early learning of foreign languages. Following K. D. Ushinsky, P. Blonsky argues that the study of foreign languages should not begin too early, and not before it became noticeable that the native language has taken deep roots in the spiritual nature of the child. Studying foreign languages in the early childhood brings harm to the native language, leads to the «killing of the national soul of the child», his / her national impersonality. The more zealously parents study foreign languages with children, the more zealously they should study their native language with them. But, it is fair to note that Pavel Blonsky writes that it is impossible to understand the evolution of Russian literature without knowledge of foreign authors and comparing foreign literature with Russian literature.

All these contradictions reflects in the official state education policy, as well as pedagogical and public works of the XIX–XX century. Discussions were focused on the general principles of learning foreign languages, as well as specific pedagogical techniques and methods that allowed the most effective implementation of the educational process.

As it was already noted, the need to speak one or more foreign languages in Russia in the middle of the XIX century was almost a postulate and a prestige of an educated person. So in the modern world, it is not enough to speak only one foreign language for building a successful career, it is also necessary to become familiar with the country's culture, know the rules of etiquette, behavior, etc. This is especially relevant in modern society, when ignorance of a foreign language culture can lead to irreparable, tragic consequences. Back in the XIX century, the Czech humanist teacher, writer, and public figure Yan Komensky said that languages should not be studied as a part of education or wisdom, but as means to acquire knowledge and to share it with other people.

We need languages for learning: native language to study home life, neighboring languages — for communication with neighbors, ancient — for reading books in Latin, Greek, Arabic, and Hebrew. Moreover, it should be noted that from the point

of view of the great Russian teacher, languages should not be studied in their entirety and not in full perfection, but as needed and «not several at once».

In conclusion, we should note that foreign-language culture is an objective phenomenon that includes a set of linguistic, ethical and behavioral phenomena and processes that is traditional for a native speaker. The process of introducing students to a foreign language culture is too complex and important.

It is a process of gradual introduction of new generations into the culture, a delicate and changeable process, a process that in the modern world depends on not only intercultural interaction, intercultural communication of people, but also a process of mutual understanding, a process by which the student can avoid many mistakes and international conflicts.

The acquisition of culture itself is the most valuable thing that humanity has created. Listen and hear, understand, accept and recognize the thought of another, evaluate and compare the cultural values of another's culture with their own and accept them. Familiarization with the culture of another country, with a foreign language culture, is aimed at developing one's own culture as a whole: a culture of behavior, communication, speech, and mental labor.

1. Kapterev P. F. *Sovremennoe vospitanie v otnoshenii k vozrastam* // Nablyudatel'. 1889. № 5. P. 45–62. [Вернуться к статье](#)
2. Boguslavskij M. V. *Metodologiya istoriko-pedagogicheskogo po-znaniya* // Psihologo-pedagogicheskij poisk. 2009. № 2 (10). P. 35–49. [Вернуться к статье](#)
3. Kapterev P. F. *Novaya russkaya pedagogiya, eyo glavnejshie idei, napravleniya i deyateli*. Izd. 2-e, dop. SPb. : Zemlya, 1914. 212 p. [Вернуться к статье](#)
4. Blonskij P. P. *O nacional'nom vospitanii*. M. : Tip. T-va Kushnerev i K°, 1915. 40 p. [Вернуться к статье](#)

Ю. В. Музыка

Педагогическое сопровождение учащихся в процессе приобщения к иноязычной культуре

В статье рассматривается и исторически обосновывается необходимость педагогического сопровождения в процессе приобщения обучающихся к иноязычной культуре при изучении иностранного языка. Приобщение рассматривается как процесс полноценной коммуникации, принятия культуры носителей языка, понимания языка как части культуры, развития собственной культуры учащихся: культуры поведения, общения, речи, умственного труда.

УДК 316.77:323

Ya. A. Pavlova

*lecturer of the Department of foreign languages
of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Khabarovsk, Russia)*

SYNONYMS IN THE CONTEMPORARY ENGLISH LEGAL DISCOURSE: TO THE ISSUE OF THE CORRECT CHOICE OF WORDS

The main point made in this article concerns one of the most acute issues of the contemporary linguistics: the possibility of using synonyms in the content of the legal discourse without confusing the true meaning of particular legal terms. It is stated that synonymy is a common feature of a legal discourse; the examples analyzed show that it is an effective means which not only leads to the understanding of Law but also helps to distinguish between its multiple and complicated aspects.

The skills of using proper words and building up a communicative process are very important for the one who wants to express his or her thoughts in an understandable manner. He or she requires to develop the ability of making the correct choice of words and to use means of self-expression, no matter what his or her occupation and field of interests are. If you need people to understand you adequately, then learn to speak soundly.

The better field to start with is the legal language, or (as it will be used in the context of this article) professional legal discourse. Legal sphere guides citizens of all countries through their whole life from the moment of birth and till the time they take their final breath. It is a solid and firm bridge, which unites citizens and government. What is even more important, it is a bridge between citizens within one society. People without a legal background, i. e. non-lawyers, possess a superficial idea of Law, their rights, duties and obligations. They require an adequate explanation, made of plain and familiar words, but still correct and precise.

To explain things to people who are culturally diverse, with different levels of educational attainment and different professional backgrounds, helping them to adopt and accept this new information, experts in Law use certain means of expression, find and choose proper synonyms.

Synonymy, synonyms and discourse are among all those linguistic phenomena, which remain the objects of multiple ongoing researches and careful study all over the world. None of them has ever acquired a unified generally excepted definition. Besides, one should never forget that all these phenomena co-exist in one and the

same sphere, called language. This fact makes the matters even more complicated leaving much space for further investigation.

Language is usually considered as a system of communication used by people in a particular country, type of work and for particular purposes [1]. In this connection, it is understood as a highly complicated, multisided and multileveled system for it is used in every sphere of human's life. Language is constantly undergoing a never-ending process of development, which is also closely connected with the development of human being, history, culture, technological progress, etc. All these factors affect the language, making it richer in the means of expression, description, analysis, problem solution and so on. Synonymy is usually known as one of those means.

There are different definitions for the term «synonymy». Traditionally it is used when referring to a specific type of logical relations between lexical units. To be more exact, it is a set of certain semantic relations between lexemes, the meanings of which are closely related [2]. Some researchers cannot admit the possibility of at least two words having exactly the same meaning especially within the same genre or even discourse. They explain their point by etymological and orthographical uniqueness of each word, its phonic qualities, usage, etc. Nevertheless, practice shows that similarity of meanings does exist even though not on a regular terms.

The idea of identity of lexical meanings lies at the basis of the traditional approach to the synonymy understanding. This type of approach is widely spread not only in the circles of contemporary linguistic studies but also in the fields of language in linguodidactics and methods of teaching both native and foreign languages. This circumstance, in turn, justifies the continued popularity of the traditional approach.

It is notable that in the context of the traditional approach synonyms are considered in most cases as language units that are only relatively close in their semantic meanings [3]. As a rule the researchers come across with the so-called linguistic doublets (i. e. groups of lexemes with a completely identical meaning) on rather rare occasions. For example, the classic case of the Russian doublets «лингвистика» and «языкознание» (both are translated into English as **linguistics**), or such synonymous doublets of English legal discourse as **request and require**.

It is an interesting fact, that from the position of the traditional approach the phenomenon of synonymy can be observed at all known levels of language, and not only at the level of the shortest units that denotes a particular phenomenon of the surrounding reality (words). One can distinguish the synonymy of morphemes (prefixes, suffixes, inflections), lexical and word-forming synonymy, as well as synonymy of syntactic constructions, phraseological units, conjunctions, prepositions, etc. Except for the traditional approach, a denotative one was also developed: its essence was carefully studied and analyzed by A. A. Reformatsky. The scientist believed that the

denotative similarity (in other words, the referent qualities) of linguistic units should be taken as a criterion of synonymy. But these theory has a weak point: the referent quality of units significantly restricts the possibility of their functioning in a discourse, since, nominating the same subject, synonyms do not correlate in their basic meaning.

The structural approach allows to study the issue of synonymy of linguistic units from the position of their interchangeability, provided that the meaning of the context does not change as a result. This approach is very convenient in conditions of all those situations when a specialist in a particular sphere of professional activity needs to replace certain units and structures to make the information clear for the recipient, helping him or her to understand and, consequently, perceive it (legal advice on housing or credit issues, etc).

There is also a pragmatic or emotional aspect of synonymy of language units. In the context of this approach, the crucial factor in selecting synonyms is the variety of shades of their main meaning. A skilful selection of synonyms together with their thoughtful combination in the flow of speech or in the content of the text make possible to achieve a particular emotional response from other communicants and readers. Speakers, journalists, authors of critical articles and works of fiction, etc. follow this principle as one of the effective means of self-expression and persuasion.

Special attention should also be paid to the fact that there is still no consensus on the appropriateness of using synonyms in the context of certain types of discourses. This issue is particularly acute in relation to the legal discourse of the contemporary English language.

The results of numerous studies in the field of legal discourse reflect its complexity and multidimensionality of this language education. They also allow to deduce a strict system of rules and requirements for the selection of lexical, syntactic, grammatical and stylistic means, which help to build and develop a particular situation or to form a professionally-oriented text on a specific legal topic.

First of all, legal discourse is an institutional language education. This implies that its specific feature is a high level of professionalization of the relations between the participants in the communicative situation. This feature reveals itself at the level of authority and responsibilities performed by a specific specialist: a judge, a juror, a prosecutor, an attorney, a barrister, a defendant, etc. None of the participants may ignore their functions or go beyond their authority, as well as to assign themselves powers, functions and responsibilities that are not provided for by their position.

Secondly, legal discourse is entirely subject to the fundamental principle of objectivity of law. This means that its whole content is addressed to every member of civil society and is mandatory. Failure to understand or ignoring the message due to

lack of understanding is not an excuse, and even has negative consequences for offenders. The positions held, special conditions and circumstances also do not exempt citizens from responsibility and duties imposed by the law of a particular country.

Finally, one should take into account the use of special terminology: it is remarkably frequent in the context of the legal discourse. It is the means by which a high level of accuracy is achieved, when naming specific documents (application, appeal, decree, Protocol, notification request), indicating the status, position or condition of a person and his or her role (an investigator, a judge, a witness, a defendant, a suspect, an eye-witness, etc.), and specifying procedural steps: search, examination, confrontation, interrogation, seizure, etc.

The list of analyzed characteristic features of legal discourse cannot be regarded as a complete one. But it allows to assume in advance how exactly the authors and participants of a particular communication should approach the question of choosing synonyms in order to achieve the goals set.

The expediency of giving the utmost accuracy to the content of legal discourse makes one doubt whether it is possible to carry out synonymous substitutions. Replacing one lexical unit with a partial equivalent leads to an inevitable confusion of shades of the main semantic meaning. As a result, one faces a distortion of a true meaning of a statement or a text, repetition and many other mistakes that are unacceptable when dealing with legal texts or certain situations analyzed previously.

As for an evaluative vocabulary, which is remarkably rich in synonymous rows, it is very limited within the legal discourse and does not give any additional emotional shades. It is closely connected the objectivity of this type of discourse. It is highly important to convey the inadmissibility of committing illegal actions by members of a law-abiding society. But paying much attention to this idea will easily distract from the basic principles of organization and construction of legal discourse, which results in changing the type of the discourse into a completely different one.

Thus it can be summarized that in the process of working with the legal discourse, the ill-considered use of synonyms, as well as the inability to select the most appropriate equivalents from the entire variety of language means, are the main sources of inaccuracy and ambiguity which ruin the content.

However, despite the imposed limitations, synonymy of legal terms occurs regularly enough.

For example, the concepts of **Tort** and **Crime**. The noun **tort** differs from **crime** in a sense that it refers to the violation of the Civil Law (motor vehicle accidents, assault, product liability, workplace accidents, etc.). In these situations individuals are considered to be the injured party. **A crime** on the other hand, is a wrong doing that affects civilized society and falls under the laws of the state or federal gov-

ernment [4, p. 104]. This noun is used in those situations, when the victim is declared to be the society as a whole, since it suffers negative consequences as a result of violating the law, which is determined as a crime.

As for another example — the verbs **to accuse** and **to charge** — the first one is used when one of the communicants claims that someone has done something wrong (for example, lied or stole). The second verb is used by the law enforcement officers: when the police charge someone with committing a crime, they formally accuse him of it.

The analysis allows to draw two conclusions:

1. The linguistic phenomenon of synonymy is still not studied to the extent that would solve the problem of a unified definition of this concept and give a definitive answer to the question of the permissibility of synonyms in legal discourse.

2. The studied examples clearly demonstrate the benefits of synonymy in the context of such a complex institutional discourse from the perspective of traditional, structural and pragmatic approaches.

1. Cambridge dictionary. Language [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (date of access: 26.03.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Synonymy Definition and Examples [Electronic resource]. URL: <https://www.thoughtco.com/synonymy-definition-1692019> (date of access: 20.03.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Белов В. А. Реализация теоретических подходов к синонимии в методике русского языка [Электронный ресурс] // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 1 (170). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-teoreticheskikh-podhodov-k-sinonimii-v-metodike-russkogo-yazyka/viewer> (дата обращения: 19.03.2020). [Вернуться к статье](#)

4. Stewart W. J. Collins Dictionary of Law. 2nd edition. Great Britain : Clays Ltd, St Ives, 2001. 422 p. [Вернуться к статье](#)

Я. А. Павлова

Синонимы в современном англоязычном юридическом дискурсе: к вопросу о правильном выборе слов

Статья посвящена проблеме адекватного выбора слов-синонимов в процессе формирования содержания юридического дискурса. В связи с этим в первой части статьи рассматриваются основные понятия: язык, синонимия, синонимы, юридический дискурс.

Язык как самая сложная многоуровневая и многоаспектная система требует особого внимания, поскольку отображает всю сложность и разнообразие человеческого бытия. Последнее отражается в языке неограниченными источниками лексических, синтаксических и стилистических средств самовыраже-

ния, пояснения, анализа, отображения человеческого восприятия окружающей реальности и происходящих в ней процессов, а также сложных процессов, происходящих внутри самого человека — в его душе и разуме.

В связи с этим синонимии следует рассматривать как естественное следствие высокого уровня развития современного языка, то есть как не менее сложное и многоаспектное явление, в ходе изучения которого были разработаны разнообразные научные подходы. Автор рассматривает основные подходы к изучению явления синонимии: традиционный, структурный и прагматический.

Повседневная жизнь человека теснейшим образом связана с юридической сферой, которая защищает его права: начиная от самых фундаментальных (право на жизнь, неприкосновенность личности, физическую неприкосновенность и т. п.) и заканчивая правами в самых разнообразных областях человеческой деятельности. Человек не может быть сведущим во всех этих областях, поэтому очень часто граждане, не имеющие юридического образования, обращаются к специалистам правовой сферы. Разная степень готовности граждан воспринимать совершенно новую, непривычную для их слуха и понимания информацию обуславливает приобретение юристом навыка ретрансляции информации юридического плана. При этом он обязан учитывать характеристики юридического дискурса, которые принципиально дифференцируют его от других видов дискурса. В этой связи закономерно встает вопрос о правомерности замены того или иного юридического термина более понятным реципиенту эквивалентом.

В связи с этим во второй части статьи автор проводит подробный анализ характеристик юридического дискурса. В качестве основных выделяются профессионализация, объективность и, как следствие этого, ограниченный выбор оценочной лексики, регулярное употребление юридической терминологии. Здесь автор подчеркивает, что непродуманный выбор синонимов неизбежно ведет к искажению истинного смысла.

Далее, опираясь на рассмотренные научные подходы к изучению явления синонимии, автор проводит анализ дефиниций нескольких терминов, отдельно взятых из юридического дискурса.

В заключении формируется вывод о том, что наличие синонимов в юридическом дискурсе обоснованно, поскольку с их помощью удастся передать всю сложность правовой системы. Автор особенно выделяет мысль о малой изученности выбранной темы.

УДК 378.091.313:004.77:81'243-054.6

G. B. Pavlova

*senior instructor of the foreign language department
of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Khabarovsk, Russia)*

O. A. Chesnokova

*senior instructor of the foreign language department
of the Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia (Khabarovsk, Russia)*

USE OF THE METHOD OF DISCUSSION IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN A HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

The article deals with the relevance of the use of innovative pedagogical technologies in order to improve the quality of training specialists in a higher educational institution. The method of discussion is defined as an effective means of expanding the information space of students and improving the pedagogical capabilities of foreign language teachers.

The dynamics of innovation in personal-oriented teaching, changing of approaches to the content and methodological support of the educational process, as well as the emphasis on the role of the instructor in the involvement of students in parity interaction require the intensification of efforts to optimally and rationally select the methods and technologies used in the foreign language teaching.

Innovative forms of methodological support of the training process are aimed at improving the quality of a specialist training in a given field. Irrespective of the specific objectives of the foreign language teaching and the contingent of students, the main criterion for the selection of a methodological system is the successfulness of the teaching process intensification in the conditions of an educational institution. Intensive foreign language teaching is being implemented by means of traditional and newly developed methodological technologies based on recent scientific research. They are united by the focus on the development of the cognitive and creative potential of students, as well as on the formation of a certain level of foreign-language professional communicative competence.

By integrating traditional and modern approaches to education, methods and means of learning a foreign language are diverse and complementary. Linguo-sociocultural, communicative and individual approaches remain at the heart of their prevailing majority as the basis for the development not only of linguistic knowledge, but also of the expansion of the students' world outlook. Without denying the im-

portance of the fundamental methodology and classical approach to teaching, by means of which the complex development of the ability to understand and create foreign language speech is ensured, it should be noted that the psychological factor in the study of foreign language (changes in people's minds, development of new thinking) determines the leading position of innovative teaching methods. The emergence of innovative pedagogical technologies is also greatly facilitated by a competent approach designed to ensure the realization of the acquired professional knowledge in situations of foreign language communication, when practically oriented skills become the most important.

The term «innovation» is being interpreted differently, but in general, it implies the introduction of new elements in order to achieve effective results. Innovations in educational technologies are defined and classified with respect to the degree of change or adaptation of already existing training models: from «zero» (direct reproduction of a traditional model or its properties) to «higher», when the most basic principle of the model is transformed, resulting in a «new level of educational systems» [1]. Innovative methods, quite often demanded and used at the current stage of pedagogical practice development, are rather intermediate in nature, since, for the most part, they demonstrate quantitative transformations, rearrangement of individual elements, new variations of rules and their application sequence and the like.

Among the most popular innovative technologies, interactive teaching methods are considered to be the most successful in organizing the inclusion of students into a single semantic space (language environment), close to real situations of professional and nonprofessional communication. In the implementation of interactive forms of communication, the ability of the participant to work in cooperation with other students and collectively to solve problems, but for all this to have their own opinion of what is happening and to determine the strategy of their own actions assumes ever greater importance. At the same time, the teacher himself, as the direct organizer of the dialogue, should not only possess effective innovative methods of teaching a foreign language, but also be sufficiently knowledgeable in the specialty that his students are mastering. The teacher's ability to create and maintain a positive and cognitive atmosphere, to promote collective interaction and to take into account the individual characteristics of participants in foreign language communication is also one of the factors determining the choice of any given methodological technology.

The large number of publications on innovative methods in educational activities, and in particular in teaching a foreign language, show that the most widely spread format for practical training is the use of a variety of elements of problem and dialogue learning. The latter include discussions, presentations, role-playing, brain-

storming, situational challenges and other forms of group learning that contribute to the effective obtaining of foreign language knowledge.

Discussion as a model of substantive and social relations seems to be the most popular method of teaching students spontaneous and unprepared communication. Interpersonal interaction is a characteristic feature of the discussion. In the course of mastering the norms of rational speech communication, discourse and argument skills are formed, and that meets the requirements of training specialists in the field of any activity. By means of the method of discussion students learn to perceive information, express and defend their ideas and opinions, analyze and refute with deep arguments the position of the opponent. Thus, they determine their goals and strategy for their implementation, i. e. design their activities, demonstrating a high and productive level of intellectual personal activity [2].

The educational goal of the method of discussion is the formation of foreign-language communicative skills. The compositional basis of the discussion is evaluation and reasoning. An indispensable condition for the organization of the discussion is both the existence of a disputable issue that demands the discussion and the expression of different opinions and the willingness of participants to express them in a foreign language. Successful implementation of the method in the educational process requires the inclusion of such basic principles of discussion as a professional-oriented approach in the selection of the topic, the definition of the main purpose and sequence of tasks, compliance with the topic and the problems. Use of arguments at statement of opinions and comparison of one's own arguments to the statements of other participants of a discussion, as well as manifestation of tolerance to various opinions and respect for stylistic and grammatical standards of a foreign language are also of great significance [3].

In order to participate successfully in the discussion, students must have a definite understanding of the subject of the discussion, as well as own the techniques of influence on the opponent and the management of the conversation. It can be argued that the supposed spontaneity of speech and the reasoned position require a high level of communicative speech skills development, and therefore the method of discussion may be applied only at the final stage of working with the educational topic as final control. However, the practice of teaching a foreign language shows that forms of discussion work are successfully used at any stage of work with the topic under certain conditions.

First, it is necessary that the application of the method of discussion should take place on a permanent basis and not acquire the elements of play simulation activities. Second, students should be provided with tools necessary to take part in the discussion, that is, they should in advance familiarize themselves with introductory

speech clichés to express an opinion, consent or disagreement with the assertion of the opponent, the beginning and completion of a conversation, etc. Third, the creation of a situation of «compulsory participation in the discussion», provided with various pedagogical means of influence, motivates participants to independently form a point of view and find arguments to defend their position.

Holding a discussion, as a rule, has variable character, but stages of its preparation are traditionally consecutive: acquaintance with the rules of holding a discussion, reviewing the approximate list of problematic issues, a selection of study literature and other sources of information, streamlining and assessment of the obtained information, determining the most relevant and interesting topics. Professionally oriented authentic or adapted texts for reading and translation, fragments of feature films and study videos, sets of lexical exercises, including those in the form of dialogues, can be used while preparing for the discussion. Compiling a thematic lexical minimum, a short thematic message, questions and possible answers can be considered as individual assignments. A necessary condition is the existence of a problem for the solution of which the discussion is taking place. The problem itself should be rich in content and linguistically available for the discussion, have specific wording, the possibility of alternative interpretation, and be of interest to trainees.

As approximate topics for organizing discussions with the participation of the first-year and second-year students learning English at any Law Institute of the Ministry of Internal Affairs we consider such topics like *Legal Education*, *Crime Detection*, *Crime Investigation*, *Crime Prevention*, etc. The content of controversial issues should not immerse students in the narrow specificity of their future professional activities, but should only stimulate them to express their perceptions of law enforcement activity that they have developed at this stage of their studies and formed on the basis of information available to the general public. The discussion of such issues as «What makes a good law institute?», «Why is the profession of a lawyer so popular in our country?», «Is it possible to prevent all sorts of crimes and antisocial behavior?», «Do you agree with the idea that good detectives are able to solve most crimes?», «Is criminal investigation the keystone of the police service?» and others arouse genuine interest among students.

The need for participants to establish and adopt some special guidance on the holding of the discussion does not raise doubt. In particular, for the widest possible participation of students in a conversation, the possibility for each of them to speak only once is specified in advance. In order to solve such study problems as numerous repetitions of lexical units and grammatical models, the directive can be used, according to which such responses as clarification, summarization or refutation of the opin-

ion of the opponent are possible only after repeating the main idea of his or her statement.

The initial educational objectives — the formation of a culture of free communication, tolerance, willingness to listen and participate in collective learning activities — can also be realized through discussion. The method of discussion applied cyclically and with longer duration could be effectively used as an independent educational technology. But in the educational space of the university it is usually considered as an integral component of other technologies presented in the format of problematic training.

1. Kovalchuk M. A. Discussion as a means of teaching foreign language communication. Sk., 2008. 144 p. [Вернуться к статье](#)

2. Postalyuk N. Y. Design of innovative educational systems [Electronic resource]. URL: <http://psychology/narod.ru/121.html> (date of access: 11.04.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Sidakova N. V. Group discussion as a universal method of increasing the degree of creativity in foreign language teaching [Electronic resource]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/> (date of access: 11.04.2020). [Вернуться к статье](#)

Г. Б. Павлова, О. А. Чеснокова

Использование метода дискуссии при обучении иностранному языку в вузе МВД

Появлению инновационных педагогических технологий способствует компетентностный подход, призванный обеспечить реализацию приобретенных знаний в профессиональной сфере в условиях иноязычной коммуникации, когда наибольшее значение приобретают практико-ориентированные умения. В данной статье рассматривается метод дискуссии как современная технология преподавания иностранного языка, в основе которой лингвосоциокультурный, коммуникативный и индивидуальный подходы, как основа не только для развития языковых знаний, но и для расширения общего мировоззрения обучающихся.

Среди наиболее востребованных инновационных технологий именно интерактивные методы обучения наиболее успешно организуют включение студентов в единое смысловое пространство (языковую среду), приближенное к реальным ситуациям профессионального и непрофессионального бытового общения. Большое количество публикаций, посвященных изучению инновационных методик в образовательной деятельности, и в частности в преподавании иностранного языка, свидетельствуют о том, что наиболее распространенным форматом проведения практического занятия является использование разнообразных элементов проблемного и диалогового обучения. К числу последних

можно отнести дискуссии, презентации, ролевые игры, мозговой штурм, решение ситуационных задач и другие виды групповых форм организации обучения, способствующих эффективному получению иноязычных знаний.

Дискуссия как модель предметных и социальных отношений представляется наиболее популярным методом обучения студентов спонтанному, неподготовленному общению. Характерной особенностью дискуссии указано межличностное взаимодействие, в процессе которого формируются дискуссионные и аргументативные умения. Образовательной целью метода дискуссии обозначено формирование иноязычных коммуникативных навыков. Оценка и аргументация рассматриваются как композиционная основа дискуссии, а наличие спорного вопроса, вызывающего потребность в обсуждении и высказывании разных мнений, — как обязательное условие реализации данного метода.

Авторы утверждают, что для успешного участия в дискуссии студенты должны иметь определенное представление о предмете дискуссии, владеть приемами воздействия на оппонента и управления беседой, а формы дискуссионной работы могут быть успешно использованы на любом этапе изучения темы при соблюдении определенных условий.

Делается вывод о том, что средствами дискуссии также могут быть реализованы первоначальные воспитательные цели — формирование культуры свободного общения, толерантности, готовности слушать и участвовать в коллективной познавательной деятельности. Метод дискуссии, применяемый циклично и с увеличением продолжительности, может быть эффективно использован как самостоятельная образовательная технология. Но в условиях образовательного пространства вуза он обычно рассматривается как интегральный компонент других технологий, представленных в формате проблемного обучения.

УДК 372.881

С. Ю. Рыжков

*магистрант кафедры иностранных языков
Могилевского государственного университета
имени А. А. Кулешова (Беларусь)*

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ В ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Статья посвящена использованию устойчивых сравнений китайского языка в практико-ориентированном обучении. Устойчивые сравнения рассматриваются с позиций лингвистики и когнитивистики. Дается общая характеристика устойчивых сравнений. Рассматривается возможность использования устойчивых сравнений в формировании речевых навыков. Приводятся примеры использования устойчивых сравнений в учебном процессе.

Сравнение или сопоставление различных объектов с целью выявить их различия или сходство является классическим приемом когнитивной деятельности человека. Использование сравнения позволяет человеку выстраивать окружающие предметы в систему, структурировать окружающий мир. При этом «сравнение — не только способ наименования окружающей действительности, но и весьма яркое средство ее оценки» [1, с. 4].

Сравнивая предметы, анализируя и структурируя окружающую действительность, человек формирует концепты — содержательные образы, которые впоследствии закрепляются в культуре человеческого сообщества. В дальнейшем через сопоставление или противопоставление концептов происходит формирование народного опыта, оформление национальной культуры. Любой язык обладает достаточным инструментарием для оформления сравнения, однако, становясь частью концепта, сравнение закрепляется и переходит в разряд фразеологизмов. По мнению В. Н. Телия, устойчивые сравнения являются образцами различных понятий, передаваемых из поколения в поколение, «эталонизированные представления в устойчивых сравнениях как бы «задают» образцы здоровья красоты, глупости и т. д.» [2, с. 241–242].

Основная особенность фразеологизмов заключается в том, что собственное значение фразеологизма не равно сумме значений составляющих его слов. Например: *тощий как жердь*, собственное значение выражения шире, чем сумма значений автономных слов. Кроме этого, фразеологизм как единица речи обязательно является устойчивым и неделимым. Например: *упрямый как осел*,

удаление или замена любого из элементов приводит к потере связи выражения с отображаемым им концептом.

Устойчивые сравнения (УС), становясь выражением концепта, приобретают черты фразеологизма — лексическую неделимость, образность, воспроизводимость [3, с. 12].

Основными элементами устойчивого сравнения являются субъект сравнения (то, что сравнивают), объект сравнения (то, с чем сравнивают), основание для сравнения и сравнительный союз. Исследователи пришли к выводу, что элементы устойчивого сравнения в разной степени опциональны, однако объект сравнения во всех случаях является обязательным: *пойти навой, как кошка с жабой, кот-котом* и т. п. [4, с. 98–104].

Несмотря на значительные структурные различия между русским и китайским языками, структуру устойчивых сравнений в обоих языках можно считать условно подобной. Существуют незначительные несовпадения, вызванные различиями грамматического строя, тяготением устойчивых выражений китайского языка к четырехчленной структуре, однако основная модель устойчивого сравнения «субъект + основание для сравнения + сравнительный союз + объект сравнения» является общей для всех языков.

Фразеологические обороты являются главным и обязательным средством образности в китайском языке. Их отсутствие превращает речь в поток клишированных фраз. Это обусловлено фонетическим строем китайского языка, фиксированностью его грамматики, общей шаблонностью конструкций. В китайском языкознании изучение фразеологического материала является приоритетной областью: счет фразеологических словарей идет на сотни, изучение фразеологии является обязательной частью программы по изучению китайского языка, что во многом обусловлено исключительной ролью фразеологизмов в придании речи экспрессивности. Более того, существует национальный обычай — на новогодние праздники проводится своеобразный конкурс-игра на знание фразеологизмов. За многими фразеологизмами стоит сюжет, реальный или вымышленный, как правило, представляющий из себя дидактический пример с определенной моралью [5].

Изучая китайский язык, встречая новые выражения, инофон обязательно сталкивается с тем, что, понимая слова по отдельности, затрудняется понять смысл выражения в целом. Универсальность модели устойчивого сравнения может облегчить понимание, однако не следует забывать о значительных культурных различиях, но именно изучение семантики устойчивых сравнений дает учащимся возможность увидеть эти различия.

Например, иностранные учащиеся могут выполнить упражнение на сопоставление семантически близких устойчивых сравнений:

УС в китайском языке	Дословное значение	УС в русском языке
如坐针毡	подобно+сидению+ иголки+ подстилка	Слезы ручьем, белый как мел, любить как свое дитя, сиять как солнце, как ножом по сердцу, застыть как истукан, сидеть как на иголках
面如土色	лицо+подобно+ глина+цвет	
泪如泉涌	слезы+подобно+ бьющий из под земли ключ	
呆如木鸡	застыть+подобно+ деревянная курица	
昭如日星	сиять+подобно+ солнце и звезды	
心如刀割	сердце+подобно+ нож+скоблить	
爱如己出	любить+подобно+ сам+пустить на свет	

Очевидно, что определенная часть устойчивых сравнений, связанных с физическими объектами и явлениями окружающего мира, имеет универсальный характер, что обусловлено первичностью, очевидностью отраженных в них концептов. Выполнение подобного задания не вызовет у учащихся значительных затруднений.

В дальнейшем задачу можно усложнить, предложив сопоставить устойчивые сравнения, сходные по смыслу, но имеющие национально-культурную специфику:

УС в китайском языке	Дословное значение	УС в русском языке
室如县罄	дом+подобно+ пустой+горшок	Белый как мрамор, как у Христа за пазухой, как солнце и луна, как на углях, хоть шаром покати (пусто)
肤如凝脂	кожа+как+ застывшее сало	
动如参商	двигаться+подобно Шэнь и Шан	
安如泰山	безмятежно+подобно+ (на) горе Тайшань	
热锅上的蚂蚁	Горячая сковородка+на+ муравей	

В качестве дополнительного упражнения аудитории можно предложить самостоятельно определить смысл выражения:

УС в китайском языке	Дословное значение
多如牛毛	много+подобно+бык+шерсть
恨如头醋	противный+подобно+пена у браги
凜如霜雪	холодный+подобно+иней и снег
声如洪钟	голос+подобно+храмовый колокол
亲如骨肉	близкий+подобно+кости и мясо

Упражнения на сопоставление устойчивых сравнений в различных языках не только способствуют запоминанию выражений и их компонентов, но также могут сообщить обучающемуся определенные культурные сведения. Яркая ассоциативность устойчивых сравнений также способствует усвояемости языкового материала.

Таким образом, использование фразеологизмов и, в особенности устойчивых сравнений в практико-ориентированном обучении языку имеет значительный потенциал как в плане приобретения языковых навыков, так и для общения учащимся культурологических сведений.

Кроме того, в силу особенностей китайской культуры умение грамотно использовать фразеологизмы в речи способно расположить собеседника и повысить общие шансы успешной коммуникации.

1. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 800 с. [Вернуться к статье](#)

2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический илингово-культурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с. [Вернуться к статье](#)

3. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 1999. 196 с. [Вернуться к статье](#)

4. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Книжный дом, 2010. 192 с. [Вернуться к статье](#)

5. Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка. М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. 509 с. [Вернуться к статье](#)

S. Y. Ryzhkov

Similes in practice-oriented teaching of Chinese language

Comparison help a person to learn the world around him. Becoming a part of the concept comparison into an idiom. The meaning of a concept is always beyond the scope of a brief definition. The meaning of idiom is broader than the meaning of the sum of the words it consists. Phraseology is an important part of the Chinese language. Learning Chinese at an advanced level is impossible without the study of phraseology. Cultural differences complicate the understanding of idioms. The basic structure of similes is universal for all languages. This makes similes an ideal material for studying phraseology of a foreign language. Performing comparative exercises, the student can more easily learn idioms and words.

УДК 82-313.2

А. А. Рябова

студент Белорусского государственного университета

Н. С. Зелезинская

доцент кафедры теории и практики перевода

Белорусского государственного университета

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ (на материале антиутопии О. Хаксли «О дивный новый мир»)

В статье рассматриваются трудности перевода имен собственных ввиду необходимости учитывать семантику, структуру и прагматику оригинала, а также культурный контекст принимающего и передающего языков. Материалом исследования послужили антропонимы в романе-антиутопии Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», которые были проанализированы на предмет прагматического компонента и объема его передачи в русскоязычном переводе Осия Петровича Сороки. Целью исследования является расшифровка прагматического компонента оригинального антропонима и анализ эффективности его передачи в тексте перевода. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании учебной дисциплины «Художественный перевод». В статье антропонимы рассматриваются с нескольких сторон: с позиции аллюзивного компонента и с позиции исторического значения антропонима, что позволяет взглянуть на них под разным углом.

Перевод имен собственных является одной из неизменных тем учебной дисциплины «Художественный перевод» для студентов-переводчиков в языковых вузах. Без перевода имен собственных невозможно перевести, пожалуй, ни одно художественное произведение, и при этом задача эта — одна из наиболее сложных.

С одной стороны, умение переводить имена собственные в художественных произведениях требует знания правил перевода реальных имен собственных. Имя собственное (далее — ИС) — это универсальная функционально-семантическая категория имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа [1].

При передаче на язык перевода ИС, как правило, подвергается транскрибированию, транслитерации, иногда калькируется (в художественном переводе в случаях с таким явлением, как говорящие ИС). Аналоговый перевод ИС сегодня считается некорректным, но в некоторых случаях к нему еще прибегают. Выбор того или иного варианта перевода зависит от самого имени и в большей

степени от контекста его употребления. Например, прозвища людей или клички животных переводчик стремится перевести, поскольку они обладают планом содержания [2, с. 217–227].

Особенность ИС заключается еще и в том, что в его семантике присутствует прагматический компонент, передача которого может быть затруднена в силу культурных и социальных факторов. ИС может обладать «внутренней» и «внешней» прагматикой [3, с. 139].

С другой стороны, от переводчика требуется прекрасное знание литературной традиции, позволяющее соотносить и семантику, и структуру (звуковую и графическую оболочку оригинала) с рядом себе подобных. Переводчик также должен узнать аллюзию или даже намеки на нее и передать их в переводном ИС с использованием уже существующих и желательно хорошо известных оригинальных сочинений и переводов, которые и помогут читателю узнать аллюзию. Переводчику необходимо глубокое понимание контекста эпохи написания произведения и способность соотнести эпоху читателя оригинала с эпохой читателя перевода, с одной стороны, не исказив авторский замысел, с другой стороны, учитывая современные требования к языковому оформлению. Все эти знания и умения переводчику особенно необходимы при переводе сложных литературных произведений с глубоким социально-философским смыслом, например, антиутопий. Поэтому, чтобы показать сложность перевода имен собственных, мы выбрали роман Олдоса Хаксли «О...».

В антиутопии О. Хаксли «О дивный новый мир» ИС несут в себе прагматические компоненты, значимые для понимания основных идей текста, следовательно, важные для перевода и целостности переводимого текста, а также для равноценного восприятия реципиентом этого текста и верной трактовки авторского замысла. Это так называемые аллюзивные антропонимы [4, с. 13–19]. Исследователи отмечают, что «аллюзия не только восстанавливает известный образ, но и извлекает из него дополнительную информацию для характеристики объекта» [5, с. 110]. Следовательно, переводя аллюзивные ИС, мы должны принимать во внимание и правила перевода реалий. При переводе имен и фамилий исторических лиц, библейских имен и других обычно следуют традиции, закрепленной в словарях и энциклопедиях. В ряде случаев прибегают к комментариям.

В качестве объекта исследования нами была избрана группа антропонимов — имен собственных, идентифицирующих человека, из романа «О дивный новый мир» в переводе О. П. Сороки. Всего в романе насчитывается 62 антропонима, 9 из которых принадлежат центральным фигурам повествования: Henry

Foster, The Director (D. H. C.; Thomas; Tomakin), Lenina Crowne, Mustapha Mond, Bernard Marx, Helmholtz Watson, Linda, John (Savage), Popé.

Все ИС были рассмотрены нами в двух аспектах: интертекстуальном (мы определили степень их аллюзивности в данном тексте) и этимологическом (мы выяснили историческое значение имен и фамилий героев романа). Далее мы прибегли к компаративному анализу и выяснили, в каком объеме может быть воспринято каждое ИС русскоязычным читателем. Обратимся к примерам.

Bernard Marx ‘Бернард Маркс’ — один из главных героев романа. Из-за щуплости и низкого роста Бернарда не воспринимают всерьез, и он изо всех сил старается быть похожим на других мужчин своей касты.

Его фамилия может отсылать читателя к немецкому философу Карлу Марксу, автору революционных идей, критику «феноменологии духа» Г. Гегеля, материализма Л. Фейербаха, политэкономической формы идеологии. В начале романа Бернард производит впечатление человека, готового противостоять сложившейся системе, однако уже во второй части произведения он раскрывается как трусливая, завистливая и мелочная личность. Фамилию Marx O. Сорока перевел с помощью приема транскрипции — «Маркс». Мы считаем этот способ перевода в данном контексте адекватным, так как он сохраняет прагматическую составляющую, и русскоязычный читатель легко угадывает аллюзию на личность Карла Маркса. Имя Бернард часто связывают с именем Бернарда Шоу из-за схожих с ним взглядов на положение женщины в обществе, в частности изложенных в его пьесе «Пигмалион». В начале романа Бернард с ужасом подслушивает беседу Генри Фостера и Бенито Гувера, когда те в интимных подробностях обсуждают девушку, Линайну Краун, словно она вещь, мужская игрушка. Имя Бернард также восходит к германскому элементу *bern* ‘медведь’ и сочетается с *hard* ‘сильный, выносливый’. Данный факт не менее ироничен, как и фамилия этого персонажа. Имя Bernard O. Сорока перевел с помощью приема транскрипции «Бернард», который в данном случае является, по нашему мнению, единственно верным, поскольку в имени героя легко угадывается имя известного драматурга.

Helmholtz Watson ‘Гельмгольц Уотсон’ — еще одна центральная фигура в романе, лектор по основам гипнопедии, лучший представитель своей касты. Имя Гельмгольц ассоциируется с фамилией немецкого физика Германа фон Гельмгольца — выдающегося ученого своего времени, специалиста не только в физике, но и в ряде других наук. Гельмгольц Уотсон — высокообразованный и уважаемый профессор, однако ум его не приносит никаких плодов. Возможно, и он при другом порядке вещей стал бы выдающимся ученым своего времени. Способ перевода — транскрипция. Мы считаем его в данном контексте прием-

лемым, поскольку здесь легко провести ассоциацию с личностью известного ученого. Фамилия этого персонажа связана с именем американского психолога Джона Бродеса Уотсона из-за схожести его с Гельмгольцем профессиональной деятельности. Дж. Б. Уотсон является основателем бихевиоризма — систематического подхода к изучению поведения людей и животных, тогда как Гельмгольц Уотсон является технологом-формировщиком чувств, придумывает гипнопедические стишки и рекламные слоганы. Дж. Б. Уотсон также провел эксперимент, известный как «Маленький Альберт». Когда 11-месячный Альберт играл с белой крысой, его пугали громким звуком, чтобы сформировать у младенца реакцию страха. Это очень похоже на воспитание младенцев в романе О. Хаксли, только тем негуманным способом им прививали страх и ненависть к природе и книгам. Историческое значение фамилии Уотсон — *powerful warrior* ‘мощный воин’, что также подходит под характеристику этого персонажа. Он до конца противостоял системе и оставался верным своим убеждениям. Прием, использованный О. Сорокой при переводе данного имени, — транскрипция. Мы считаем его верным, поскольку для расшифровки аллюзии в ИС достаточно ее внешнего сходства с именем, на которое ссылается автор.

Lenina Crowne ‘Линайна Краун’ не менее важная фигура в романе О. Хаксли, оригинальное имя которой имеет очевидное внешнее сходство с псевдонимом российского революционера Владимира Ильича Ульянова. Своим выдуманым антропонимом автор привносит долю ироничности в характеристику своего персонажа. В. И. Ленин — еще одна революционная историческая личность, которую автор использует для характеристики абсолютно не революционного по натуре персонажа, приспособленца, исполнителя. Линайна Краун — преданная гражданка нового «дивного» общества, и наиболее часто свое согласие с его идеями она выражает цитированием заученных во сне стишков: «Сомы грамм — и нету драм»; «Прорехи зашивать — беднеть и горевать»; «Каждый принадлежит всем остальным» и т. д. Имя Линайна в русском переводе О. Сороки не наталкивает на какие-то особые ассоциации. Мы полагаем, что гораздо точнее аллюзивность имени передал бы прием транслитерации, тем более что в Советском Союзе реально существовало имя Ленина. Фамилию Краун можно связать с личностью известного британского драматурга Джона Крауна, творческий период которого пришелся на конец XVII в. Все его пьесы были связаны на идее романтики, любви и героизма. Линайна Краун ни на что из этого не способна. Происхождение фамилии Crowne имеет несколько источников, один из которых говорит о названии людей, прошедших символическое обрядовое действие пострижения. В эру Форда, созданную О. Хаксли, не существовало ни той религии, которую мы привыкли видеть, ни религиозных ценностей

и морали. Фамилия Crowne переведена О. Сорокой с помощью приема транскрипции. Данный вариант перевода можно считать адекватным, поскольку имя английского драматурга, на которое намекает автор, на русский язык передается тем же способом, и читателю будет несложно проследить связь.

Mustapha Mond 'Мустафа Монд' — Главноуправитель Западной Европы, один из десяти Главноуправителей мира. Это одна из самых неоднозначных личностей в романе. На полках в своем кабинете он хранит книги о Форде (новом Боге «дивного» общества), а в сейфе — книги Шекспира и Библию. Он подвергает жесткой цензуре научные труды, а лучшие из них и вовсе не допускает до публикации, а их авторов изгоняет за их нестандартные взгляды. И при этом он полностью уверен, что служит на благо общечеловеческого счастья.

Мустафа Монд предположительно носит имя Мустафы Кемáля Ататюрка — османского и турецкого государственного и политического деятеля, военачальника, первого Президента Турецкой Республики. Оба они являлись национальными лидерами и делали все возможное для благополучия своего народа, вот только второй возродил религиозные ценности, создал единую светскую систему национального образования, поощрял предпринимательство, тогда как Мустафа Монд ссылает инакомыслящих, развивает гипнопедию и запрещает науку. Мустафа — довольно типичное имя среди османских правителей. Имеет значение *selected, appointed* 'избранный', 'назначенный', что также иронично: демократии как таковой в эру Форда не существует. Переводить это имя следует транскрипцией, как это и сделал О. П. Сорока, но мы сомневаемся, что русскоязычные читатели знакомы с личностью Мустафы Кемáля Ататюрка, и считаем, что в переводе должна быть сноска в конце страницы с кратким примечанием, объясняющим смысл имени. Фамилия Монд происходит от французского *monde* и говорит о статусе персонажа. В транскрипционном переводе — Монд — читатель, знающий языки хотя бы поверхностно, узнает слово «мир».

John (Savage) 'Джон (Дикарь)' — один из главных персонажей романа О. Хаксли «О дивный новый мир», «дикарь» из резервации индейцев.

Русскоязычный читатель, в чьем воспитании и образовании последнее столетие отсутствует религиозный аспект, не сразу догадается, что это имя восходит к имени Иоанна Крестителя, поскольку переводчик передал лишь звуковую оболочку слова. В английском языке они полностью соответствуют — *John the Baptist* — и проследить аллюзию не вызывает трудности. Иоанн вел аскетичный образ жизни, а основной темой его проповедей был призыв к покаянию. Такая характеристика полностью соответствует Джону, который в одной из сцен романа призывал одноптичных дельтавиков одуматься, выбрасывая в окно их честно заработанную сому (легализованный наркотик), а после отчаявшему-

ся, посвятившему остаток своих дней самобичеванию и молитвам. Ирония этого образа заключается лишь в том, что в конце повествования Джон поддается искушению и присоединяется к безумному веселью собравшихся поглазеть на него людей, и, осознав ужас совершенного поступка, кончает жизнь самоубийством. Для перевода этого имени стоило выбрать устоявшийся вариант — Иоанн — и не модернизировать его.

Linda ‘Линда’ — мать Джона, в результате несчастного случая попадает в резервацию индейцев и остается там, но становится изгоем. *Linda* в переводе с испанского и португальского имеет значение *beautiful* ‘красивая’, что очень интересно, потому что автор дает ей совершенно иное описание. Да, раньше она наверняка была красавицей благодаря продвинутой медицине, но за 25 лет жизни среди индейцев она превратилась в толстуху с гнилыми зубами и вечным запахом алкоголя изо рта. Самый удачный способ перевода этого антропонима — транскрипция, коим и воспользовался переводчик романа О. Хаксли. Для человека, хотя бы поверхностно владеющего этими языками, не составит труда проследить иронию этого образа. Фамилии у Линды нет. Помимо нее, фамилии не носят только индейцы, жители резервации, или так называемые ди-кари. Скорее всего, таким образом автор дает понять, что сама она стала отчасти, пусть только внешне, членом того общества, которое презирала; и хотя душой и разумом она все еще бета-минусовичка из Инкубатория, полноценным членом «дивного мира» ей уже никогда не стать.

Roré ‘Попе’ — индеец из резервации в Нью-Мексико, любовник Линды. Имя персонажа и название территории отсылают читателя к личности жреца племени тева, лидера восстания пуэбло против испанцев на территории Нью-Мексико. Здесь автор с такой же иронией относится к своему персонажу. Попе из романа «О дивный новый мир» кроме имени и происхождения не имеет ничего общего с исторической личностью Попе. В нем нет ничего героического, он такой же запойный пьяница, как и Линда. Вариант перевода — транскрипция. Мы считаем, что историческая личность Попе может быть знакома тем, кто более подробно изучал историю США. В русском переводе романа «О дивный новый мир» ссылка с пояснением аллюзивности этого антропонима не была бы лишней.

В результате исследования выяснилось, что задача по передаче аллюзивного компонента антропонимов романа О. Хаксли «О дивный новый мир» может считаться выполненной во многом благодаря тому, что большинство этих имен и фамилий принадлежит известным историческим личностям и поэтому русскоговорящему читателю легко их расшифровать. Лишь два из семи разобранных имен (Джон и Линайна Краун) оказались сложными для понимания.

А также уместно было бы ввести постраничные комментарии хотя бы для имен Мустафы Монда, Попе и Гельмгольца Уотсона.

Понимание отсылок, созданных автором, раскрывает для читателя новые горизонты в познании авторского замысла. Аллюзивные антропонимы, в данном контексте иронично описывающие своих носителей, говорят об ироничности всего повествования в целом.

Надеемся, что материалы и результаты нашего небольшого исследования помогут при обучении переводу имен собственных студентов переводческих специальностей.

1. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте : учеб. пособие. Л. : ЛГУ, 1990. 103, [1] с. [Вернуться к статье](#)

2. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе, М. : Междунар. отношения, 1980. 343 с. [Вернуться к статье](#)

3. Крюкова И. В. Прагматика онама: направления исследований и методика анализа [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatika-onima-napravleniya-issledovaniy-i-metodika-analiza/viewer> (дата обращения: 15.11.2019). [Вернуться к статье](#)

4. Цыренова А. Б. О классификации аллюзивных имен (на материале английского языка) [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-klassifikatsii-allyuzivnyh-imen-na-materiale-angliyskogo-yazyka/viewer> (дата обращения 16.11.2019). [Вернуться к статье](#)

5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. С. 110. [Вернуться к статье](#)

A. A. Ryabova

Difficulties of translating proper names (based on O. Huxley's dystopian novel «Brave New World»)

The article discusses the difficulties of translating proper names because of the need to take into account the semantics, structure and pragmatics of the original, as well as the cultural context of the target and source languages. The material of the study was the anthroponyms in the Aldous Huxley's dystopian novel «Brave New World», which were analyzed for the pragmatic component and the volume of its transmission in the Russian translation of Osiy Petrovich Soroka. The aim of the study is to decipher the pragmatic component of the original anthroponym and to analyze the effectiveness of its transmission in the text of the translation. The results of the study can be used in the teaching of the discipline «Literary translation». In the article, anthroponyms are considered from several sides: from the standpoint of the allusive component and from the position of the historical meaning of the anthroponym, which allows you to look at them from different perspectives.

УДК 373.2-056.36:376.1-056.264

Д. Н. Супрун

*профессор кафедры специальной психологии и медицины
Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова,
доктор педагогических наук, доцент (Киев, Украина)*

ИНОЯЗЫЧНЫЙ АСПЕКТ В РАМКАХ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА — ЗАЛОГ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО СПЕЦИАЛИСТА

В статье рассматривается вопрос внедрения в профессиональную подготовку языкового аспекта на практико-ориентированной основе. Определена актуальность реализации инновационных тенденций в профессиональной подготовке. Освещены преимущества применения компетентного подхода при овладении системными и структурными особенностями изучаемого языка. Анализируются практические проблемы и результаты языковой подготовки в рамках компетентного подхода в контексте профессиональной подготовки в правоохранительной системе.

Европейское пространство высшего образования основывается на международном сотрудничестве, что позволяет устранить преграды и обеспечить доступ к качественному высшему образованию, которое базируется на принципах демократизации и независимости университетов, научной и исследовательской самостоятельности, активизации мобильности студентов и научно-педагогических кадров, формирования основ для профессиональной карьеры и личностного развития.

Перед образованием возникают новые актуализации, связанные с глобализационными процессами, для преодоления которых необходимы подготовленные профессионалы в различных сферах, в частности специалисты правоохранительной системы, которые сопровождают практически все виды общественной деятельности. В то же время обострились противоречия между задачами по интеграции отечественной высшей школы с международной сферой высшего образования и действующей системой подготовки специалистов, потребностями общества в компетентных специалистах и качеством их подготовки. Следовательно, данная система требует существенной научно обоснованной модернизации. Итак, выявленные тенденции позволяют определить и уточнить стратегию повышения уровня профессиональной языковой подготовки.

Среди преимуществ интернационализации можно выделить три аспекта.

Первый — это формирование понятной для международного сообщества системы высшего образования, что достигается путем интеграции с европейским пространством высшего образования и исследовательским пространством.

Второй аспект — обеспечение конкурентоспособности высших учебных заведений.

Третий — это усиление потенциала высших учебных заведений, подготовка их к активному участию в международных проектах.

Социально-экономические и политические реалии современного мира, трансформационные процессы в отечественной системе образования, требования к современному специалисту и социальный заказ на рынке труда побуждают к пересмотру отдельных устоявшихся взглядов на цели и задачи высшего профессионального образования в целом и профессиональной языковой подготовки в частности. Уровень подготовленности выпускника должен соответствовать международным стандартам, что позволит эффективно сотрудничать в глобальном жизненном пространстве.

Специалист в правоохранительной системе должен быть одновременно и носителем вариативности теоретических и практических знаний и умений. Залогом общего и профессионального роста является взвешенное привлечение к различным сферам самовоспитания посредством формирования надлежащего уровня компонентов профессиональной подготовки с включением иноязычного аспекта. Актуальность этого вопроса вызвана необходимостью модернизации указанной отрасли, в частности спецификой обучения в контексте интернационализации высшего образования и особенностями адаптации в условиях лингвокультурной среды.

Тенденции развития мирового общества обуславливают существенное усиление внимания к проблеме инновационного (преобразовательного) потенциала личности. Современная психолого-педагогическая наука рассматривает профессиональную сферу самореализации специалиста как интеграцию общих сфер самовозрастания человека: интеллектуальной, нравственной, духовно-культурной, — в контексте трансформации профессиональной подготовки в условиях интенсификации и интернационализации высшего образования, что обеспечивается первоочередным требованием включения в профессиональную подготовку иноязычного аспекта. Профессиональная подготовка, ориентированная на самосовершенствование, повлечет сочетание взаимосвязанных и взаимозависимых процессов: самовоспитания как целенаправленной активной деятельности, которая ориентирована на формирование и совершенствование положительных и устранение отрицательных качеств, и самообразования как целенаправленного процесса углубления знаний, совершенствования и приобре-

тения соответствующих навыков и умений. Именно такой концептуально-методологический подход к осуществлению профессиональной подготовки позволит максимально приблизить к гармоничному развитию личность специалиста, что является залогом самосовершенствования и обязательным условием профессиональной самореализации на конкурентоспособном уровне относительно требований настоящего времени. Решение этой проблемы в значительной степени обусловлено наличием у будущих специалистов внутренней мотивации к постоянному самосовершенствованию личностных качеств и компетенций (в частности иноязычной) с учетом сознательного целеполагания и самопроектирования через осознанную постановку и выполнение профессиональных задач высшего уровня сложности.

Иностранный язык в системе профессионального образования, в том числе в учебных заведениях системы МВД, уже давно вышел за рамки общеобразовательной дисциплины. Сегодня он рассматривается как одна из составляющих профессиональной подготовки наряду со специальными предметами. В современных условиях знание иностранного языка является средством успешной профессиональной и научной деятельности, а уровень владения им выступает одним из показателей становления профессиональной культуры личности. Новейшая концепция преподавания иностранных языков требует новой ориентации целей, принципов, содержания, методик, оценки приобретенных знаний в соответствии с определенными в образовательно-квалификационной характеристике специалиста задачами и навыками, их применением в практической деятельности. Целесообразна и методически оправдана профессиональная, коммуникативно-направленная подготовка по иностранному языку, конечная цель которой соответствует очерченным представлениям курсантов, студентов об их будущей профессиональной деятельности (предметность деятельности) и стимулирует соответствующими мерами потребность в изучении иностранного языка (мотивированность деятельности), приводит в соответствие учебную деятельность на иностранном языке с личными целями (целенаправленность деятельности), а также способствует актуальному осознанию необходимости изучения иностранного языка как залога образованной, культурной, профессиональной, конкурентоспособной и успешной личности (осознанность деятельности) [1, с. 108].

Без изучения международного опыта невозможно развивать эффективную профессионально ориентированную отечественную систему подготовки, которая была бы адаптирована к европейским нормам лучших мировых образовательных стандартов.

Итак, подтверждаются имеющиеся противоречия между новыми общественными требованиями к компетентности специалистов в контексте европейской интеграции и традиционным подходом с учетом иноязычного аспекта. Следовательно, данная подготовка требует существенной научно обоснованной модернизации, в частности введения отдельных спецкурсов, тренингов, мастер-классов на иностранном языке, что позволит решить актуальные задачи по интеграции в европейское пространство в целом и по соответствию действующей системы подготовки кадров исследуемой категории специалистов лучшим мировым образцам и ведущим тенденциям в частности [1, с. 2]. Реализация иноязычной составляющей должна помочь создать для личности специалиста в правоохранительной системе устойчивые смысложизненные ориентиры в изменяющемся мире, личностный смысл профессионального роста именно в форме профессиональной самореализации. Руководствуясь определенными тенденциями, утверждаем, что понятия «профессиональная компетентность», «конкурентоспособность» и «профессиональная мобильность» являются взаимосвязанными и взаимообусловленными, что дало основания для рассмотрения их в единой триаде в качестве интегративного показателя уровня успешности профессиональной иноязычной подготовки. Высшее образование должно обеспечивать подготовку специалистов, которые могли бы конкурировать с выпускниками престижных зарубежных вузов. Практика рыночных отношений свидетельствует, что в настоящее время конкурентоспособный специалист должен владеть минимум одним, а то и несколькими иностранными языками, уметь справляться с особенностями адаптации в условиях иной лингвокультурной среды.

Вхождение в мировое сообщество модернизации международного порядка в контексте определенных приоритетов будущего мироустройства требует от высшего образования поэтапно реализовывать составляющие имеющейся мега-системы целостного образовательного пространства, где отличительным признаком ее содержания является развитие на компетентно-ориентированной основе. Итак, профессиональная подготовка характеризуется следующими тенденциями:

– переходом мирового сообщества к информационному обществу, где приоритетным считается не просто накопление курсантами, студентами знаний и предметных умений и навыков, а формирование умения учиться, навыков поиска информации, способности к самообучению на протяжении жизни, где эти новообразования становятся определяющей сферой профессиональной деятельности человека;

– бесспорностью факта, что интернационализация стимулирует развитие отечественной высшей школы (о весомом вкладе в положительные сдвиги свидетельствует общая тенденция профессиональной подготовки специалистов с надлежащим уровнем развития коммуникативных иноязычных умений и навыков и соответствующей профессиональной компетенцией, что повысит их конкурентоспособность на мировом уровне);

– внедрением модели личностно ориентированного учебно-воспитательного процесса как обновленной парадигмы образования, которая предусматривает признание курсанта, студента субъектом этого процесса, носителем двух групп качеств посредством умения и желания учиться, что возможно при условии, с одной стороны, овладения продуктивными навыками и развернутой рефлексией, а с другой — сформированности положительного эмоционально-ценностного отношения как к процессу деятельности, ее результату и полной самореализации;

– необходимостью овладения искусством быстрых трансформационных изменений в образовательных системах как в локальной (региональной, национальной) среде, так и в глобальном международном пространстве;

– внедрением компетентностного подхода в практику работы вузов в условиях обновления целей обучения, модернизации содержания образования, модификации методов и форм обучения, разработки инструментария определения результативности компетентностно-ориентированного учебного процесса;

– системностью, разноуровневостью, специализированностью, практической ориентированностью, мобильностью, сертифицированностью;

– манифестацией иноязычной компетентности как одной из основ профессиональной деятельности специалиста;

– развитием профессионального мышления, которое характеризуется осознанным, целенаправленным, системным подходом и должно реализовываться благодаря формированию специфических профессиональных знаний и навыков;

– логической необходимостью, обусловленной вышеприведенным анализом по определению закономерностей и возможностей создания проекций инновационной функциональной системы профессионально ориентированной подготовки, а также структурированного алгоритма и составляющих программы внедрения рассматриваемого иноязычного аспекта в качестве составляющей указанной системы [2, с. 12].

Безусловно, интернационализация стимулирует развитие отечественной высшей школы. Большой вклад в положительные сдвиги делает общая тенденция профессиональной подготовки специалистов с надлежащим уровнем разви-

тия профессиональных навыков и соответствующей иноязычной компетенцией, что повысит их конкурентоспособность на мировом уровне.

1. Методика викладання психології у вищій школі / Ю. Ю. Бойко-Бузиль [та ін.]. К. : Атіка, 2012. 272 с. [Вернуться к статье](#)

2. Супрун Д. М. Теорія та практика професійної підготовки психологів в галузі спеціальної освіти : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.03. Київ, 2018. 657 л. [Вернуться к статье](#)

D. N. Suprun

Foreign language aspect in the context of practice-oriented approach — the guaranty of competitive specialist’s professional training

The article reviews the status and trends of nowadays professional training. The issue of foreign language aspect’s introduction to professional training on the competent-oriented basis are considered. The relevance of the implementation of innovative trends in professional training is determined. The advantages of applying the competence approach in the field of foreign language education are highlighted. The complex of necessary foreign language knowledge, skills, which are required for cadets, students, as a result of studying are offered. The practical problems of foreign language training are analyzed in the framework of the competency-based approach in the context of professional training in the law enforcement system. The list of competencies that must specialists own by the end of training is provided. The practical results of introduction of foreign language aspect and methods of foreign language education with the consideration of the competence approach in the context of professional training in the law enforcement system are analyzed. The article marks recent internationalization trends, which are observed worldwide; lists the positive aspects of internationalization of higher education and elements of the culture of the University, which must be developed in terms of internationalization. The necessity of the applying of the foreign language aspect in the context of practice-oriented approach as the guaranty of competitive specialist’s professional training is proved.

УДК 316.4

К. С. Тетюева

*студент факультета педагогики и психологии детства
Могилевского государственного университета
имени А. А. Кулешова (Беларусь)*

РИСКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЛИЯНИЯ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

В условиях кризиса традиционных институтов социализации, таких как семья и школа, средства массовой информации и коммуникации становятся одним из важнейших институтов социализации нового поколения, неформального образования и просвещения и даже в какой-то степени заменяют традиционно сложившиеся формы социализации информационной социализацией. Именно поэтому в статье рассмотрены психолого-педагогические риски социализации детей и подростков, связанные с массовым распространением, широким внедрением и всеобщей доступностью средств массовой информации и коммуникации.

Информационное общество представляет собой социально-экономическое образование, в котором информация становится важнейшим экономическим и социальным ресурсом, определяющим процессы материального и духовного производства, социальную стратификацию [1]. Без ложного преувеличения можно говорить о высокой значимости средств массовой информации и коммуникации в современном обществе, ведь именно они являются институтом социализации нового поколения, оказывая на людей, в частности на детей и подростков, колоссальное влияние.

Средства массовой информации — совокупность органов публичной передачи информации с помощью технических средств [2]. Средства массовой коммуникации, в свою очередь, представляют собой орудия производства, хранения и распространения всевозможной информации с заложенными в ней ценностями, рассчитанными на массовое восприятие [3].

Понятие «информационное пространство» широко используется в научной терминологии и многими авторами трактуется по-разному. Впервые понятие «информационное пространство» было использовано редактором журнала «Информационные ресурсы России» О. В. Кедровским [2]. Также различные подходы к определению данного понятия можно встретить в работах таких ученых, как М. А. Пильгун («Особенности формирования контента в русскоязычном медиaprостранстве»), В. Г. Машлыкин («Европейское информационное пространство»), С. П. Расторгуев («Философия информационной войны»),

С. А. Модестов («Информационное противоборство как фактор геополитической конкуренции»), и др.

Но прежде чем давать обобщенное понятие термину «информационное пространство», стоит остановиться на определениях понятий, являющихся для него основополагающими. К ним можно отнести понятие «информация», представляющее собой сведения, независимо от представления и формы, и «пространство», которое представляет собой понятие, характеризующее взаимное расположение сосуществующих объектов [2]. Теперь, соединяя два вышеназванных определения, можно сказать, что «информационное пространство представляет собой совокупность информационных ресурсов и инфраструктур, которые составляют государственные и межгосударственные компьютерные сети, телекоммуникационные системы и сети общего пользования, иные трансграничные каналы передачи информации» [1].

Влияние информации на развитие детей и подростков невозможно измерить, оно может оказаться настолько сильным, что приведет к серьезным деформациям на уровнях психики и поведения несовершеннолетних. Конечно, ошибочно будет утверждать, что средства массовой информации и коммуникации посредством главного их продукта — информации — оказывают только негативное влияние на становление и развитие личности. Но информационное пространство, существуя и развиваясь, как любая другая система, подвержена влиянию различного рода рисков. Риск — это неопределенное событие или условие, которое в случае возникновения приводит к обязательным неблагоприятным последствиям [3].

Особого внимания требует тема информационного влияния на детей и подростков и связанных с этим процессом рисками. Огромное значение имеют риски социализации, определяющиеся воздействием на детей и подростков различных видов недостоверной, опасной, противоправной информационной продукции. В первую очередь это приводит к негативному влиянию на развитие личности, в частности к формированию интернет-зависимости, негативному влиянию на психическое, психологическое и физическое здоровье, девальвации нравственности, снижению культурного уровня, вытеснению и ограничению традиционных форм общения [1].

К одной из самых больших групп рисков информационного влияния на детей и подростков можно отнести контентные риски. Наличие большого количества контента (материала) в сети Интернет, каналах средств массовой информации, которые зачастую не фильтруется, приводит к проблеме воздействия сцен насилия и агрессии на психику детей и подростков. Вспомним концепцию социального научения А. Бандуры, согласно которой телевизионная агрессия

служит примером для реального моделирования поведения людей. Именно сцены насилия, агрессии, борьбы, проявления различных форм дискриминации, которые дети могут увидеть по телевизору, самостоятельно найти на просторах Интернета или постоянно наблюдают это в некоторых компьютерных играх, где главной целью является, например, уничтожение соперника любой ценой, оставляют неизгладимый отпечаток на психике, а в дальнейшем могут стимулировать и провоцировать на проявление агрессивного поведения в реальной жизни с целью причинить вред себе и другим. Чем больше ребенок сталкивается со сценами, несущими оттенки насилия и агрессии на экране, тем больше он привыкает к этому, принимая такое поведение как норму в реальной жизни. У детей и подростков возрастает толерантность к демонстрируемым сценам насилия, они становятся бесчувственными, не способными переживать чужую боль и легко применяют насилие в своих играх и реальной жизни [1]. Нередко средства массовой информации пропагандируют так называемую шаблонную красоту. Просмотр идеализированных экранных образов у подростков, в особенности у девочек, может вызывать мысли о своей неполноценности, развивать комплексы, которые в дальнейшем приводят к следованию культу анорексии и булимии.

В определении Дж. Гербнера медианасилие представляет собой «демонстрацию открытого применения физической силы и действий, осуществляемых под принуждением и против воли под страхом нанесения телесных повреждений или убийства, либо при фактическом осуществлении последних». Есть и обратная сторона, дети могут не «впитывать» экранную жестокость, а сопереживать лицам, страдающим от насилия, начав видеть мир жестоким и недоброжелательным, рассматривая насилие как допустимую вероятность того, что с ними может произойти это в реальной жизни [2].

Если средства массовой информации в большей степени фильтруют контент, выходящий на большие экраны, в печатную продукцию, то в сети Интернет дети и подростки в свободном доступе могут получить информацию о чем угодно по одному лишь запросу.

К такой продукции можно отнести материалы, изображающие сексуальные преступления, например:

- изнасилование;
- детскую порнографию;
- сексуальную эксплуатацию детей;
- не связанные с физическим насилием материалы, изображающие унижительные или оскорбительные действия и сцены, подавление личности, демонстрирующие доминирование и подчинение;

– откровенные натуралистические сцены, не связанные с физическим насилием и оскорбительными действиями (изображение полового акта, проходящего при взаимном согласии партнеров и без применения физического насилия) [1].

В данном случае даже не стоит приводить массу аргументов, подтверждающих высокий риск акселерации полового развития, начала ранней половой жизни, страха перед грумингом и насилием в реальной жизни у детей и подростков.

Еще одной угрозой, с которой подрастающее поколение может столкнуться в информационном пространстве, являются вредоносные программы, представляющие собой различное программное обеспечение (вирусы, черви, «тройские кони», шпионские программы, боты, спам-атаки и многое другое). Эти программы не только могут нанести вред компьютеру, нарушив его работу и конфиденциальность хранящейся в нем информации, но и могут серьезно сказаться на психике ребенка. Нередко встречаются случаи, когда вследствие взлома личных аккаунтов разглашаются личные данные ребенка, фото- и видеоматериалы попадают в сеть Интернет, после чего не исключены случаи травли ребенка сверстниками, шантажирования с целью вымогания денег и т. д.

Не стоит оставлять без внимания и такое явление, как реальная зависимость детей от компьютера. Компьютерная зависимость и одна из ее разновидностей — интернет-зависимость — представляют собой патологическое влечение человека проводить время за компьютером, работая, играя в игры, посещая различные сайты в сети Интернет. С одной стороны, зависимость от компьютера не приносит такого большого вреда здоровью, как зависимость от наркотических веществ и алкоголя. Однако проведение большого количества времени за компьютером на постоянной основе приводит к ряду негативных последствий, которые сказываются на физическом и психологическом состоянии детей и подростков. Чрезмерная увлеченность компьютером делает ребенка раздраженным, отстраненным от реального мира. Дети и подростки, у которых есть компьютерная зависимость, не соблюдают режим сна, режим приема пищи, не контролируют время, проведенное за компьютером, могут прогуливать занятия, чтобы больше времени провести за любой игрой или скитаясь по различным сайтам в сети Интернет. Все это может привести к снижению успеваемости в школе, частым перепадам настроения, нарастанию оппозиции к родителям и педагогам при запрете пользования компьютером, ограничению круга социальных контактов, уходу от реального мира в мир виртуальный.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что огромное значение в предупреждении нарушений в жизни и развитии детей и подростков, связанных с рисками информационной безопасности, имеет социально-

педагогическая профилактика. Работа в данном направлении должна осуществляться специалистами социально-педагогического профиля в учреждениях образования путем информационно-просветительской работы, направленной на формирование информационной культуры, навыков безопасного использования киберпространства учащимися.

Родители и педагоги не должны оставаться в стороне, им следует активно принимать участие в предупреждении негативного информационного воздействия на детей, в первую очередь через повышение своего уровня информационной культуры и использование различных приемов борьбы с информационными рисками (использование модулей родительского контроля, программ, фильтрующих контент, ограничение времени проведения ребенком за компьютером, организация досуга детей во внеучебное время). При организации данной работы стоит учитывать возрастные особенности, индивидуально-психологические и личностные характеристики детей и подростков. Именно тогда с уверенностью можно будет говорить не про риски информационного влияния, а про положительный образовательный потенциал информационного пространства.

1. Шубинский М. И. Угрозы и риски безопасности информационной среды образовательного учреждения // Весн. ун-та ИТМО. Сер. 8, Образование. Наука. Культура и технологии будущего. 2018. № 2. С. 130–146. [Вернуться к статье](#)

2. Карабанова О. А. Психологические особенности восприятия детьми телевизионных передач. 1-е изд. М. : Аспект Пресс, 2002. 153 с. [Вернуться к статье](#)

3. Риски негативного воздействия информационной продукции на психическое развитие и поведение детей и подростков / О. А. Карабанова [и др.] // Нац. психологич. журнал. Сер. психологич. наук. 2018. № 3. С. 37–46. [Вернуться к статье](#)

K. S. Tetueva

Risks of informational influence: psychological and pedagogical perspective

Parents and teachers should not stand by and actively take part in preventing negative information impact on children. First of all, by increasing their level of information culture and using various methods to combat information risks (using parental control modules, programs that filter content, limiting the time spent by the child at the computer, organizing children's leisure time outside of school). When organizing this work, you should take into account the age characteristics, individual psychological and personal characteristics of children and adolescents. It is then that we can speak with confidence not about the risks of information influence, but about the positive educational potential of the information space.

УДК 376.33

Е. П. Томашева

*старший преподаватель кафедры психологии
и коррекционной работы*

*Могилевского государственного университета
имени А. А. Кулешова (Беларусь)*

ФОРМИРОВАНИЕ У СОТРУДНИКОВ МВД ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ О СИСТЕМАХ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ЛИЦ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА

В статье рассматриваются особенности таких средств межличностной коммуникации лиц с нарушением слуха, как дактильная речь и жестовый язык. Подчеркивается, что для создания в современном обществе безбарьерной среды для незлышащих людей необходима специальная профессиональная подготовка сотрудников правоохранительных органов, которая позволит успешно общаться с людьми с нарушением слуха в различных, в том числе и экстремальных, ситуациях.

В настоящее время в соответствии с мировыми тенденциями в Республике Беларусь активно осуществляются процессы интеграции и инклюзии в отношении лиц с особенностями психофизического развития, включая и лиц с нарушением слуха. В нашей стране создаются благоприятные условия для полноценного включения незлышащих людей в различные области жизнедеятельности: социально-экономическую, образовательную, культурную, спортивную и т. д.

Важным шагом в данном направлении является создание Национального плана действий по реализации в Республике Беларусь положений Конвенции о правах инвалидов на 2017–2025 годы, утвержденного постановлением Совета Министров Республики от 13 июня 2017 года № 451. Согласно этому нормативно-законодательному документу, формирование у сотрудников правоохранительных органов лингвистической компетентности в области дактильной речи и национального жестового языка является необходимым компонентом профессиональной подготовки.

В Могилевском институте МВД для слушателей курсов повышения квалификации с 2018 года проводится учебная дисциплина «Основы жестового языка».

В теоретических материалах учебного курса центральное место занимают вопросы, посвященные истории возникновения дактилологии и жестового языка, особенностям дактильных алфавитов мира и национальных жестовых

языков, характеристике разговорной жестовой речи и калькирующей жестовой речи.

На начальном этапе обучения слушатели знакомятся с дактильной речью. Термин «дактилология» происходит от греческого *dactilos* — «палец», *logos* — «слово» и используется в двух основных значениях. Во-первых, дактилология — это система пальцевых знаков, каждый из которых соответствует определенной букве алфавита. Во-вторых, дактильная речь — это коммуникация с помощью пальцевых знаков (дактилем) [1, с. 20].

Попытки установить время и место появления дактилологии не дали убедительных результатов. По мнению многих исследователей, изобрели ее испанские монахи, которые, дав обет молчания, вынуждены были общаться не только жестовой, но и дактильной речью.

Зарождение и развитие дактилологии как средства обучения и общения лиц с нарушением слуха относится к эпохе Возрождения.

Впервые дактильный алфавит был опубликован в книге испанского монаха Ж. П. Бонета «О природе звуков и искусстве научить глухого говорить» (1620 год). В XVIII–XIX веках дактилология стала применяться во Франции, Германии, Великобритании, России, Америке [1, с. 34].

Сейчас в разных странах на основе алфавитов национальных языков применяются разнообразные дактильные азбуки. Общее их количество неизвестно, так как они не систематизированы. В США в 1982 году был издан сборник S. Carmela, в котором описаны 43 дактильных алфавита, используемых в 59 государствах. Автор представил в книге и международный дактильный алфавит, которым пользуются (начиная с 1963 года) на конференциях Всемирной федерации глухих (ВФГ). Для международной дактильной азбуки за основу был принят латинский алфавит и соответственно дактильные знаки, употребляемые в большинстве стран Европы и Америки [1, с. 6].

Создатели первых дактильных алфавитов и их преемники стремились выбрать такие конфигурации (формы) пальцев кисти руки, чтобы дактилемы напоминали буквы.

В основу классификации дактильных систем, предложенной И. Ф. Гейльманом (1981 год), положены следующие критерии: состав; способ образования; принцип обозначения.

Таким образом, по составу дактильная азбука может быть одноручной, двуручной, комбинированной (т. е. одни дактилемы показываются обеими руками, а другие — одной). По способу образования дактильные знаки могут быть копирующими (т. е. стремящимися к сходству дактилемы с буквой), вари-

антными. По принципу обозначения дактильные алфавиты делятся на буквенные, слоговые и совмещенные (буквенно-слоговые).

Согласно этой классификации, например, русская, испанская и другие дактильные азбуки являются одноручными, копирующими и буквенными, английская дактильная азбука — двуручной (кроме буквы С), копирующей и буквенной. Китайский дактильный алфавит в данной классификации определяется как комбинированный, вариантный и совмещенный. Таким образом, китайская, японская и некоторые другие дактильные системы построены не на основе сходства дактилем с буквами, а на других принципах, отражающих специфику национальной письменности [2, с. 7].

Отметим, что в русском дактильном алфавите 33 дактилемы, т. е. столько же, сколько букв в русской азбуке. Каждая дактилема обозначает соответствующую графему. Это обозначение в русской дактилологии передается двумя способами:

- конфигурацией пальцев;
- движением кисти руки.

Большинство дактилем (25) изображаются только конфигурацией пальцев: *а, б, в, г, ж* и др. Другие дактилемы (8) — сочетанием конфигурации и движения: *д, е(ё), з, й, ц, щ, ь, ъ*.

Обозначение всех пунктуационных знаков (точки, тире, вопросительного и восклицательного знаков, скобок, кавычек и др.) осуществляется одним или двумя указательными пальцами, которые в воздухе воспроизводят их очертания.

Дактильная речь возникла на буквенной орфографической основе. По способу воспроизведения дактильная речь соответствует письменной, а по функции она аналогична устной речи и служит средством обучения и общения лиц с нарушением слуха.

На занятиях слушатели усваивают правила дактилирования:

- дактилируют в соответствии с нормами правописания (правилами орфографии);
- дактильная речь сопровождается проговариванием сообщения;
- дактильные знаки показываются точно и четко;
- дактилирование ведут плавно и слитно;
- дактилирующие слова разделяются паузой, фразы — остановкой;
- дактилировать общепринято правой рукой;
- при дактилировании рука согнута в локте, кисть руки находится на уровне плеча, слегка вынесена вперед и обращена ладонью к собеседнику, никогда не прикрывает рот говорящего (такое положение руки дает возмож-

ность собеседнику воспринимать дактильную речь одновременно с артикуляцией);

– дактилирующая кисть слегка сдвигается влево;

– в случае ошибки или непонимания повторно дактилируется все слово [2, с. 10].

Иногда дактильную речь сравнивают с жестовой речью. Однако между этими знаковыми системами нет ничего общего.

Жестовый язык — это высокоразвитая языковая система, единицей которой являются жесты, обозначающие предметы, действия, признаки, качества, числа и даже целые ситуации. В дактильной речи определенные положения пальцев обозначают буквы, из которых складываются слова и предложения.

На более поздних этапах обучения слушатели приступают к изучению национального жестового языка. Они узнают, что благодаря такой науке, как структурная лингвистика, оказалось возможным исследовать лингвистические закономерности жестового языка. Впервые проблемы жестового языка были изучены американским ученым В. Стоку в работе «Структура жестового языка» (W. Stokoe, 1960 год). В результате зарубежных и отечественных исследований (W. Stokoe, B. Bergman, C. Padden, C. Baker, Г. Л. Зайцева и др.) был накоплен широкий материал по лексике, морфологии и синтаксису различных национальных жестовых языков: американского, английского, французского, шведского, датского, русского и др. [1, с. 48; 3, с. 59].

Полученные данные свидетельствуют, что национальные жестовые языки глухих — это своеобразные коммуникативные системы, обладающие необходимыми лексическими и грамматическими средствами для выражения самых различных значений, в том числе и абстрактных.

Внимание слушателей обращается на то, что в современной науке выделяются две разновидности жестовой речи: разговорная и калькирующая [2].

Разговорная жестовая речь (т. е. национальный жестовый язык) обеспечивает неофициальную, непринужденную коммуникацию лиц со слуховой депривацией, и в этом отношении назначение жестового языка сопоставимо с назначением разговорных разновидностей словесных языков. Единицы жестового языка — жесты. Жест — это кинетический акт, в котором участвуют главным образом руки и пальцы, движущиеся в пространстве перед корпусом или лицом говорящего человека. Жесты бывают одноручные и двуручные. Жесты обозначают предметы, признаки, действия и целые ситуации.

Калькирующая жестовая речь — это система общения, в которой жесты воспроизводят структуру словесных языков, т. е. порядок жестов в высказыва-

ниях соответствует порядку аналогичных слов в предложениях в русском языке, в английском языке и т. д. Калькирующая жестовая речь (КЖР) используется для официального общения (на конференциях, при сурдопереводе телепередач и т. д.). Она обеспечивает передачу значений русских слов, в том числе научных и профессиональных терминов, общественно-политической лексики и т. п.

Следует отметить, что экспериментально установлено, что уровень понимания информации на калькирующей жестовой речи у глухих людей значительно ниже, чем на основе национального жестового языка [4, с. 32]. Это объясняется тем, что у лиц с нарушением слуха наблюдается низкий уровень владения словесной речью.

На занятиях слушатели также знакомятся со структурой жеста. В. Стоку впервые доказал, что жест, как и слово, имеет сложную структуру. Автор выделил три параметра жеста: конфигурацию (включающую форму руки, направление ладоней и пальцев), пространственное положение (место исполнения жеста в пространстве) и движение [1, с. 57; 5, с. 42].

Указанные выше теоретические аспекты, которые характеризуют невербальную межличностную коммуникативную деятельность лиц с нарушением слуха, усваиваются слушателями на лекционных и практических (семинарских) занятиях. Таким образом, вооружение сотрудников органов внутренних дел РБ научно-теоретическими знаниями в области дактильной речи и жестового языка является основой для формирования у них коммуникативной компетенции, т. е. для формирования умения общаться на жестовой основе с неслышащими людьми.

1. Зайцева Г. Л. Жестовая речь. Дактилология : учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 192 с. [Вернуться к статье](#)

2. Дактилология и основы жестового языка: метод. материалы / автор-сост. Е. П. Томашева. Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2007. 47 с. [Вернуться к статье](#)

3. Томашева Е. П. Проблема изучения жестового языка глухими детьми в Швеции, Дании и Франции // Дэфекталогія. 2005. № 3. С. 57–63. [Вернуться к статье](#)

4. Русакович И. К. Взаимодействие словесной и жестовой речи на коррекционных занятиях в аспекте качества специального образования // Спецыяльная адукацыя. 2010. № 5. С. 30–36. [Вернуться к статье](#)

5. Григорьева Т. А. Русакович И. К., Шугай Т. А. Жестовый язык : теория и практика обучения в специальной школе : учеб.-метод. пособие. М. : БГПУ, 2007. 63 с. [Вернуться к статье](#)

E. P. Tomasheva

Formation of theoretical knowledge among the employees of the Ministry of Internal Affairs about non-verbal communication systems for people with hearing disorders

Currently, certain measures are being taken in the Republic of Belarus that are aimed at a broader realization of the rights of people with hearing disorders, including the right to communicate in a sign language.

For successful socialization and adaptation of deaf people, it is important that law enforcement officers know dactyl speech and national sign language. The study of the dactylic speech, as well as the vocabulary, morphology, syntax of sign language allows the police to better understand people with hearing impairment, quickly enter into communication with them and provide the necessary assistance.

УДК 37.01

О. И. Уланович

*доцент кафедры теории и практики перевода
Белорусского государственного университета,
кандидат психологических наук, доцент*

ДИСКУРСНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ЦЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В РАМКАХ ДИСКУРСНОГО ПОДХОДА В ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ

Сегодня обучение иностранному языку в вузе необходимо рассматривать как формирование готовности к дискурсивной деятельности посредством дидактического моделирования в учебном процессе социально-ценностного языкового взаимодействия в различных дискурсивных практиках. Отмеченное отражает суть дискурсного подхода в языковом образовании. В статье предлагаются определения конститутивных понятий дискурсного подхода в обучении иностранному языку в вузе, представлена структура дискурсивной компетенции специалиста, анализируются ее ключевые составляющие.

Современное коммуникативное пространство является совокупностью разнообразных дискурсивных практик, отмеченных институциональной, социокультурной и ситуативной детерминированностью речевого взаимодействия. *Дискурсивная компетентность* как способность к активной коммуникации в профессиональном дискурс-пространстве в соответствии с его правилами и нормами рассматривается сегодня как важнейшее качество специалиста в социально-коммуникативных сферах деятельности в целом и в межкультурной профессиональной среде в частности. Отсюда закономерной видится оценка знания и владения специалистом иностранным языком через призму его владения дискурсом — единством деятельности, действительности и соответствующих коммуникативных жанров и речевых форм. Формирование дискурсивной компетенции специалиста представляется возможным исключительно в рамках дискурсного подхода в языковом образовании.

Существующие в современной лингводидактике наработки (фактически единичные), более или менее относящиеся к области дискурсного подхода, акцентируют либо введение профильно ориентированного текста (представляющего тот или иной дискурс) в качестве содержания обучения иностранному языку в вузе студентов медицинских, экономических, юридических и других специальностей, либо формирование профессионального лексикона, структурирующего лингвистический каркас специального дискурса (экономического,

правового, научно-технического и др.). Тем самым область применения дискурсного подхода в преподавании иностранного языка сводится исключительно к структурированию **лингвистического содержания** обучения языку. При этом собственно предлагаемые дидактические решения достаточно спорны или даже сомнительны: профильно ориентированный текст, датирующийся прошлым веком, никак нельзя рассматривать в качестве репрезентирующего современный дискурс (а дискурс сегодня как никогда ранее динамичен, ибо стремительно изменяется социальный контекст жизни современного общества), а список профессиональной лексики вне актуализирующего ее дискурса — застывший языковой материал, не обеспечивающий коммуникацию в профессиональной среде.

Таким образом, можно утверждать о фрагментарности наработок, недостаточной системности и целостности в представлении дискурсного подхода в преподавании иностранного языка в вузе, что, кстати, равно справедливо как для зарубежной, так и для отечественной лингводидактики.

Итак, **дискурсный подход** в преподавании иностранного языка в вузе предлагаем рассматривать как лингводидактическую технологию, имеющую целью формирование дискурсной компетенции студентов посредством дидактического конструирования в учебном процессе социально значимой вербальной интеракции в разнообразии дискурсивных практик в различных сферах общественной и профессиональной деятельности (в синхронной проекции) с использованием материалов профессионально актуальной дискурсивной и жанровой принадлежности (тексты и особая лексика, семантика и прагматика — языковая манифестация дискурса).

Дискурсный подход, по нашему убеждению, представляет собой целостную лингвометодическую систему, концептуальное осмысление и дальнейшую методическую разработку которой следует реализовывать в рамках следующих четырех ее системных компонентов: *целевой, содержательный, процессуальный и результативный*.

Целевой компонент дискурсного подхода в обучении иностранному языку в вузе предлагаем определять как формирование **дискурсной компетенции** студентов.

В *содержательном* компоненте, определяемом с учетом общедидактического понимания содержания образования и обучения, предлагаем акцентировать две составляющие: а) *объектную* — языковой материал, используемый в учебном процессе (текст, лексика, семантика и прагматика в их дискурсивной актуализированности); б) *субъектную* — знания и умения, обеспечивающие

владение будущим специалистом дискурсом и дискурсивными практиками (что и структурирует содержание дискурсной компетенции).

Процессуальный компонент предлагаем понимать как моделирование в дидактических целях различных дискурсивных практик, которые суммарно вскрывают современный социокультурный контекст существования того или иного дискурса (правового, медицинского, политического, военного и т. д.), с использованием соответствующего методического инструментария (приемов, методов и технологий).

Результативный компонент заключается в формировании «дискурсивных черт» в языковой личности обучающегося или «дискурсивной личности» специалиста. Поскольку ключевым в понятии «дискурсивная личность» является термин «личность», то в данном случае подразумевается формирование определенных когнитивно-психологических, социальных, коммуникативных и ценностных черт в структуре личности специалиста, которые обеспечивают его органичное участие в дискурсивной деятельности в профессиональной среде. Коммуникативно-жанровая специфика и социальные параметры того или иного дискурса, безусловно, определяют типологические черты дискурсивной языковой личности: культуру речевого поведения, ценности, интенции, тезаурус и т. д., — которые объективируются в дискурсивной деятельности, позволяют личности «порождать» и «потреблять» дискурс.

Возвращаясь к *целевому* компоненту дискурсного подхода в языковом образовании, определяемому нами как формирование **дискурсной компетенции**, важным видится дать некоторое рациональное определение данной характеристики специалиста и предложить ее структуру.

В современной методической литературе наблюдается недифференцированность категорий «дискурсивная компетенция» и «дискурсная компетенция»: оба термина используются как взаимозаменяемые категории и определяются как тождественные понятия. Зачастую использование того или другого термина является скорее результатом предпочтения автора, а не принципиальной позицией, обоснованной четкой категориальной дифференциацией. В целом рассматриваемое качество специалиста столь комплексно и многогранно, что предложить его лаконичную и единую формулировку представляется непростой задачей.

О. В. Луцинская определяет данное качество как «знание разных типов дискурса и правил их построения, умение интерпретировать их в соответствии с коммуникативной ситуацией и продуцировать эти дискурсы с учетом экстралингвистических особенностей ситуации общения, ролей участников коммуни-

кации и способов взаимодействия коммуникантов в рамках единого кортежа» [1, с. 252].

Знаниево-умениевая интеграция акцентируется и в развернутом определении Я. Р. Зинченко: дискурсная компетенция — это «знание о функционально-структурном содержании текстов, которое включает нормы и правила создания и оформления текстов, стилистические и языковые особенности, логическое структурирование, знание ситуаций общения (формата)», а также «умение распознавать данное содержание, адаптироваться к ситуации и корректно строить тексты, участвовать в дискуссиях» [2, с. 82–83].

Л. А. Силкович рассматривает данную характеристику как обладающую значимым для профессиональной деятельности ценностным смыслом, «поскольку она позволяет корректно выстраивать собственное коммуникативное поведение в прагматическом контексте профессиональной ситуации», «выбирать социально оправданные лингвистические средства и способы коммуникативного взаимодействия», «обладает практико-ориентированной направленностью — проявляется и формируется только при коммуникативном взаимодействии, согласуется с системой ценностей социума» [3, с. 134].

Предложенные выше дефиниции представляются взаимодополняющими и детализирующими обширное и до сих пор не лишнее некоторой неопределенности категориальное пространство рассматриваемой характеристики специалиста, которую предлагаем дефинировать именно как **дискурсную компетенцию**, составляющую целевой компонент развиваемого нами дискурсного подхода в обучении иностранному языку студентов вуза.

Дискурсную компетенцию в контексте усвоения иностранного языка предлагаем понимать как владение субъектом комплексом типовых нормативно одобренных коммуникативных практик (устных и письменных) в пределах того или иного профессионального дискурса, а также владение лингвистическими средствами материализации данных коммуникативных практик. К лингвистическим средствам объективации дискурсивных практик относятся форматы речевой стереотипии (типовые модели речевого поведения в дискурсе и тексты различной жанровой принадлежности) и актуализированные в данном дискурсе языковые / речевые единицы. «Владение» как термин и оценочный критерий степени сформированности соответствующих умений предполагает и восприятие текстов / речи той или иной дискурсивной принадлежности, и порождение дискурса — активное участие в дискурсивной деятельности.

Дискурсную компетенцию во владении иностранным языком считаем необходимым рассматривать максимально широко как системное качество специалиста в той или иной профессиональной деятельности, которое Е. М. Браза-

ускене емко и лаконично определяет как «умение быть в дискурсе, владеть дискурсом и соответствовать дискурсу» [4, с. 14].

Термин «дискурсная компетенция» является производным от категории «дискурс», поэтому осознание степени комплексности дискурсной компетенции и выведение ее структуры видится возможным через анализ категориального пространства термина «дискурс».

Е. В. Савич, развивая интегративный подход к пониманию дискурса, учитывая его функциональную, феноменологическую и деятельностную составляющие, предлагает описывать дискурс через интегративную парадигму, в которой дискурс предстает как: а) *деятельность*, социально ценностная, реализующая коммуникативную и когнитивную функции языка, несущая отношения, оценки, результат; б) *действительность*, социально сконструированная, репрезентирующая социально-дифференцированные отношения в рамках субъект-объектных и субъект-субъектных взаимодействий; в) *набор знаков в их функциональной данности* — своего рода «язык в языке»: актуализированные в дискурсе единицы языка и речи (включая текст) [5, с. 60].

В содержании характеристики «дискурсная компетенция» предлагаем акцентировать понимание дискурса как *деятельности* — целенаправленного, социально ценностного, знакового, кодифицированного взаимодействия, направленного на социально-административную организацию, координацию и оценку совместной предметной деятельности субъектов посредством вербальных средств коммуникации. Отсюда дискурсная компетенция есть способность к осуществлению *дискурсивной деятельности*, реализация которой невозможна без владения предметным полем дискурсивной области (дискурс-компетенции) и инструментами манифестации дискурса в социальном контексте — наборами знаков в их функциональной данности (дискурсивной компетенции). Таким образом, в структуре дискурсной компетенции мы предлагаем выделить две составляющие: 1) *дискурс-компетенцию*; 2) *дискурсивную компетенцию*.

Дискурс-компетенция — владение дискурсом как *действительностью*: знание сущностной стороны определенной сферы социального континуума, объективированной в том или ином дискурсе (медицинском, образовательном, правовом, политическом и т. д.), знание фрагмента социальной реальности как актуальных субъект-объектных и субъект-субъектных отношений и практик взаимодействия в определенном сегменте социумного пространства. Исходя из того, что дискурс — это «языковое конструирование социальной реальности в самом широком смысле», «социальный мир проектируется и моделируется в дискурсе» [6, с. 28–29]), можно полагать, что владение дискурсом как действительностью обеспечивает широкое и глубокое понимание специалистом фено-

менов жизни мирового сообщества, а следовательно, его коммуникативную профессиональную состоятельность.

Можно сказать, что дискурс-компетенция — это предметная компетенция в области профессиональной деятельности, которая коррелирует с «дискурсивной картиной мира». Последняя, по мнению З. И. Резановой, репрезентирует сложный ментальный конструкт, целостную систему знаний, идей и представлений коммуниканта об окружающей действительности, формируемую и выражаемую в пределах какого-либо дискурса [7, с. 43].

Наряду с *дискурс-компетенцией* в структуре **дискурсивной компетенции** предлагаем выделять еще одну составляющую — *дискурсивную компетенцию*.

Дискурсивная компетенция — владение дискурсом как *набором знаков в их функциональной данности*: структурно-коммуникативными моделями текстов различной жанровой принадлежности (например, видовым разнообразием деловых документов), а также «логосом» дискурса, т. е. типологическим для того или иного дискурса набором лексико-стилистических и грамматико-синтаксических средств. В определение дискурсивной компетенции предлагаем заложить понимание дискурса, в терминологии Е. А. Кожемякина, как «*актуализирующей практики*»: дискурс «актуализирует язык (как абстрактную знаковую систему) и тексты (как абстрактные ментальные конструкты)» [6, с. 28].

При формировании дискурсивной компетенции при обучении иностранному языку важно акцентировать социокультурную специфику языка того или иного дискурса в иноязычном лингвокультурном пространстве. Так, проведенные нами экспериментальные исследования дискурсивных характеристик англо- и русскоязычных правовых документов (юридический дискурс) выявили более высокую степень унифицированности, стандартизованности и шаблонности русскоязычного языка права по сравнению с англоязычным юридическим языком. Аналогичным образом стиль научных текстов в русском языке более дифференцирован и четче окрашен по языковым формально-стилистическим признакам, чем научный стиль в английском языке. Что касается языка деловых документов, то, напротив, сегодня можно уверенно заявлять об универсализационном процессе в развитии деловой словесности, ориентиром в котором выступает универсальная англоязычная модель. Тем самым можно засвидетельствовать формирование наднационального стиля деловых документов в мировом бизнес-общении, причем как в плане текстовой организации и специфики жанров деловых документов, так и в аспекте речевых стратегий и тактик, а также в плане семантики, лексики и синтаксиса [8].

Отмеченные нами две составляющие в структуре дискурсивной компетенции при обучении иностранному языку студентов вуза сами по себе также

представляют, на наш взгляд, комплексные образования, внутри каждого из которых присутствует компонентная структура. Можем предположить, что в характеристике «профессиональная дискурсивная компетентность» в зависимости от области дискурсивной практики отдельные компоненты могут иметь тот или иной уровень, больший или меньший вес в ряду иных параметров. Таким образом, можно говорить о «специализированности» структуры дискурсивной компетентности, формируемой при овладении иностранным языком, в зависимости от профессиональной деятельности и профессионального дискурса.

Обучение иностранному языку в вузе с учетом формирования *дискурсивной компетентности* и *дискурсивной компетентности*, которые в комплексе формируют **дискурсивную компетентность** специалиста, выносит на повестку дня вопрос о содержании традиционных дисциплин по практике иноязычного общения как в плане тематического наполнения, так и в плане учебного материала. Это, в свою очередь, актуализирует потребность в преподавателях иностранного языка, готовых к инновационному развитию себя и своей педагогической деятельности, готовых все время учиться самим и обучать дискурсу, в дискурсе и через дискурс.

1. Луцинская О. В. Дискурсивная компетентность как цель в обучении будущих журналистов-международников иноязычному письменному дискурсу // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы III междунар. науч. конф., Минск, 30 окт. 2009 г. / В. Г. Шадурский (отв. ред.). Минск : Тесей, 2009. С. 252–253. [Вернуться к статье](#)

2. Зинченко Я. Р. Развитие дискурсивной компетентности в обучении общественно-политической коммуникации на иностранном языке (на примере политических ток-шоу) // Дискурсивный подход в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе и его место в создании УМК нового поколения / И. Ф. Ухванова (отв. ред.). Минск : БГУ, 2011. С. 80–87. [Вернуться к статье](#)

3. Силкович Л. А. Лингвометодическая система развития коммуникативной культуры будущего лингвиста-преподавателя в аспекте межкультурной коммуникации // Вестн. МГЛУ. Сер. 2. № 1 (33). 2018. С. 125–136. [Вернуться к статье](#)

4. Бразаускаене Е. М. Методика преподавания иностранного языка: осмысление опыта // Дискурсивный подход в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе и его место в создании УМК нового поколения / БГУ ; И. Ф. Ухванова (отв. ред.). Минск, 2011. С. 6–16. [Вернуться к статье](#)

5. Савич Е. В. Воздействующая функция языка и речи как объект дискурсивных исследований // Дискурсивный подход в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе и его место в создании УМК нового поколения / БГУ ; И. Ф. Ухванова (отв. ред.). Минск, 2011. С. 56–66. [Вернуться к статье](#)

6. Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ в современном социально-гуманитарном знании // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3. С. 25–39. [Вернуться к статье](#)

7. Резанова З. И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс. Томск : ИД СК-С, 2011. С. 15–94. [Вернуться к статье](#)

8. Уланович О. И., Рябова А. Е. Конвергенционные и дивергенционные процессы в мировом бизнес-диалоге в аспекте языкового заимствования // Актуальные проблемы гуманитарного образования : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 окт. 2015 г. / О. И. Уланович (отв. ред.). Минск : А. Н. Бараксин, 2015. С. 377–384. [Вернуться к статье](#)

O. I. Ulanovich

Discourse competence as target of a foreign language teaching within discourse approach in language education

Discourse competence as skills to conduct efficient communication in some professional discourse area in accordance with its rules and norms is considered today as the most important quality of a specialist. Thus, knowledge and proficiency in a foreign language for participating in intercultural dialogue in some professional area is assessed in terms of discourse mastery, where discourse is viewed as a whole of activity, reality, and corresponding speech genres and forms. Discourse competence development in future specialists seems possible only within the framework of a discourse approach in language education.

УДК 342.95:615.2

Р. С. Филь

*начальник 2-го научно-исследовательского отдела
научно-исследовательской лаборатории
криминалистической и специальной техники
Государственного научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел Украины,
кандидат юридических наук*

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ПУБЛИЧНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В СФЕРЕ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УКРАИНЕ

В статье освещается вопрос языковой компетенции как составляющей профессиональной компетенции должностных лиц публичной администрации в фармацевтической отрасли в Украине. Охарактеризована нормативно-правовая база по языковой компетенции будущих чиновников. Рассмотрена структура субъектов публичной администрации фармацевтической отрасли в Украине. Раскрыт механизм подтверждения уровня владения государственным языком и получения соответствующего документа об уровне такого владения, указаны недостатки данного механизма.

С целью четкого функционирования фармацевтического рынка в Украине государство закрепляет в нормах административного права свои требования к деятельности органов публичной администрации и их взаимоотношениям с производителями фармацевтической продукции. Бесспорно, все работники этих органов при выполнении своих функциональных обязанностей должны действовать только в пределах своей компетенции и в соответствии с определенным государством порядком. Им запрещено все, что не разрешено нормативно-правовыми актами, которые определяют их компетенцию.

При исполнении служебных обязанностей, как определяет Закон Украины «О государственной службе», должностные лица должны применять государственный язык. В Украине таким является украинский язык, которому Конституцией предоставлен статус языка официального общения должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления при исполнении должностных обязанностей, а также языка делопроизводства и документации этих органов и должностных лиц [1, ст. 2, 8]. Поэтому законодатель не только обязывает должностных лиц органов публичной администрации украинской фармацевтической отрасли свободно использовать государственный язык при

выполнении ими возложенных служебных задач, но и запрещает ее частичную или полную дискриминацию.

Так, первичными элементами административного права являются административно-правовые нормы, которые включают материальные, процессуальные и процедурные нормы. Так, материальные административно-правовые нормы закрепляют объем прав и обязанностей, ответственность субъектов административных правоотношений. Процессуальные нормы определяют порядок реализации юридических обязанностей и прав, установленных нормами материального административного права. Процедурные административно-правовые нормы устанавливают порядок различных действий. В соответствии с функциями права выделяют регулятивные и правоохранные административно-правовые нормы. Регулятивные административно-правовые нормы определяют субъективные права и юридические обязанности субъектов таможенных правоотношений, условия их возникновения и действия. Правоохранные административно-правовые нормы — условия применения к субъекту мер государственно-принудительного воздействия, характер и содержание этих мероприятий.

В целом правоотношения в административно-правовом регулировании фармацевтической отрасли имеют определенную систему для обеспечения перевода общих предписаний норм права в субъективные юридические права и обязанности, полномочия и юридическую ответственность для конкретных лиц. При этом центром общих юридических связей, составляющих основу правоотношений, является правовой статус. Выделение отраслевого правового статуса позволяет проявиться специфике прав и обязанностей субъектов их реализации.

В качестве основных участников административно-правовых отношений выступают, с одной стороны, государственные органы власти, которые контролируют фармацевтический рынок, а с другой — производители фармацевтической продукции. Дополнительными субъектами правоотношений в этой сфере являются другие участники, которые могут выступать в разной организационно-правовой форме и иметь особый статус.

Изучая вопрос субъектов административно-правовых взаимоотношений с целью раскрытия правового статуса должностных лиц, следует осветить содержание понятия «органы публичного администрирования».

В теории административного права имеются различные подходы к определению понятия «публичное администрирование». Так, В. Галушко, П. Дихтиевский, А. Кузьменко и С. Стеценко считают, что публичное администрирование как форма реализации публичной власти характеризуется: 1) внешним выражением реализации задач (функций) исполнительной власти; 2) админи-

стративной деятельностью публичной администрации; 3) осуществляется с целью удовлетворения публичного интереса; 4) негативно отмежевывается от: законодательной деятельности; осуществления правосудия; политической деятельности исполнительной власти; деятельности, направленной на удовлетворение частных интересов [2, с. 19–20]. В целом публичное администрирование, как отмечают А. Ястремская и Л. Мажник, является многоплановым определением, которое охватывает множество институтов современного общества. По их мнению, оно находится в призме трех глобальных подходов: рыночно-либерального — сформулирован в концептуальных моделях нового менеджмента, обновленного управления и опирается на рыночную модель, «равнодушную к политике», в которой гражданин предстает в образе потребителя; либерально-коммунитаристского — развивается в концепции «политических сетей» и опирается на развитие структурных взаимоотношений (договорных) между политическими институтами государства и общества, признает равенство граждан; демократического гражданства — опирается на особое «восприимчивое» администрирование, которое призвано служить гражданину [3, с. 5–6].

Следовательно, органы публичного администрирования — это органы, деятельность которых определяется законодательством и направлена на выполнение норм законов и других нормативно-правовых актов путем принятия административных решений и предоставления административных услуг.

Должность, как отмечено в Законе Украины «О государственной службе» [4], это определенная структурой и штатным расписанием первичная структурная единица государственного органа и его аппарата, на которую возложен установленный нормативными актами круг служебных полномочий. Должностными лицами, в соответствии с этим Законом, считаются руководители и заместители руководителей государственных органов и их аппарата, другие государственные служащие, на которых законами или другими нормативными актами возложено осуществление организационно-распорядительных и консультативно-совещательных функций.

Отметим, что лицо, претендующее на должность чиновника, обязано подать конкурсной комиссии информацию, не только удостоверяющую данные о наличии у него высшего образования, опыта работы, но и подтверждающую уровень свободного владения государственным языком [1, ст. 25].

До принятия 25 апреля 2019 года Закона Украины «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» [5] уровень свободного владения государственным языком удостоверялся удостоверением, которое выдавалось в соответствии с Порядком аттестации лиц, претендующих на вступление на государственную службу, относительно свободного владения

государственным языком, утвержденным постановлением Кабинета Министров Украины от 26 апреля 2017 года № 301 (далее — Порядок) [6]. Процедура аттестации осуществлялась уполномоченным учреждением высшего образования, которое проверяло: языковую компетентность, а именно знание языка, его норм, правил и закономерностей функционирования в различных сферах общественной деятельности, в частности у должностных лиц — знание языка на уровнях лексики, грамматики, фонетики и фонологии, орфографии и т. д.; коммуникативную компетентность, то есть способности применять знания языка в различных ситуациях общения, в частности в сфере делового общения. Результатом такой аттестации было получение участником удостоверения аттестации относительно свободного владения государственным языком.

В связи с отменой в 2019 году данного Порядка соответственно была отменена норма о предъявлении такого удостоверения согласно Закону Украины «О государственной службе». Отныне, согласно ч. 2 ст. 10 Закона Украины «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», должностные лица должны удостоверять уровень владения государственным языком государственным сертификатом, выданным Национальной комиссией по стандартам государственного языка, и его же предъявлять для назначения на публичную должность. Указанный сертификат лицо должно получить, как отмечает законодатель, по результатам проведенного экзамена на определение уровня владения государственным языком с заверением в нем одного из уровней по определенной шкале (А, В или С).

Однако реалии Украины таковы, что подтверждение уровня свободного владения государственным языком осуществляется следующими документами: аттестат о среднем образовании и приложение к нему, где есть предмет «Украинский язык»; диплом о высшем образовании и приложение к нему, где есть предмет «Украинский язык»; сертификат на знание украинского языка.

Таким образом, государство через специально уполномоченные органы публичной администрации осуществляет контроль и надзор за соблюдением законодательства в сфере обращения лекарственных средств, государственных стандартов, критериев и требований Государственной фармакопеи Украины, направленных на безопасность и охрану здоровья граждан. Выполнение таких задач возлагается на должностные лица органов публичной администрации фармацевтической отрасли Украины, которыми могут стать украинцы, которые хорошо владеют государственным языком. А их уровень владения украинским языком влияет на соответствие должности, на которую они претендуют. Поэтому языковая компетентность должностных лиц является составляющей их профессиональной компетентности.

1. Про державну службу : Закон України, 10 грудня 2015 р., № 889-VIII // Відомості Верховної Ради. 2016. № 4. Ст. 43. [Вернутися к статье](#)
2. Адміністративне право України. Повний курс : підручник / В. Галуцько [та ін.]. Херсон : ОЛДІ-ПЛЮС, 2018. 446 с. [Вернутися к статье](#)
3. Ястремська О. М., Мажник Л. О. Публічне адміністрування : навч. посібник. Харків : ХНЕУ ім. С. Кузнеця, 2015. 132 с. [Вернутися к статье](#)
4. Про державну службу : Закон України, 16 грудня 1993 р., № 3723-XII // Відомості Верховної Ради. 1993. № 52. Ст. 490. [Вернутися к статье](#)
5. Про забезпечення функціонування української мови як державної : Закон України, 25 квітня 2019 р., № 2704-VIII // Відомості Верховної Ради. 2019. № 21. Ст. 81. [Вернутися к статье](#)
6. Про організацію проведення атестації осіб, які претендують на вступ на державну службу, щодо вільного володіння державною мовою : постанова Кабінету Міністрів України, 26 квітня 2017 р., № 301 // Офіційний вісник України. 2017. № 38. 116 с. Ст. 1208. [Вернутися к статье](#)

R. S. Fyl

Language competence of officers of public administration in the field of pharmaceutical activity in Ukraine

The article covers the issue of language competence as a component of professionalism of public administration officials in the pharmaceutical industry in Ukraine. The legal framework of the language competence of future officials is described. The structure of subjects of public administration of the pharmaceutical industry in Ukraine is considered. The mechanism of confirming the level of state language proficiency and obtaining the relevant document on the level of such proficiency is disclosed and its shortcomings are specified.

УДК 347.77

С. П. Филь

*старший научный сотрудник научно-организационного отдела
Государственного научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел Украины,
кандидат юридических наук*

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ РАБОТНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ УКРАИНЫ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В статье освещены вопросы языковой компетентности правоохранителей Украины в борьбе с нарушением прав интеллектуальной собственности. Охарактеризована деятельность структурных подразделений органов полиции и таможенных органов Украины, которая направлена на защиту прав интеллектуальной собственности. Акцентировано, что для осуществления эффективной правоохранительной деятельности по защите прав интеллектуальной собственности в нынешних реалиях Украины правоохранителям необходимо постоянно повышать уровень знаний иностранных языков.

Стремление Украины присоединиться к европейскому сообществу обусловливает потребность в специалистах с языковой компетентностью, которые смогут осуществлять успешное взаимодействие с иностранными партнерами. В правоохранительной деятельности это проявляется в процессе общения правоохранителей для решения поставленных задач. Поэтому особую ценность приобретает знание английского языка, поскольку Украина сотрудничает со многими международными организациями, где этот язык является официальным. Ярким примером такого сотрудничества является взаимодействие Национальной полиции Украины с Интерполом — международной организацией уголовной полиции, которая в том числе борется с транснациональной организованной преступностью, которая занимается контрафактом и нарушает законные права интеллектуальной собственности.

Отметим, что активную работу по защите прав интеллектуальной собственности Интерпол начал с 2002 года с принятием Программы интеллектуальной собственности [1], основные задачи которой реализовывались с помощью таких мер, как: оперативные мероприятия по выявлению преступных групп; улучшение эффективности следственного аппарата путем повышения уровня знаний в сфере интеллектуальной собственности; информирование общества об объемах контрафактного товара и негативных последствиях; между-

народная научно-техническая помощь по запросу правительств; создание единых информационных баз данных о контрафактных товарах.

Содействие защите прав интеллектуальной собственности от противоправных посягательств является одной из задач украинских органов полиции, проявлением их правоохранительной сущности. Национальная полиция Украины как центральный орган исполнительной власти служит обществу путем обеспечения охраны прав и свобод человека, противодействия преступности, поддержания общественного порядка и общественной безопасности [2]. В общественной жизни государства роль Национальной полиции Украины реализуется через административную деятельность. От ее эффективности существенно зависит состояние правопорядка в целом, административно-правовая охрана общественного порядка и обеспечение безопасности общества, обеспечение личной безопасности граждан, борьба с преступностью, защита конституционных прав и свобод, законных интересов, прав и интересов юридических лиц.

С принятием Украины в Интерпол, согласно постановлению Кабинета Министров Украины от 25 марта 1993 года № 220, взаимодействие органов полиции Украины с компетентными органами зарубежных государств в решении вопросов борьбы с преступностью имеет транснациональный характер, или выходит за пределы страны, и осуществляется только через Национальное центральное бюро Интерпола [3].

На данный момент в структуре Национальной полиции Украины существует два подразделения, которые обеспечивают охрану прав интеллектуальной собственности, в частности Департамент защиты экономики, который участвует в проведении мероприятий по предупреждению и выявлению уголовных правонарушений в сфере экономики и интеллектуальной собственности, и Департамент киберполиции, который также уполномочен заниматься вопросами противодействия нарушениям прав интеллектуальной собственности в сети Интернет.

Эти два подразделения органов полиции Украины были созданы в соответствии с постановлением Кабинета Министров Украины от 13 октября 2015 года № 830 как межрегиональные территориальные органы Национальной полиции [4]. Так, Департамент защиты экономики Национальной полиции Украины организует и координирует работу территориальных подразделений по противодействию преступлениям в сфере экономики и интеллектуальной собственности; участвует в проведении мероприятий по предупреждению и выявлению уголовных правонарушений в сфере экономики, а также нарушений в сфере интеллектуальной собственности. Департамент киберполиции обеспечивает реализацию государственной политики в сфере противодействия кибер-

преступности и нарушению авторского права и смежных прав в сети Интернет [5]. При этом основными задачами киберполиции являются: участие в формировании и обеспечении реализации государственной политики по предупреждению и противодействию уголовным правонарушениям, механизм подготовки, совершения или сокрытия которых предусматривает использование электронно-вычислительных машин (компьютеров), систем и компьютерных сетей электросвязи; содействие в порядке, предусмотренном действующим законодательством, другим подразделениям Национальной полиции в предупреждении, выявлении и пресечении уголовных правонарушений.

Кроме полицейских, в Украине правоохранительную деятельность, в частности защиту прав интеллектуальной собственности, осуществляют и органы таможи. Так, для выполнения возложенных задач по принятию мер к защите прав интеллектуальной собственности и недопущения перемещения через таможенную границу Украины контрафактных товаров в каждой организационной структуре территориальных органов Государственной фискальной службы Украины в Управлении организации таможенного контроля предусмотрен сектор по вопросам защиты прав интеллектуальной собственности и экспортного контроля. В целом эффективность таможенной деятельности, направленной на защиту прав интеллектуальной собственности и недопущение перемещения поддельных товаров через таможенную границу Украины, зависит, в первую очередь, от квалификации работников таможенных органов в сферах интеллектуальной собственности и таможенного дела.

Сегодня Украина прилагает значительные усилия для внедрения международного опыта по повышению эффективности работы таможи, создания современного таможенного администрирования и приближения деятельности украинских таможенников к европейским стандартам. С подписанием Соглашения об ассоциации Украина обязалась гармонизировать национальное законодательство в соответствии с нормами ЕС, а для адаптации норм по защите прав интеллектуальной собственности на таможенной границе имплементировать Регламент ЕС № 608 / 2013 и Имплементационный Регламент Комиссии (ЕС) № 1352 / 2013 от 4 декабря 2013 года [6].

По данным Государственной фискальной службы Украины, выполнение задач по реализации государственной политики в сфере защиты прав интеллектуальной собственности вызывает необходимость повышения уровня знания иностранных языков и навыков их использования для профессионального общения с иностранными коллегами работников таможенных органов [7]. Так, в рамках проекта, реализуемого Национальным агентством Украины по вопросам государственной службы совместно с Программой Украина — НАТО

по профессиональному развитию гражданского персонала сектора безопасности и обороны на базе школы высшего корпуса государственной службы, работники Государственной фискальной службы Украины, должностные обязанности которых предусматривают выполнение задач, связанных с интеграционными процессами Украины в европейское сообщество, получили сертификаты по повышению уровня владения английским языком. Также ярким примером повышения владения иностранными языками для работников таможенных органов стал европейский проект Twinning, цель которого — обеспечение обмена опытом между государственными служащими Украины и стран ЕС различных сфер государственного управления, в том числе и в таможенном деле. В данном проекте немало места уделялось таможенному контролю и обеспечению защиты прав интеллектуальной собственности для продукции, ввозимой в страну [8]. Такой обмен опытом между работниками таможенных органов стран ЕС и Украины способствовал повышению квалификации работников национальной таможни, а также внедрению европейского подхода к управлению сферой интеллектуальной собственности.

Таким образом, для создания в Украине действенных средств защиты результатов интеллектуальной деятельности и выполнения обязательств имплементации европейских норм по предотвращению преступности по нарушению прав интеллектуальной собственности правоохранители обязаны постоянно повышать уровень владения иностранными языками и знаний основ интеллектуальной собственности, поскольку языковая компетентность правоохранителей позволит им эффективно сотрудничать как с международными организациями, так и с европейскими коллегами по вопросам противодействия нарушениям в сфере интеллектуальной собственности.

1. Trafficking in illicit goods and counterfeiting [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interpol.int/Crime-areas/Trafficking-in-illicit-goods-and-counterfeiting/Trafficking-in-illicit-goods-and-counterfeiting> (дата обращения: 25.03.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Про Національну поліцію : Закон України, 2 липня 2015 р., № 580-VIII // Відомості Верховної Ради. 2015. № 40–41. Ст. 379. [Вернуться к статье](#)

3. Про Національне центральне бюро Інтерполу [Электронный ресурс] : постанова Кабінету Міністрів України, 25 березня 1993 р., № 220 / Официальный сайт Верховной Рады Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/220-93-п> (дата обращения: 25.03.2020). [Вернуться к статье](#)

4. Про утворення територіального органу Національної поліції : постанова Кабінету Міністрів України, 13 жовтня 2015 р., № 830 // Офіційний вісник України. 2015. № 84. С. 66. Ст. 2810. [Вернуться к статье](#)

5. Про затвердження Положення про Департаменту кіберполіції Національної поліції України : наказ Національної поліції України, 10 листопада 2015 р. № 85. [Вернуться к статье](#)

6. Regulation (EU) № 608/2013 of the European Parliament and of the Council of 12 June 2013 concerning customs enforcement of intellectual property rights and repealing Council Regulation (EC) № 1383/2003. Official Journal of the European Union. 2013. № L 181. P. 15–34. [Вернуться к статье](#)

7. Професійна та іншомовна підготовка працівників ДФС на базі Школи вищого корпусу державної служби [Електронний ресурс]. URL: <http://dps.gov.ua/pro-sfs-ukraini/navchalni-zakladi/povidomlennya/208436.html> (дата звернення: 25.03.2020). [Вернуться к статье](#)

8. Питання забезпечення впровадження програми Twinning в Україні : Указ Президента України від 6 жовтня 2005 р. № 1424/2005 // Офіційний вісник України. 2005. № 40. 63 с. Ст. 2543. [Вернуться к статье](#)

S. P. Fyl

Language competence of workers of law enforcement bodies of Ukraine in the field of protection of intellectual property rights

The article covers the issues of language competence of Ukrainian law enforcement officials in the fight against violations of intellectual property rights. The content of activities of structural subdivisions of police and customs authorities of Ukraine aimed at protection of intellectual property rights is described. It is emphasized that effective law enforcement activities for the protection of intellectual property rights in the current realities of Ukraine, makes law enforcement officers constantly improve their knowledge of foreign languages.

УДК 371.31–057.875:34

Н. С. Шатравко

*заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
УО «Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции
и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия»,
кандидат филологических наук, доцент*

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ РИТОРИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ПРАВОВЕДОВ

В статье отмечается актуальность риторических знаний, которые являются необходимой составляющей профессиональной подготовки юристов. Особое внимание уделено содержанию риторической компетенции и активным методам ее формирования у студентов-правоведов. Включение в учебный процесс психолингвистических и риторических курсов по выбору студентов будет способствовать повышению качества подготовки юристов и формированию навыков эффективного профессионального речевого поведения.

Профессиональная подготовка юристов предполагает сформированность необходимых для их практической деятельности коммуникативных компетенций, так как профессия юриста входит в число профессий с повышенной речевой ответственностью.

Проблемы формирования коммуникативной компетентности специалистов широко представлены в исследованиях многих ученых (И. Л. Бим, М. Н. Вятютнева, Д. И. Изаренкова, И. А. Зимней, А. Н. Щукина и др.). При этом в последнее время проблемы коммуникативной компетентности выходят за рамки чисто филологических дисциплин и приобретают междисциплинарный характер.

Коммуникативную компетентность ученые рассматривают как сложное, интегральное образование, в структуру которого входят различные профессионально значимые компоненты. Так, О. О. Павленко считает, что структурно-содержательная модель коммуникативно-профессиональной компетенции содержит языковые, культурно- и предметно-содержательные, социальные (социально-психологические и социолингвистические) знания, а также навыки и умения пользоваться ими для решения задач по общению в простых и комбинированных видах коммуникативной деятельности [1, с. 18].

Коммуникативная компетентность является широким интегральным понятием и если практически подходить к ее формированию у студентов-правоведов, то, безусловно, следует начинать с формирования культурно-

речевой компетенции. Культура речи определяется в лингвистике как мотивированное употребление языкового материала, как использование в определенной ситуации языковых средств, оптимальных для данной обстановки, содержания и цели высказывания, такая организация языковых средств, которые позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных целей. Основным критерием культуры речи лингвисты считают нормативность, которая включает в себя точность и ясность, правильность, чистоту, богатство речи. Кроме того, культурной считается речь, которой присуще речевое мастерство: логическая стройность, разнообразие грамматических конструкций, риторические выразительные средства и др.

По мнению специалистов, изучающих вопросы культуры речи юриста, «язык — это инструмент, при помощи которого оформляются и передаются все мысли, это профессиональное оружие юриста», «умение говорить публично, владение языком издавна считается необходимым профессиональным качеством юриста» [2, с. 3].

Составляющими коммуникативной компетенции юриста являются высокий уровень владения языком, его выразительными лексическими, грамматическими, стилистическими средствами; эффективное и уместное использование жанрового разнообразия профессиональной речи; владение логическими и языковыми средствами убеждающей аргументации; знание риторических правил и законов общения в различных деловых и профессиональных ситуациях и т. д. Реализация коммуникативной компетенции будущего юриста тесно связана также с его личностными качествами (эмоционально-волевыми, креативными, суггестивными, перцептивными), с владением технологией общения и контакта, знанием психологических особенностей личности.

На наш взгляд, особую актуальность в настоящее время приобретает риторический аспект коммуникативной компетентности юриста. К сожалению, в учебных планах подготовки специалистов отсутствует когда-то обязательная дисциплина «Риторика». Восполнить пробел возможно путем введения курсов по выбору студентов, целью которых является совершенствование профессиональной коммуникативной подготовки студентов-юристов. В учебный план подготовки студентов по специальности «Правоведение» в УО БГСХА в качестве курсов по выбору включена дисциплина «Психология межличностных отношений». Темы, изучаемые в курсе «Психология межличностных отношений», способствуют формированию коммуникативной компетентности студентов, однако не дают специфических знаний по риторически и логически грамотному оформлению судебных и других видов профессиональных речей.

Юридическая риторика является неотъемлемой составляющей профессиональной культуры юриста. Как отмечают Л. А. Введенская и Л. Г. Павлова, «обучение искусству слова должно вестись с обязательным учетом юридической практики в новых социальных условиях» [3, с. 3]. Обучаемые должны научиться анализировать текст судебной речи с риторической точки зрения (структура речи, система доказательств, коммуникативные стратегии и тактики, ораторские и полемические приемы, средства речевой выразительности и т. п.) и овладеть навыками подготовки обвинительных и защитительных речей с учетом специфики осудительной и оправдательной аргументации. Кроме того, следует подчеркнуть необходимость соблюдения этических принципов, норм общения, знания психологии коммуникативного акта, владения риторическими приемами, стилистическими ресурсами языка, которые требуют специального обучения.

Очевидно, что традиционная лекционно-семинарская система не соответствует задачам формирования риторической компетентности. Для эффективной организации профессионально ориентированного обучения студентов-юристов необходимо создание коммуникативной образовательной среды, направленной на решение задач по формированию заданной цели: моделирование в учебном процессе предметного и социального содержания юридической деятельности; направленность учебных курсов на формирование коммуникативной готовности студентов к будущей профессиональной деятельности; проведение диагностики и коррекции исследуемого процесса; использование методов проблемного и развивающего обучения, учебных коммуникативных тренингов межличностного взаимодействия и др.

Юридический язык является одним из самых сложных профессиональных языков, профессиональное общение требует развитых речевых умений, сформированности высокой культуры речи и речевого поведения в различных ситуациях профессиональной деятельности. Риторически грамотный специалист должен не просто соединять слова по законам грамматики в единый текст, а создавать такой профессиональный текст, который будет обладать убеждающим воздействием на слушателей и соответствовать законодательным требованиям.

В ходе проведенного нами опроса студентов 1–2 курса по специальности «Правоведение» (56 человек) было установлено, что формирование коммуникативной готовности студентов-юристов к профессиональной деятельности является актуальной проблемой для будущих специалистов. 76 % опрошенных отметили, что нуждаются в риторических знаниях по грамотному оформлению различных видов профессиональных текстов, 82 % опрошенных респондентов недостаточно владеют методами и тактиками аргументации, умением выстраи-

вать доказательства в споре, 72 % нуждаются в знаниях по использованию риторических выразительных средств и средств речевого воздействия.

Требования к профессиональной коммуникативной компетентности юриста включают такие качества речи и речевого поведения, как правильность, точность, ясность, выразительность, богатство языка; логичность, аргументированность, доказательность приводимых положений, умение отстаивать свою точку зрения в споре; умение слушать партнера по общению, тактичность, внимательность; способность грамотно выстраивать стратегию речевого поведения в различных ситуациях общения.

Отметим, что профессиональные коммуникативные умения и навыки специалиста не формируются спонтанно. В современном образовании «дисциплинарно-знаниевая» доминанта монологического типа не является эффективной, она должна уступить место творческому, личностно ориентированному обучению, при котором важное место занимают диалогические формы и методы обучения. Эффективными формами учебной работы по формированию профессиональной риторической компетенции студентов-юристов являются: создание проектов, подготовка публичных юридических выступлений, дискуссионное обсуждение профессионально важных проблем, разыгрывание проблемных ситуаций, подготовка и обсуждение видеофильмов и презентаций и т. д.

Особое внимание при изучении риторики следует уделять умению находить и предъявлять веские аргументы в споре и дискуссии, систематизировать доказательства, находить адекватную стратегию коммуникативного взаимодействия, преодолевать барьеры общения. Слово юриста способно оказывать большое психологическое воздействие на аудиторию. Недостаточно грамотная, бедная, слишком казенная, серая речь не способствует эффективному выполнению профессиональных функций юриста.

В учебном процессе должны применяться активные формы и методы, способствующие формированию жанрового разнообразия юридических и деловых речей (обвинительная и защитительная речи, прения, дебаты, постановление, приговор и т. д.). Предварительное обсуждение речей, целенаправленная работа над профессиональной лексикой, стилистическое редактирование текста, поиск наиболее выразительных и убедительных риторических средств воздействия позволят развивать и совершенствовать профессиональную культуру речи будущих юристов. Юрист должен владеть ораторским мастерством, нормами литературной речи не только для того, чтобы ясно, стилистически правильно, убедительно выразить свои мысли, но и чтобы четко формулировать выводы, выступать от имени правосудия.

Расширить и разнообразить изучение юридической риторики можно за счет участия в научно-практических студенческих конференциях с обязательным выступлением на секционных заседаниях; участия в работе студенческих научных кружков, организации экскурсий на открытые судебные заседания, экспертной работы по анализу судебных речей и пр.

Инновационный характер данных форм и методов обучения студентов-юристов проявляется в интеграции профессиональной, научно-поисковой и учебной деятельности, возможности развития творческой индивидуальности и совершенствования личности студента, будущего специалиста, в применении инновационных технологий в конкретных условиях практической деятельности.

Таким образом, включение в учебный процесс психолингвистических и риторических курсов по выбору студентов будет способствовать повышению качества подготовки юристов и формированию навыков эффективного профессионального речевого поведения.

1. Павленко О. О. Формирование коммуникативной компетенции учащихся таможенной службы в системе непрерывного профессионального образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.04. Киев, 2005. 40 с. [Вернуться к статье](#)

2. Ивакина Н. Н. Культура судебной речи : учеб. пособие. М. : Издат. БЕК, 2014. 334 с. [Вернуться к статье](#)

3. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Риторика для юристов : учеб. пособие. Ростов н/Д : Феникс, 2002. 576 с. [Вернуться к статье](#)

N. S. Shatravko

To the problem of forming rhetorical competence of justice students

The article notes the relevance of the study of the communicative side of legal activity. The main structural components of communicative competence in relation to the training of lawyers are considered. The main communicative qualities of a professional lawyer are distinguished. Examples of effective forms of educational work on the formation of professional rhetorical competence of law students are given. In the study of special courses aimed at the formation of communicative competence of lawyers, it is important to study the norms of the modern literary Russian language, use different types of practical tasks for the development of a culture of competent written and oral speech of future specialists. The inclusion in the educational process of psycholinguistic and rhetorical courses for the choice of students will help to improve the quality of training of lawyers.

УДК 801.56

Н. М. Эдвардс

*доцент кафедры межкультурной экономической коммуникации
Белорусского экономического университета,
кандидат педагогических наук, доцент*

НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ АМЕРИКАНСКИХ СПОРТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В БИЗНЕС-ДИСКУРСЕ

Основное внимание в статье уделяется прагматической направленности воздействия на реципиента использованием американских спортивных фразеологизмов, перенесенных в бизнес-дискурс. Овладение данными аспектами является необходимым условием эффективной коммуникации и языковой компетентности бизнес-партнеров.

В последние годы усиливается интерес к вопросам, связанным с функционированием фразеологизмов в различных коммуникативных дискурсах. Главным образом это связано с активными процессами миграции рабочей силы и развитием бизнес-контактов между представителями разных культур, коммуникация с которыми требует не только знания официального английского языка (как доминирующего в бизнес-среде), но и понимания партнеров на более глубоком, фразеологическом уровне. Вполне закономерно, что особое место в освещении такой проблематики занимает коммуникативно-прагматическое изучение фразеологизмов носителей английского языка, применяемых в бизнес-дискурсе и более широко понимаемом деловом дискурсе.

Фразеологизмы, как правило, используются в тех случаях, когда субъекту речи необходимо выразить эмоциональное отношение к предмету мысли, произвести определенный прагматический эффект на реципиента. Высокая популярность спорта в Великобритании и США — у непосредственных носителей английского языка — привела к возникновению особенной спортивной субкультуры, которая отражается в повседневной жизни и бизнесе. Во многих исследованиях отмечается, что в межличностной коммуникации бизнес-сферы сейчас распространены спортивные фразеологизмы [1]. Для коммуникантов — не носителей английского языка, взаимодействующих с партнерами из англоговорящих стран, в последнее время активно вводятся уроки делового английского в Spoken English Practice, где большая часть уроков посвящается изучению применения фразеологизмов в реальных бизнес-ситуациях [2]. Смысл фразеологизмов хорошо раскрывается в прагматическом контексте. Контекст находится в отношении

дополнительности к центральному для прагматики понятию — речевому акту. Американский спортивный контекст обогащает бизнес-дискурс фразеологизмами не столько лексически, сколько прагматически, привнося новые, более мощные эмоциональные и имплицитно присутствующие оценочные доминанты. Следует отметить устойчивую связь между восприятием в бизнес-дискурсе новых фразеологизмов и доминантных черт американцев — соперничества, соревновательности, прямоты, энергичности, практичности, воспринимаемых исключительно в позитивном, одобрительном значении.

Прагматическая функция фразеологизмов представляет собой целенаправленное воздействие на адресата и максимально реализуется в контексте наряду со стилистической функцией [3]. Ключевыми прагматическими параметрами фразеологизмов можно считать экспрессивность, концептуальность и эксплицитность. Эмотивная функция оценки и отношения к высказанному иногда реализуется через использование прагмем, обладающих реальной константной прагматичностью, так как их семантика характеризуется прагматической направленностью. Однако при анализе порядка 50 современных фразеологизмов, используемых в бизнес-дискурсе, нам удалось выделить в их структуре немного прагмем, напрямую реализующих прагматическую функцию оценки:

а) содержащие отрицательную прагматическую направленность: *miss* — «пропустить, упустить», *to be behind* — «быть позади», *false* — «фальшивый», *heavy* — «тяжелый»;

б) содержащие положительную прагматическую направленность: *full* — «полный, окончательный», *the best* — «наилучший», *quick* — «скорый», *to be ahead of* — «быть впереди».

Теоретически практически любая лексическая единица может выражать эмоциональную оценку в контексте определенного высказывания, если возникают иные, не зафиксированные в словарях окказиональные эмоционально-оценочные значения. Известная способность фразеологизмов производить мощный коммуникативный эффект и вызывать у реципиента прагматические отношения к сообщаемому, то есть осуществлять направленное прагматическое воздействие на получателя информации, составляет их прагматический потенциал. Поэтому наибольший интерес представляют, например, спортивные термины, которые в определенном прагматическом контексте бизнес-дискурса демонстрируют имплицитное значение оценочности ситуации.

Прагматический потенциал целого ряда таких фразеологизмов подкрепляется их способностью к многообразным ассоциативным связям и транскультурному переносу оценочных значений. Направленность прагматического воздействия таких фразеологизмов может быть определена имплицитными значе-

ниями спортивных терминов в их составе и описана эмоционально-оценочным состоянием самого автора-коммуниканта, передаваемым с целью желаемого воздействия на реципиента.

Рассмотрим несколько примеров использования некоторых ярких и убедительных американских спортивных фразеологизмов в бизнес-дискурсе с точки зрения направленности их прагматического воздействия.

1. Bush league — «низшая лига в спорте». В бизнес-дискурсе выражение употребляется для описания непервоклассных товаров, низкопробных продуктов не лучшего качества. Как в спорте, так и в деловом окружении это группа дилетантов или непрофессионалов, т. е. низшая лига, второй дивизион. В контексте прагматической направленности воздействия данный фразеологизм содержит эмоциональное указание на «категорию, классность» явления или оцениваемого предмета, работу группы людей как низкого класса. Данная оценка важна в бизнес-дискурсе так же, как и в спорте, так как не напрямую, но направляет внимание реципиента на низкое качество и имплицитно призывает к осторожности в принятии решения относительно обсуждаемого: *It's bush-league reporting, even for your newspaper.* — «Даже для твоей газеты репортаж выполнен *некачественно*». *And frankly, I am offended that you think I would do such a bush-league work.* — «Честно говоря, я оскорблен тем, что ты подумал, что я мог *сделать работу настолько плохо*».

2. To be / run neck and neck — «не отставать от соперника ни на шаг». Оригинальная область применения данного выражения – спортивные состязания, спортивные комментарии. В бизнесе оно используется для описания ситуаций острой конкуренции. Прагматическая направленность фразеологизма состоит в побуждении к действию: держаться наравне с соперником, сохранять боевой дух в ситуации конкуренции. Примеры использования в контексте: *The companies were neck and neck, and each of them wanted to win the tender.* — «Компании *не отставали друг от друга*, и каждая хотела выиграть тендер».

3. To get a head start — «положить хорошее начало, получить “ фору ”, успешно начать, опередить кого-то, заполучить преимущество». Исходная сфера употребления данного фразеологизма — конный спорт, где преимущество получает тот наездник, чья лошадь быстрее начнет скачки после сигнала. Прагматическая направленность фразеологизма состоит в воодушевлении реципиента: поощряет опережение, стремление добиться поставленных целей, мотивацию в связи с уже имеющимся преимуществом: *This year we'll get a head start on the competition by running more ads.* — «В этом году мы *устроим хорошее начало* в конкурентной борьбе, запустив больше рекламы». *Having implemented the new technology faster than the competitors, the company got a good head start.* —

«Внедрив новую технологию быстрее соперников, компания *получила значительное конкурентное преимущество*».

4. To have the inside track — «иметь преимущество, иметь свои связи, иметь свои ходы, иметь лучшие шансы». Выражение пришло из бегового спорта, где, как известно, расстояние по внутренней дорожке стадиона короче, что дает преимущество бегущему по ней атлету. Прагматическая направленность фразеологизма состоит в поддержке правильности действия, обусловленного наличием законного преимущества: *With access to top national executive search consultants, our writers receive the inside track to what hiring managers are seeking.* — «Имея доступ к лучшим консультантам страны по поиску руководящих лиц, наши авторы *имеют преимущество*, зная, что ищут HR-менеджеры».

5. To jump through hoops — «беспрекословно выполнять требования, выполнять условия». Выражение пришло в бизнес-дискурс из спортивной гимнастики — прыгать через обруч. Прагматическая направленность фразеологизма состоит в одобрительном поощрении следования всем установленным правилам и ограничениям ради достижения результата: *While some programs require that people jump through hoops, borrowers only have to meet one of four criteria to qualify for economic hardship deferment on federal loans.* — «Пока некоторые программы *требуют строгого соблюдения всех требований*, заемщики должны соответствовать только одному из четырех критериев, чтобы претендовать на отсрочку экономических трудностей по федеральным кредитам».

6. To keep your cards close to your chest — «не раскрывать свои карты, строго хранить секреты». Выражение первоначально использовалось в карточных играх, где, как и в бизнесе, важно уметь сохранять конфиденциальность до определенного момента взаимодействия с конкурирующей за выигрыш стороной. Прагматическая направленность фразеологизма состоит в упреждающем нежелательные шаги воздействия:

I kept my cards close to my chest during the negotiation. — «Во время переговоров я *ни разу не выдал информацию*».

7. Poker-faced — «хранить каменное, безэмоциональное лицо». Выражение пришло в бизнес-сферу из игры в покер, где участники не должны показывать выражением лица наличие хороших или плохих карт. Прагматическая направленность фразеологизма состоит в предостерегающем от необдуманного поведения воздействии: *The clients sat poker-faced all through my sales pitch. It was so unnerving.* — «Клиенты *сидели с бесстрастными лицами* на протяжении всего моего монолога о торговом предложении. Это заставило меня порядком понервничать».

Прагматический потенциал речевого акта или текста является результатом выбора коммуниканта в соответствии с его коммуникативным намерением [4]. Коммуникант отбирает для передачи информации наиболее соответствующие его коммуникативному намерению языковые единицы, обладающие, на его взгляд, наиболее воздействующим на реципиента необходимым значением, как логическим, так и коннотативным. Прагматической задачей коммуниканта, использующего фразеологизм в определенном контексте, кроме выражения своего мнения, является еще и убеждение реципиента, навязывание ему своего впечатления. В результате созданный текст или устная реплика приобретает определенный прагматический потенциал, возможность произвести некоторый коммуникативный эффект, вызывая у реципиента реакцию, адекватную интенции коммуниканта. Выбор коммуниканта всегда обуславливает различный прагматический эффект его оформленного фразеологизмами высказывания в различных коммуникативных ситуациях, а коммуникативные возможности фразеологизмов и их переноса в разные дискурсы практически не имеют границ.

Прагматический потенциал американских фразеологизмов обладает мощным эмоционально-оценочным зарядом, переносимым в бизнес-дискурс либо без изменений первичного значения, либо с привнесением дополнительного усиливающего значения, актуализируя в деловой речи оценочные значения на более эмоциональном уровне, мгновенно и безошибочно воспринимаемом реципиентами, выросшими в той же языковой среде [5]. Высказывания, несущие оценочную информацию, способны управлять поведением людей и выполнять прагматическую функцию в речи. При этом согласимся с исследователями Н. Л. Анипкиной, Л. А. Киселевой, И. А. Ольковой [6] в утверждении, что оценочные высказывания обладают двойной прагматической направленностью — это и эмоциональная реакция на сказанное самого коммуниканта, и попытка прагматического воздействия определенной направленности с целью изменения эмоционального состояния реципиента.

Для не носителей английского языка такие фразеологизмы могут представлять проблему в их понимании (как, например, требующие вычисления имплицатуры) и лишь после осознания представлять определенный прагматический эффект и его побудительную направленность. Результат действенности описанных выше и многих аналогичных американских спортивных фразеологизмов, используемых в бизнес-дискурсе, отражается в прагматическом воздействии, а имплицитное значение компонентов, входящих в структуру фразеологизма, составляет прагматическую направленность данного воздействия. Анализ некоторых часто используемых в бизнес-дискурсе спортивных фразеологизмов показал, что хотя такими компонентами могут иногда быть прагмемы,

большей частью имплицитное значение переносится спортивными терминами в составе фразеологизмов. Именно они по большей части описывают эмоционально-оценочное состояние коммуниканта, передаваемое реципиенту с целью желаемого направления воздействия.

Понимание направленности прагматического воздействия спортивных фразеологизмов, часто используемых в бизнес-дискурсе, способствует более полному пониманию бизнес-партнеров в процессе деловой коммуникации, а их изучение и релевантное употребление не носителями английского языка приращивает их языковую компетентность.

1. Jean Henry. How to Play the Game, American English Sports & Games Idioms. BookBaby, 2016. 182 p. [Вернуться к статье](#)

2. Shanthi Streat. Business Idioms: How Sports and Business Make Good Companion [Electronic resource] // English with a Twist. URL: <https://englishwithatwist.com/2018/06/21/idioms-sports/> (access date: 11.04.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Паршин П. Б. Речевое воздействие [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Кругосвет». URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHEVOE_VOZDESTVIJE.html (дата обращения: 29.02.2020). [Вернуться к статье](#)

4. Сасина С. А. Прагматический потенциал фразеологических единиц профессионального и терминологического происхождения в английском и русском дискурсах // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. 2008. Вып. 1 (29). С. 156–159. [Вернуться к статье](#)

5. Эдвардс Н. М. Транскультурный перенос эмоционально-оценочного значения на примере миграции спортивных фразеологизмов в американский бизнес-дискурс // Вести института современных знаний. Культурология. № 2. Минск : ЧУО «Институт современных знаний имени А. М. Широкова», 2019. С. 94–99. [Вернуться к статье](#)

6. Олькова И. А. Прагматическая направленность оценочной семантики языковых единиц // Вестн. Омск. юрид. ин-та. 2011. № 2 (15). С. 77–80. [Вернуться к статье](#)

N. M. Edwards

Focus of the pragmatic impact of American sports idioms used in the business discourse

The main attention in the article is paid to the pragmatic orientation of the impact on the recipient through American sport-inspired idioms transferred to business discourse. Mastering these aspects is a prerequisite for effective communication and language competence of business partners.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Akenina A.</i> Participation of the postgraduate students in the work of the scientific forums as one of the motivating factors of successful research doing	7
<i>Балабанов В. Б.</i> Особенности структуры и содержания электронного учебного издания по иностранному языку	13
<i>Балло Ю. А., Шкатуло Н. М.</i> Особенности языковой подготовки студентов юридических специальностей.....	18
<i>Васильева Т. Ю., Мандрик Э. Л.</i> Дидактический синквейн в процессе обучения русскому языку как иностранному: основные трудности	24
<i>Васильченко Л. В.</i> Структура коммуникативной компетентности	29
<i>Ващук Н. Ф.</i> Коммуникативная толерантность сотрудников Министерства внутренних дел Украины в контексте использования униформы как инструмента улучшения имиджа.....	34
<i>Венидиктов С. В.</i> Кликбейт-заголовки «негативных» новостей правоохранительной тематики (по материалам портала TUT.BY).....	42
<i>Венідзіктаў С. В.</i> Руская жэставая мова і дактыльная гаворка ў сістэме спецыяльнай лінгвістычнай кампетэнтнасці супрацоўнікаў органаў унутраных спраў.....	49
<i>Володько С. М., Бергель Т. Ю.</i> Об интеграции культуры в лингвистическое образование	55
<i>Воробьева А. Н., Коклевский А. В.</i> Формирование иноязычной коммуникативной компетенции студентов на основе технологии проектного обучения.....	61
<i>Выборный В. Д.</i> Динамика развития этнической толерантности жителей Могилевской области	68
<i>Галковская Ю. М.</i> Национально-культурная составляющая профессиональной компетенции будущих переводчиков	76
<i>Доминикова С. Ф.</i> Формирование социокультурных компетенций в обучении РКИ (на материале культурно маркированной фразеологии).....	81
<i>Журов В. В.</i> Коммуникативная компетентность сотрудника патрульно-постовой службы милиции как средство эффективного взаимодействия с гражданами	88
<i>Иванов Е. Е., Перунова А. В.</i> Виды метафорических моделей в экономическом дискурсе на материале британской прессы	92
<i>Каленич В. Н.</i> Интертекстуальность в заголовках медиатекстов.....	97
<i>Канашевич-Адыгезалова Д. А.</i> Межкультурная компетентность как важнейший компонент коммуникативной компетентности	104
<i>Kozhina Ju. G.</i> From the experience of positive professional worldview building when teaching linguistic disciplines to the future lawyer.....	110

<i>Коньшова А. В.</i> Формирование языковой компетенции студентов неязыковых специальностей	116
<i>Коротков Н. Н.</i> Между сциллой и харибдой	124
<i>Kotowa G. W.</i> Kulturologisches potential vom inhaltsbereich der fremdsprachenvermittlung an der juristischen hochschule des MDI Russlands	131
<i>Кравчук Л. С.</i> Иноязычное образование в контексте профессиональной подготовки сотрудников полиции	138
<i>Lappo E. N.</i> Advantages of electronic textbooks in studying foreign languages	144
<i>Lukashova N. U.</i> Teaching reading in the process of foreign language education at the University of the Ministry of internal affairs as a factor in the development of speech behavior of cadets.....	149
<i>Лукина О. А.</i> Особенности коммуникации с ребенком трех лет: языковая и психологическая компетентность родителей	157
<i>Маслов Ю. В.</i> Языковая компетентность как цель иноязычной подготовки: оцениваем выбор	161
<i>Музыка Ю. В.</i> Pedagogical support for students in the process of application to a foreign language culture.....	168
<i>Pavlova Ya. A.</i> Synonyms in the contemporary English legal discourse: to the issue of the correct choice of words	Ошибка! Закладка не определена.
<i>Pavlova G. B., Chesnokova O. A.</i> Use of the method of discussion in the process of foreign language teaching in a higher educational institution of the Ministry of internal affairs	178
<i>Рыжков С. Ю.</i> Устойчивые сравнения в практико-ориентированном обучении китайскому языку.....	184
<i>Рябова А. А., Зелезинская Н. С.</i> Трудности перевода имен собственных (на материале антиутопии О. Хаксли «О дивный новый мир»).....	189
<i>Супрун Д. Н.</i> Иноязычный аспект в рамках практико-ориентированного подхода — залог профессиональной подготовки конкурентоспособного специалиста	196
<i>Тетюева К. С.</i> Риски информационного влияния: психолого-педагогический ракурс.....	202
<i>Томашева Е. П.</i> Формирование у сотрудников МВД теоретических знаний о системах невербальной коммуникации лиц с нарушением слуха	207
<i>Уланович О. И.</i> Дискурсная компетенция как цель обучения иностранному языку в рамках дискурсного подхода в языковом образовании.....	213
<i>Филь Р. С.</i> Языковая компетенция должностных лиц публичной администрации в сфере фармацевтической деятельности в Украине	221

<i>Филь С. П.</i> Языковая компетентность работников правоохранительных органов Украины в сфере защиты прав интеллектуальной собственности.....	226
<i>Шатравко Н. С.</i> К проблеме формирования риторической компетенции студентов-правоведов.....	231
<i>Эдвардс Н. М.</i> Направленность прагматического воздействия американских спортивных фразеологизмов, используемых в бизнес-дискурсе.....	236

[Вернуться к статьям](#)

[Вернуться на титульный экран издания](#)